

ЛАВА

XXII

журнал поэзии

СУМЫ — ГОРОД ПОЭТОВ

Харьков
2014
СЛОВО

ISBN 581-764-7875-18-56

Главный редактор:

Андрей Костинский – Герман Титов

Редакция

Богдан Ант
Виталий Ковальчук
Андрей Костинский
Евгений Кривочуприн
Герман Титов
Юрий Шкурко

Издание является неотъемлемой частью
проекта клуба поэзии «АВАЛ»
(руководитель – Андрей Костинский)

Концепция и дизайн номера – Герман Титов

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Новый, 22-й номер журнала поэзии **«ЛАВА»** посвящён, в основном, поэзии нашего ближайшего соседа — города СУМЫ, необыкновенно уютного, живописного и музыкального.

Наш гость — Сумская областная литературная студия **«Лит-ра.com»**.

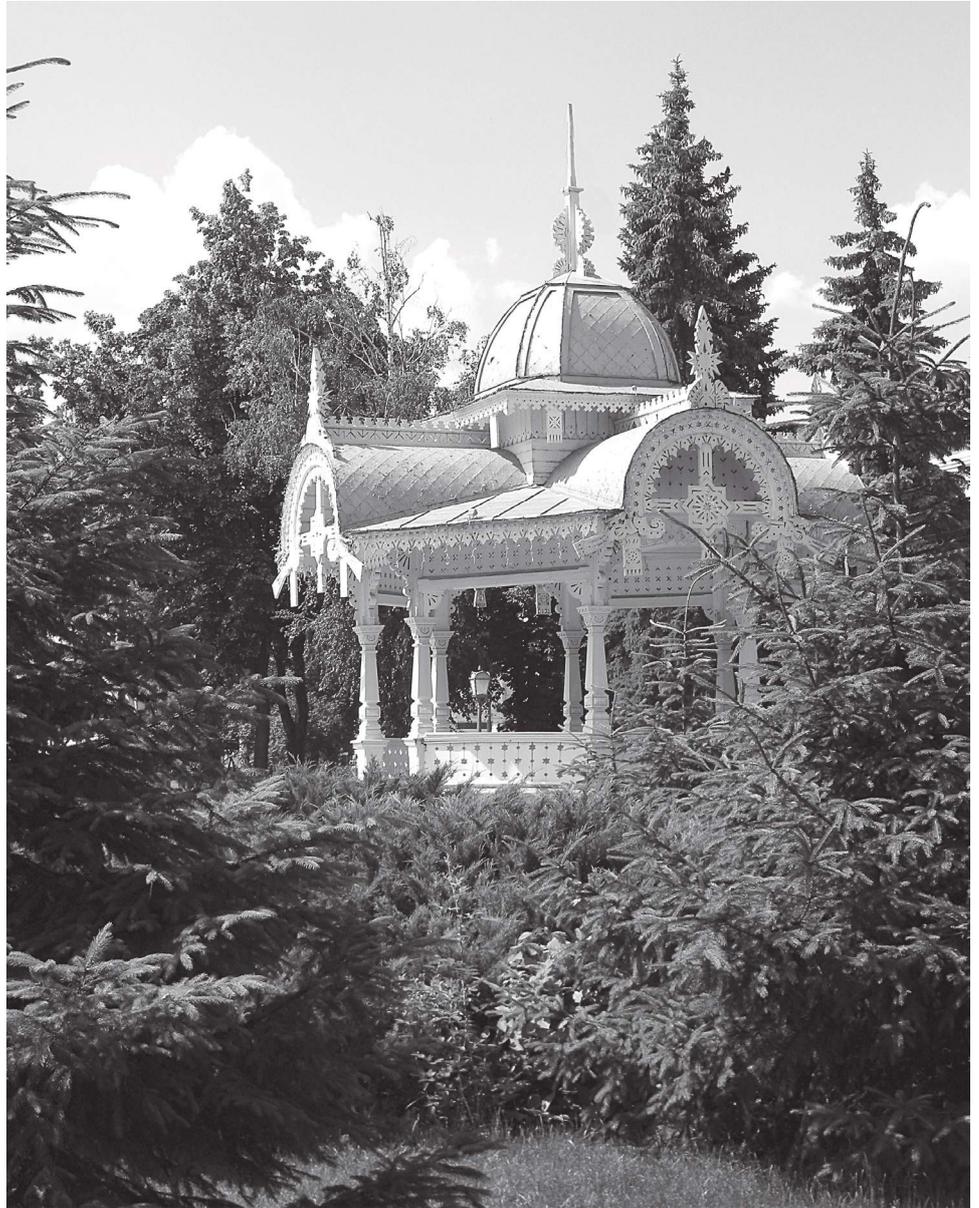
Студия была открыта в рамках межрегионального проекта **Андрея Полякова** «Сумщина творческая. Культура и искусство» на общественных началах 1 декабря 2011 г. Она объединяет многих интересных и своеобразных поэтов. Подробнее о студии будет сказано в соответствующем разделе. Здесь же отмечу только, что мы надеемся и далее знакомить читателя с творчеством соседних городов.

Отдельный, небольшой раздел журнала посвящён авторам, чьё творчество и/или обстоятельства биографии так или иначе связаны с г. Сумы.

Разумеется, номер проиллюстрирован различными живописными видами г. Сумы, в чём немалую помощь редакции оказали Андрей Поляков и Маргарита Москвичёва. В оформлении обложки использована живопись Г. Титова.

Кроме того, с этого выпуска мы начинаем публикации, каждая из которых будет представлять собой культурный срез (или пласт) одного поколения в многослойном и полифоничном литературном процессе. Публикацию этого номера составляют стихи и проза четверых однокурсников. Итак, знакомьтесь: филфак ХГУ им. А. М. Горького, год поступления — 1987.

И, конечно, как всегда, в «ЛАВЕ» широко представлены новые стихи и прозаические творения (в т. ч. — дебюты) авторов Харькова, нашей страны, а также ближнего и дальнего зарубежья.

СУМЫ — город ПОЭТОВ

литературная студия ЛИТ-РА.СОМ

Сумская областная литературная студия «Лит-ра.com»

Студия открыта в рамках межрегионального проекта Андрея Полякова «Сумщина творческая. Культура и искусство» на общественных началах 1 декабря 2011 г.

Сначала заседания проходили в сумской муниципальной галерее, а с 2012 года — в сумской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по воскресеньям в актовом зале с 14:00 до 17:00. Нетрудно посчитать, сколько за это время было проведено заседаний! В таком ритме, наверное, не живёт ни одна из существующих на Сумщине студий.

Проект «Сумщина творческая. Культура и искусство» в течение двух лет не просто динамично развивался, а за короткое время стал одним из самых «живых» проектов, в рамках которого проходят историко-литературно-музыкальные мероприятия, направленные на развитие творческого потенциала жителей не только нашего города, но и области. На сегодня с участием студии проведено около сорока всевозможных мероприятий — встреч, вечеров, концертов — в школах, ВУЗах, библиотеках, общественных центрах и на других городских площадках.

Для примера, достаточно вспомнить некоторые из них:

— в среду 15 февраля 2012 г. в г. Глухове Сумской области в День памяти воинов-афганцев члены Сумской областной литературной студии «Лит-ра.com» вместе с представителями Международного союза писателей, членами Международной литературной организации «Славянские колокола» г. Рыльск (Россия) и творческой интеллигенцией города в центральной районной библиотеке провели межрегиональную творческую встречу-концерт.

— в воскресенье 25 ноября 2012 г. в сумской универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской состоялась первая «Большая поэтическая встреча» литераторов Сумщины. В мероприятии участвовали около 20 поэтов — представителей разных поэтических школ, среди которых были члены Сумской областной организации Национального союза писателей Украины, Сумской областной литературной студии «Лит-ра.com», литературной студии «Крылья» Александровской гимназии, «Творчого збіговиська «Паркан»», а также поэтов из области.

— в воскресенье 1 апреля 2012 г. литстудийцы участвовали в городской юморе.

— в 2012-2013 гг. студия участвовала во Всеукраинских Александровских чтениях, традиционно проходящих в Сумах в рамках проекта Александровской гимназии.

— участвовали литстудийцы и во Всеукраинском историко-литературно-музыкальном мероприятии «Гусарская баллада», прошедшем в 2012-2013 гг. в Сумах.

Этот список можно было бы расширять и расширять.

Только за два неполных года существования студии, литстудийцы совместно с областным радио выпустили 14 литературных передач, а в газете «Панорама» — 7 литературных страниц. Их стихи публиковались и на страницах газеты «Ваш шанс».

Большим другом студии стал киевский всеукраинский литературный альманах «Каштановый дом», опубликовавший на своих страницах в 2012 и 2013 гг. произведения литстудийцев. Печатались члены студии и в журнале «Дніпро». Свои книги выпустили: Юрий ОШ, Ирина МИХНО, Татьяна ПРУС, Елена ЧЕРНЕНКО, Анатолий ЛИТВИНЕНКО, Владимир КОВАЛЕНКО, Альбина БАТУРИНА и Виктор ОСАДЧИЙ.

Есть у студии и свои победы:

— руководитель студии Андрей ПОЛЯКОВ в 2013 г. стал лауреатом Международного поэтического конкурса «Премия Неизвестного читателя» (Киев) и Международного многоуровневого конкурса имени де Ришелье (Одесса), а также вошёл в «Золотую десятку» рейтинга «Сумщина-2013. ТОП — 50». Ранее он стал лауреатом Национальной литературной премии им. Николая Ушакова (2001 г.) и лауреатом Всеукраинского литературного конкурса журнала «Радуга» (2005 г.),

— Маргарита МОСКВИЧЁВА в 2013 г. стала лауреатом Международного литературного фестиваля-конкурса «Бумажный ранет» (Москва).

— Ольга КОЗЕНКО в 2013 г. стала лауреатом литературного конкурса «КЛЮП-2013», проходившего в рамках Международного фестиваля «Поэтическая Лига» (Киев).

— Ирина МИХНО в 2013 г. стала дипломантом юбилейного XXV Международного фестиваля авторской песни и песенной поэзии «Булат» в номинации «Поэты» (Сумы). Ранее, опять же в Сумах, она победила в конкурсе на звание «Короля поэтов».

Активно участвуют литстудийцы и в литературной жизни Украины и России.

Так, Маргарита Москвичёва в 2013 г. выступила в Москве на вручении дипломов лауреатов Международного литературного фестиваля «Бумажный ранет», проходившем в торжественной обстановке на ВДНХ России во время Международной книжной ярмарки, а в это же время литстудийцы Надя Позняк, Ольга Козенко и Ирина Михно представляли Сумы

на Международном литературном фестивале «Каштановый дом-2013» (Киев). В рамках фестиваля с успехом прошли «Парнасские игры», в которых честь Сум защищали Ольга Козенко и Ирина Михно. Первое место в составе команды «Разбитая страница» заняла Ольга Козенко, а в составе своей команды Ирина Михно завоевала почётное второе место.

В мае 2014 года Надя ПОЗНЯК стала лауреатом Всеукраинского литературного конкурса им. Леся Мартовича (Жовква).

Андрей ПОЛЯКОВ

Сумы

ДОРОГА

Играла волною у края причала,
И в спальню по ней приходила луна,
И каждое сердце, конец и начало,
Скворец перелётный — всё это она.

Дорога, дорога... Ни хаты, ни тына.
Тоска да куда-то зовущая даль.
Во имя Отца воскресили нам Сына,
И мы прибежали голодные:

«Дай!»

А небо! А небо... Ты было при Ное,
О чём и напомнило снова душе.
И катятся волны... Иное, иное,
Иное ночами нам снится уже.

Дорога, дорога... Бывает так плохо —
Никто не поможет, не вправе помочь.
На три разделилась безропотных слога
И так бесконечна, как долгая ночь.

*Как и жить мне с этой обузой,
А ещё называют Музой...*

А. Ахматова

Может, когда-нибудь станет обузой —
Ну а пока называется музой,
Ночью бессонною ветра глотком,
Требуется жизнь отложить на потом.
Это «пока» — не даёт мне покоя,
Будто за стенкою кто-то ревет.
Ждёшь: вот нагрянет и будет такое —
Только лишь правду одну и соврёт.
Кто мне ответит зачем эта мука?
Воздух глотаю, а в нём пустота.
Слышишь, срывается капелька звука
В бездну листа...

Что только ты не делал с нею:
Топтал, душил, на части рвал.
И даже жизнью, даже всею
В глаза глядел и тут же врал.
Пытал её, сжигал, морозил.
Смеялся над её бедой.
И прямо в ад бездушный бросил.
И там, в аду, не дал одной,
Лишь ей одной не дал ни капли
Надежды, веры и любви.
Её одну швырнул на камни,
Спасаясь на её крови.

БЕСЫ

Видно, впрямь заведено навеки —
Жизнь свою выбрасывать на ветер.
Видишь, как она летит по кругу —
Мы опять должны с тобой друг другу.

Оглянись на самом повороте...
Оглянись на самой высшей ноте...
Оглянись на самом невозможном...
Оглянись на самом-самом прошлом...

Видишь: там, где буря мглою кроет,
В снежном поле пень по-волчьему воет.
И за раем вьются, мчатся бесы —
Как и мы, такие же повесы.

ГАД

Не знаю сам, откуда,
 Откуда всё взялось.
 Вчера была простуда,
 Сегодня — новый гость.
 О том-о сём болтает
 И смотрит сквозь меня:
 — Там тает снег?
 — Не тает!
 — Добавить бы огня...
 И быстро так моргает.
 И шепчет, как шипит.
 Политиков ругает
 И пиво пьёт «Пиит».
 Откуда он, откуда —
 Я головой верчу:
 — Ты, может быть, Иуда?
 — Иудой не хочу...
 — А кем ты, тайный, хочешь?
 — О том лишь я молчу!
 — Не то чтоб ты уж очень
 Был хитрый, — хохочу.
 — Не то чтоб очень хитрый,
 Но не овца овцой.
 Заманишь и пол-литрой,
 Ну той, что с хреновцой.
 — Да ты, как видно, ушлый,
 Всё знаешь — что и как.
 — Я покупаю души
 За вечный за пятак.
 — Продай! Тебя не трону,
 Ведь наша жизнь — как дым...
 — Сниму-ка я икону.
 Посветим, поглядим.
 Сорвался гость незваный
 И прыгнул прямо в сад.
 Я думал, просто пьяный —
 Чего надумал, гад!

ДУРАК

А всё уже давным-давно,
 Давным-давно и так,
 И так похоже на кино,
 Где суть вещей — бардак.
 Где я из сотни кинолент
 Всегда смотрю одну:
 Меня ведут на постамент,
 Но прежде — на войну,
 Где я сражаюсь, как дурак,
 За чей-то идеал,
 Где я живу в кругу атак,
 В кругу — чтоб не удрал.
 Но день настал, и в полный рост
 Я встал — ведь я дурак —
 И тем нарушил чей-то ГОСТ,
 Но прежде — чей-то мрак.
 И я сказал чуть слышно: «Нет!»

Но громче батарей.
 Я так сказал: «Добудем свет —
 Да будет свет скорей!»
 И вышел я, оставив зал,
 Свой самый лучший ряд...
 И это всё, что я сказал, —
 Так в фильме говорят.

Добраться сам пытаюсь до всего...
 И вот стою — запутался в трёх соснах.
 Грязища. Мрак. Нагрянуть бы в село,
 Где чай, уют — запутаться в трёх сёстрах.
 А утром взять отточенный топор,
 Вишнёвый сад весь вырубить под корень.
 Уйти бродить, как бродит в мыслях вор,
 Укравший для чего-то слово «шкворень».

ВЛУЖАС

Какие лужи во дворе, какие лужи!
 Не переплыть... Не перейти до новой стужи.

Брожу по кругу, как дурак, причём последний,
 Не выходя за горизонт своей передней.

Я думал раньше: как бы так прожить, не тужась.
 Но в лужу стал, и сразу — бах, какой-то влужас!

*Вина — проступок, прегрешение,
 провинность...*

Словарь Ушакова

И каждый вечер в час назначенный
 (Иль это только снится мне?),
 Пивка хлебнув, как озадаченный,
 Ты снова шепчешь о вине.
 И медленно пройдя меж пьяными,
 Всегда без спутников, одна —
 Меня замучит напрочь ямбами:
 «Налей не пива, а вина!»
 И веют древними поверьями
 Её упругие шелка.
 А там, на улице — неверные,
 Но православные пока.
 И странной близостью закованный,
 Смотрю за тёмную вуаль.
 Вчерашней жизнью окольцованный,
 Мне даже водки ей не жаль.
 В моей душе лежит сокровище,
 И ключ поручен только мне!
 Не куликовское попоище,
 Но всё ж приличное вполне.

Всё было просто, без обмана.
Обмана не было и нет.
Она возникла из тумана,
Из незначительных примет.

Она прошла сквозь шторы ночи,
Она прошла сквозь стёкла дня.
Она возникла между строчек,
Чтоб мучить тайною меня.

Она со мной стояла рядом
Уже не ступком пустоты.
Она меня касалась взглядом,
А я ещё не верил — ты...

Всё было просто, без обмана.
Обмана не было и нет.
Она возникла из тумана,
Из незначительных примет.

Каждый день
по капле
выдавливал из себя раба...
Так и не заметил,
как стал рабовладельцем.

Словно вырубил я небесный сад...
Никого вокруг — и врагу я рад...
Ничего уже за моей душой...
Просто мир людей, просто мир большой...
Просто ночь в огнях или свет в ночи...
Приподнялся я, как пирог в печи...
Заглянул за даль — за её предел...
Вижу — день в лучах до золы сгорел...
Вижу — пыль несёт ветер вдоль дорог...
Чтобы вспомнить я наконец-то смог...
Как я брёл сюда, как рубил я сад...
Как теперь уже и врагу я рад...
Как смотрел на мир, просто мир людей...
И как понял вдруг, что не мир злодей...
Опустил топор — отпустил в полёт...
Он упал у ног и лежит — цветёт...

Из варяг согласен и во греки,
Только б Вию не подняли веки,
Только б сны не стали погребушкой,
Навсегда забытой под подушкой.

Сколько в слове каждом скрыто неги,
Не иду́т, а и́дут снова снега.
Где-то колокольчик выпускного
Вечера звонит зачем-то снова.

ГАМЛЕТ

И мирозданию форму придавая,
Себя загнал я в угол бытия.
Сижу как мышь, тоски не выдавая,
Такой вот Гамлет — быт и я.

ОФЕЛИЯ

Ну, как скажи, тебе не верить,
Мой Гамлет? Быть нам или не быть?
Когда на боль закрыты двери,
Их даже счастьем не открыть.

Это ж надо такому случиться:
Из-за дальних далёких морей,
Прилетела заморская птица
И в груди поселилась моей.
И теперь я пою вместе с нею
О какой-то туманной стране
И от слов непонятных хмелею,
В чужеродном сгорая огне,
Воскресаю из пепла и снова
Повторяю чужие слова...
А своё драгоценное слово,
Я давно порубал на дрова.

Я понимаю — жизнь уходит!
Я отдаю себе отчёт —
Уходит жизнь, приходит холод.
А Лета всё течёт, течёт...
Нежданно вновь нагрянет осень —
Деревьев сумрачная смерть.
А Лета ни о чём не спросит,
Не скажет — сметь нам, или не сметь...
И мы, в её ступая воду,
Ещё хлебнём, хлебнём до дна,
Кому не знаю, но в угоду,
Зачем не знаю, но сполна.

Юрий АРТЮХОВ

Сумы

Суть командировки понимая,
На вокзале утреннем курю.
Подошла ко мне глухонемая...
Слава Богу, хоть поговорю.

АВИАКОНСТРУКТОРУ

Боишься катастроф аэропорт.
И выстоять тебе дано у кромки
Той полосы, где завершит полёт
Твой самолёт или его обломки.

Сады в подпалинах бессонницы,
Не от того ли, что рябина
Стораёт будто бы любовница,
Так и не ставшая рабыней.

Который раз иду в подъезд знакомый,
Чтоб там уже на первом этаже,
Простить тебя, ушедшую к другому,
По мной уже проложенной меже.

Пригородный поезд
Он не прихотлив.
Набирает скорость
Пусть локомотив.

Пригородный поезд
Мчится не спеша,
Чтоб не бились порознь
Сердце и душа.

Ты выходила в маленьком халатике,
По вечерам на старое крыльцо.
Я самых лучших забывал приятелей,
Дыханьем ощутив твоё лицо.

Синел туман. И по карнизам капало.
Я никогда тебя не понимал.
Ты, помню, часто беспричинно плакала,
А я от этих слёз сходил с ума.

Ты выдумала сильного и гордого,
Ты им дышала в лунной тишине.
Но он не появлялся в нашем городе,
И приходилось появляться мне.

Однажды вечер вспыхнул настороженно,
Цветущих липок выстроил ряды.
Шёл элегантный молодой прохожий,
И так случилось — шла навстречу ты.

И вроде б ничего такого не было,
Что могут изменить десяток слов,
Но с той минуты проклинаю небо я,
Которое внушало мне любовь.

Теперь вдали, в степи, в ракетном стойбище,
Припомнив это, молча закурю.
Конечно, ты была девчонкой стоящей,
И я за всё тебя благодарю.

Вы говорите: «Сон пропал!»,
И не находите причины...
А вам наскучила тропа
Обыкновенного мужчины.

Мчится поезд — скорый поезд.
Я никак не успокоюсь.
Под вагоном-рестораном,
Стонут рельсы неустанно.
— Ты прости, официантка,
У меня сегодня пьянка...
В перестуке, в перепуте
Сигарету ищут руки.
Не забыться. Не согреться.
Я оставил город детства.

Да здравствует кухня актрисы,
Где ложка не знает забот,
Где вас принимая без визы,
Всю ночь холодильник поёт.

Да здравствует кухня актрисы,
Где не афиширую боль,
Снежинкой сорвётся с карниза
Актрисы заглавная роль.

Земля и небо, небо и земля —
Знакомый и неведомый маршрут.
Мы снова надеваем на себя
Подогнанный по сердцу парашют.
Поют моторы. Им неведом страх.
И если ты сейчас идёшь на риск,
Пусть каруселит солнце на винтах,
Приветствуя тебя парашютист.
Взовьются стропы, вспыхнет белый шёлк,
А говорят на свете нет чудес...
Ты их искал, поэтому нашёл,
На зависть тем, кто ищет стюардесс.

Мутные осенние ручьи
Принимают листья с неохотой.
Постучи ко мне и не молчи,
Если у тебя случилось что-то.
Не таясь, поведай обо всём.
Я готов в любое время суток
Отворить свой одичалый дом —
Ты пойми — тебе, а не кому-то.
Будь со мною — это твой причал,
Хрупкое судёнышко печали.
Кто бы нас с тобою выручал,
Если б мы себя не выручали...

Шторы потускневшие падут.
Музыка прольётся на карнизы.
Каждый вечер несколько минут
Я смотрю в потухший телевизор.

Стриженные... В ряд мальчишки стоят,
С прошлым на осунувшихся лицах.
А на них сквозь письма девочки глядят,
Опуская лживые ресницы.

По степи метель, по степи мороз.
Мы со злобой прячемся в шинели.
Девочки, не надо театральных слёз,
И вообще не надо канители.

Это ничего. Это всё пройдёт.
Но других целуя в синем дыме,
Девочки взгляните в переулочек тот,
Где октябрь за нами листья вымел.

Между нами — солдатский парк.
Между нами — за строем строй.
Я опять ухожу во мрак,
А глаза твои — вслед за мной.

А глаза твои так чисты!
А в глазах твоих столько звёзд!
Я украл тебя у весны,
И не надо твоих мне слёз.

Между нами — солдатский парк.
Между нами — казармы тень.
Я держу автомат в руках,
А другие — сирень.

Я другим не желаю зла.
Пусть другие с тобой нежны...
Ты не к ним, ты к весне ушла,
Я украл тебя у весны.

ДРУГУ

Серёга, друг неугомонный,
прости молчания недуг.
Я как солдатские погоны,
ценю простое слово — друг.
И обладая этим даром,
вдыхаю жадно по ночам
польнь Капустиного Яра
и крепкий дух однополчан.

Альбина БАТУРИНА

Сумы

Де мої сімнадцять літ?
Навкруги безпечний світ.
Перших мрій розчарування.
Нерозділене кохання.
Смак солодкий — це дитинство.
І яке ж було то свинство,
Поміняти те буття
На дорослий смак життя.
Він солоний з гіркотою
Не поніжить теплотою.
Не здійснить назад політ.
Де мої сімнадцять літ?

ОМРІЯНИЙ СКАРБ

Щоб прискорити весілля,
Дівка натякала.
На якісь скарби великі,
Що начебто мала.
Парубок вмить спокусився
На майбутні статки.
Мріяв в барі пропивати
Жінчині видатки.

На весіллі підморгував
Сусідці Олені.
Мов стривай-но, ось з'являться
У нього зелені.
Вранці ледь розплющив очі,
Побачив дружину.
Зблід, та втішила надія
На нову машину.
— Що за скарб у тебе люба?, —
Лагідно питає.
— Я твій скарб — всміхнулась гидко,
Іншого не має.

Тільки зараз розумієш,
Що нічого ти не вмієш:
Ні урвати, ні збрехати,
Ні соломки підстеляти.
Сили в ліктях якщо маєш,
Всі завади подолаєш.
Якщо ж ти в житті слабак,
Шишки сипляться ще й як.
Втішить вираз мудреця,
(Хисту він не мав бійця),
Слів цих, звісно, не забудеш:
«Тихо їдеш — далі будеш».

У СІЛЬСЬКОМУ РЕСТОРАНІ

Селом чутка прокотилась
Мовби понад шляхом,
Край села «корчма» відкрилась
Під червоним дахом.
Зветься гордо рестораном,
Власну назву має.
Мерехтливими вогнями
Він людей скликає.
Поклик той почув Данило,
Став він міркувати.
Вже давно йому кортіло
Щось там скуштувати.
Зроду-звіку в ресторані
Не був чолов'яга,
Та в піднесеному стані
З'явилась наснага.
Одягнув старі кросівки,
Нову одяжину.
Не годиться йти без жінки, —
Прихопив дружину.

Підійшли до ресторану,
Музика лунає.
Персонал вже повним складом
З вікон виглядає.
Помітили відвідувачів,
Враз защебетали,
Немов прийшли до родичів,
Радо привітали.
Провели в затишну залу,
За стіл посадили,
Принесли вина з підвалу,
Келихи налили.
Пригощайтесь, панове,
Замовляйте страви,
Почувайтесь як вдома,
Забудьте про справи.
Меню жінка відкриває,
Ціни якісь дивні,
«ескалоп», «жульєн» — читає —
Та смажені півні.
Вже і їсти розхотілось,
Бо ціни кусачі.
Та в Данила вихопилось:
«На всі сто без здачі,
Принесіть нам «мінестроне»,
Та два ескалопи.
Чого дивитись на мене,
Як ті остолопи?»
Молодик відповідає:
«Страви своєрідні,
Замість них рекомендую
Їсти свої, рідні.
Борщ, часник, цибуля, сало
Це для нас найкраще.
Що не спробуй, буде мало.
Меню підходяще».
Тут Данило підхопився,
Зиркнув на дружину.
Погрожувать заходився,
Що спалить хатину.
Нащо було ресторан цей
В селі відкривати?
Щоб тут салом з гірчицею
Людей годувати.
Можна дома борщ зварити,
Деруни в сметані.
І грошима не смітити
В тому ресторані.

ТЕЩА ТА СВЕКРУХА

Дві кумоньки зустрілися.
Стали гомоніти.
Одна одну запитали:
— Як життя, як діти?

Чула я, одна говорить,
Твій син одружився.
Узяв гарну та бідову,
Сімейним зробився.

Мабуть живе, та не тужить,
Господиню має,
Яка пере, борщі варить,
Віддано кохає.

Що ти, кумо, який борщ?
Лацюга дружина.
Лише вроду свою любить,
Пропаща людина.

То в солярії, то в барі,
Жінка пропадає.
А синок мій м'ясо смажить,
Дружину чекає.

Каву в ліжку полюбляє
Красуня-дружина.
Де тільки вона взялася?
Ще й яка вражина.

Та вже годі говорити
Про життя синочка.
А як в шлюбі з чоловіком
Живе твоя дочка?

— Моя доця, наша гордість,
Розумна, вродлива.
Та попалась їй свекруха,
Надто вередлива.

Їдом їсть мою дитину,
Ледащою вважає.
А коли їй борщ варити?
Фітнес клуб чекає.

Після фітнесу, солярій
Про засмагу дбає.
А голодний чолов'яга
Нехай почекає.

Так вже в світі повелося,
Повір мені, друже.
Те, що добре для свекрухи,
Для тещі не дуже.

СОЛОМИНКА У ЧУЖОМУ ОЦІ

Зустрілися дві подруги
Та й розговорились.
Про здоров'я, про новини,
З ким пересварились.

Почали перемивати
Кісточки подрузі.
Мов ледаща із ледащих
Найгірша в окрузі.

Борщ зварити їй проблема,
Холодець тим паче.
Почне різати цибулю,
Аж занадто плаче.

Одна іншій промовляє:
Я так зголодніла,
«Ходім вже до ресторану,
Щоб я там поїла.

Візьмем борщ, картоплю, сало,
Трішечки сметани.
Нащо дома готувати,
Як є ресторани».

РУСАЛОНЬКА

Надоїло бабі Моті
На хуторі жити,
Той у місто подалася,
Щоб там не тужити.
Там у місті, у обшазі,
Студентка-онука
Гризе граніт знань щоденно —
Не життя, а мука.
Взяла яйця, мед та сало,
Загрузила в кошик.
Та подумала, що мало —
Положила й гроші.
В місті довго ще блукала
В пошуках будинку.
З'їла яйця, мед та сало,
Запечену шинку.
Жарке сонце розморило,
Захотілось спати.
Стала Мотя скрізь шукати,
Де б його скупатись.
Раптом бачить — став великий,
А в ньому народу.
Так багато в воді люду,
Не бачила зроду.
Той пірнає, той плигає,
А ті засмагають.
Жіночки у воду лізуть,
Одяг не знімають.
Баба звикла до купання
У ставку з качками
В чому мати народила —
Нема людей зрання.
Тож зняла із себе одяг,
Розпустила косу,
Та й упала хутко в воду,
Як баба із возу.
Раз пірнула, два пірнула,
Намочила патли.
Треба з води виходити,
Трохи засмагати.
Тільки стала виходити,
Так почула галас,

Хтось кричав: «Русалонька»...
Паніка здійнялась.
Цей схотів тікати геть,
Від гріха подалі.
Той жбурляв каміння в рибу —
Спроби були вдалі.
Мама всіх діток забрали,
Щоб чогось не сталося,
Бо русалонька тікати,
Зовсім не збиралась.
В очерет вона забила,
Там пірнула в воду.
Так купатись баба Мотя
Не думала зроду.
Тільки очі злі та пильні
Із води стирчали,
Слідкували, щоб рибалки
Гачком не спіймали.
Коли ніч на землю впала,
Геть усе поснуло.
Тоді баба з води встала,
В кошик зазирнула.
Ось і хустка, ось спідниця,
Ось шматочок сала,
А де ж гроші, мандрівниця?
Буцім то й не мала.
Так додому закортіло
У свою домівку,
Були б крильця
Полетіла б спати на долівку.
Та крильцят у баб немає,
А спати ж десь треба.
Внизу трава, зверху місяць,
Ось і вся потреба.
Вночі бабці сон наснився.
В ньому всі рибалки
Намагаються піймати
На гачок русалку.

НЕСПОДІВАНКА

Прийшов кум до куми,
(Любив спілкуватися),
Та уздрівши, що сама,
Почав залицятися.
— Де це кум? —
Питає нишком,
А сам пригортає...
— Та у кралі у твоєї
Цвяхи забиває.
Запросила твоя жінка
Поличку прибити.
Та не знаю, що там можна
Так довго робити?
Пригощайся, за стіл сідай,
Щоб зручніше було.
Та «закоханого» кума,
Наче вітром здуло.

ПОЛЕ БИТВИ

У тролейбусі в час пік
Ніде фрукту впасти.
Не обійдеться без «перлів»
Не гріх вірша скласти.

Якась жінка наступила
Дідусю на ногу,
А той немічний та кволий
Зове на підмогу.

— Ах ти стерво, (закричала
Хворого дружина),
Куди лізеш, чи не бачиш —
Старенький мужчина.

— Дід ваш,— мовить жінка жваво
Нехай сидить вдома,
Бо загрожує здоров'ю
Страшна перевтома.

— Стули пельку, (заволала
«друга половина»),
Бо в таких як ти, розумних
Є власна машина,

Золота поначіпляли,
В гаманцях «зелені»,
В таксі їхати не хочуть,
Нікчеми шалені...

В бій вступили всі присутні
Почулися фрази:
— Розпустилися нахаби,
Ще й такі зарази.

Відчинилися дверцята
Зупинка: «Соборна».
Вийшли хутко баба з дідом,
Й жіночка моторна.

Враз всі люди впали в спокій,
Та занудьгували.
Бо такого кінця справи
Зовсім не чекали.

Без скандалів, та без сварок,
Нецікаво стало.
Скільки б їх не виникало,
Та все буде мало.

НА ДІСТІ

Запросив до ресторану даму Гліб.
А у відповідь:
— П'ю воду і їм хліб...
Гліб з полегшенням зітхнув:
— Нема питань.

Щось замовимо легеньке, без вагань.
Під час їжі розгорівся апетит.
Де й подівся в бідолашної гастрит.
Після келиха французького вина,
Зажадала лобстерів вона.
Услід їм пішли ікра і ананас,
Ось і каву смакувати настав час.
— Їм я мало, — нагадала дама та,
Прагну схуднути, така моя мета...
Гліб, побачивши рахунок, ледь не впав,
Бо приниження такого не чекав:
— Що за ціни тут? — почав кричати,
Книгу скарг настійно вимагати.
Охоронець слухати не став,
Гучно ляпасів по пиці надавав.
А рука у охоронця надважка,
Довелося зняти ланцюжка.
Сторонитися жінок став Гліб,
Тих, що воду п'ють і їдять хліб.

МІНЯЮ ЖІНКУ

До Дениса в село Бездрик
Прийшла телеграма.
Запрошує пана в Київ
Відома програма.

Назву шоу не чув зроду:
«Міняю я жінку».
Та кортіло чоловіку
Поміняти Зінку.

Замість неї цілий тиждень
Іншу буде мати.
Як же її день у день,
Треба називати?

Перебрав в умі всі назви:
«киця», «мушка», «пташка»,
Може попадеться «язва»,
Як у кума Глашка..

В телестудії зустріли,
Повели в кімнати.
Пояснили, що робити,
І як треба грати.

Ось і жіночка «новенька»,
Бідова, пихата.
Віддає накази гучно,
Аж бринить вся хата.

Захотілося страшенно
Додому тікати.
Не дай боже доведеться
Іще з нею й спати

Вранці жінка до Дениса:
— А де наш сніданок?
Звикла я до кави в постіль
Кожний божий ранок.

Одягай швиденько кеди,
І мерщій до парку.
Прихопи велосипеди,
«Поганяєм» зранку...

Ледве живий від утоми
Прийшов Денис з парку.
Нема ніде й крихти їжі,
Випив всю заварку.

Жінка в салон подалася
Наводити вроду.
Нащо ти мені здалася?
Не знав тебе б зроду.

Бо за тиждень життя з нею
Протягну я ноги,
Більше жити зі «змією»
Не маю я змоги.

То ж побіг до режисера:
— Не хочу я грати,
Бо ще день, уб'ю «мегеру»,
Йй попаду за грати.

Викресліть мене із шоу
«Міняю я жінку».
Ліпше буду шанувати
Свою рідну Зінку.

ЖЕРТВА ФАСТФУДУ

Активіст — студент Данило
За здоровий стиль життя.
То ж навіяти кортіло,
Що фастфуди — це сміття.

Полюбляв він говорити:
— Все отрута, що там є.
Отже, треба споживати
Лише рідне, та своє.

Гамбургери — це мерзота,
Там не м'ясо, казна що.
Наминає їх босота,
Не зважає ні на що.

Тільки небо засіріло,
У МакДональдсі юрба.
Серед неї наш Данило
Кока-Колу п'є, ти ба!

Апетитний бургер з м'ясом
Активіст наш поглинав.
А на те, що він «отруйний»
Геть уваги не звертав.

Друг угледів оте дійство,
Вранці з гумором сказав:
— Бачив я, як в ресторані
Ти «мерзоту» наминав.

Той, ні трохи не знітившись,
Спритно так відповідав:
— Я шкідливість тої їжі
На собі перевіряв.

ДОБРА ДУША

У садочку в холодочку,
В погоду ласкаву,
Дві подруги розмовляли
Йй попивали каву

— Я, говорить Катерина,
Добре серце маю,
Бо шкода мені тваринок —
Про нещасних дбаю.

Як побачу безпритульних
Серце калатає,
Всіх забрала б їх додому
Та місця немає.

До песика промовляє:
— Так?, моє хлоп'ятко,
Солоденьке та пухкеньке
Краще, ніж дитятко.

Де й взялася стара кішка —
Хвора, жалюгідна.
Катерина з відразою:
— Яка ж ти огидна.

Іди геть — ногою пхнула —
Хай сусід годує,
Не псуй мені гарний настрій
Чуєш, пес лютує.

КУМА-ДОБРОДІЙКА

До Олени рано вранці
Завітала Дашка.
Йй весело защебетала,
Мов та рання пташка:
— Ох яка ти, кумо, зранку
Свіжа та гарненька,
І фігура в тебе, бачу
Нівроку, повненька.

Он прокинувся хазяїн,
 Викотився з хати.
 Мабуть буде на городі
 Зранку працювати.
 Він у тебе роботящий,
 Майстер на всі руки.
 Не п'є пива і не палить,
 Хоч і носить брюки.
 А синок, Олено, в тебе
 Дуже музикальний,
 Має у корови Марти
 Відгук дуже схвальний.
 Добре доїться корова
 У хліву під Баха.
 Молока без рок-н-ролів
 Не дасть бідолаха...
 Щось ще довго цокотіла
 Без упину Дашка.
 Та Олена зупинила:
 — Вийшла тут промашка.
 Чи не ти, шановна кумо,
 Вчора біля клубу
 Говорила з Наталкою,
 Признавайся, нумо.
 Гомоніла, що я повна,
 Руда та погана.
 Ось тобі від мене, кумо
 Сувора догана.
 Ще ти, Дашко, ображала
 Мого чоловіка.
 Наче він безбожно курить,
 Хоч не палив звіку.
 І що він — котигорошко,
 Рук і ніг не має.
 Наїв пузо і зазвичай
 В холодку дрімає.
 Про синочка я дізналась,
 Що він любить спати.
 Прокинувшись, мерщій біжить
 Музику вмикати.
 Гучно музика лунає,
 Лопаються вуха.
 А він тішиться тим часом
 Рок-н-роли слуха...
 — Що ти люба моя кумо, —
 Говорила Дашка —
 Ці всі брехні наплела
 Про тебе Наташка.
 Я, Олено, тебе знаю
 Зі шкільного віку,
 Тож здоров'я побажаю
 Тобі й чоловіку.
 Вийшла Дашка та про себе:
 — Що я натворила?
 Ішла гроші позичити,
 Та переборщила...

Сергей БОГАТЧУК

Сумы

Железное слово,
 как арматура,
 рушит внутри всё...

... а снаружи без крови...

Нита ВАЛЕН

Сумы

НЕ ТЕПЕРЬ

Мысли роятся пчелами.
Утекают водой из глаз
в какую-то пропасть
всех моих незаконченных фраз,
песен,
забытых пассажей.

Я буду рисовать тебя красками дождя,
размывая четкие контуры твоего силуэта...

Я буду читать тебя по памяти
в беспмятстве
со страхом в сердце
греть тебя под плащом...

Я буду идти вдоль тебя,
босыми ногами ступая на колкие слова,
держа тебя так, чтобы чуть слышно...

Я увижу суть вещей в твоём оттенке
с её отблеском,
поставленным в профиль.
Или.
Скорее нет.
И я опять буду думать о вечности,
играя глазами, кружащими вокруг тебя.
Ты словишь их взгляд,
как бабочку,
и заберешь с собой... опять и опять...
без возврата в который раз.

Я... ты и щепотка ревности
пополам с верностью,
гордостью,
честностью,
воспоминаний, ассоциаций,
мечтаний, ну, и просто разбитых гаданий.

Мне с тобой даже на стекле часов радуга,
только жаль некогда ею любоваться...

Я действительно когда-нибудь
разгадаю все твои загадки-обманки,
взгляды,
интонации...
когда-нибудь ... обязательно...
Но только не теперь.

РЕВНОСТЬ

Как кукла крашенная, броская
Впивается ногтями в грудь
И тянет, тянет... располосывает...
— А где душа то?
— Где-нибудь...

Евгений ВЕЛЕС

Сумы

ПОЧАТОК

намалюю безкінечність
словами що мають
безмежність.
Коли в колону стоять.
Вже.
Крейда малює запитання
знак.

...Я відповіді не шукаю
може ти її знайшла
я б пізнати бажав.
Не настав ще той час
відверто можна лиш обман
сприймати.
Тож, випробуй мене.
А поки думаєш
я буду малювати...
Час.

МАНДРІВНИК

1.

Я — мандрівник,
Яких багато в світі є...
І кожен, хто до себе не жорстокий,
То прагне у житті своє знайти.
В дорозі мрію я про теплий дотик
І погляд, що змінить усе,
І очі ясні і глибокі,
Як неба височинь і моря блиск...

...відчутти на вустах смак медовий.

2.

Вулиця. Вечір. Або ближче ніч.
Ліхтарі світять у моє нутро.
Вікно...
Вона лежить у ліжку.
— Чудова!
Перегортає альбом про мене.
Мовчки...
Ані слова...
Я не дивлюсь на неї більш!
Ще ближче підступає ніч...

Облиш.

ЗНАК

Місяць. Дорога.
Шаг у шаг.
У серці тривога.
Як на знак.
Долоні в обіймах.
Пуста голова.
Десь у небі зірка
з горизонту пада,
так мандрує весна —
принесе нам розраду.
Знов пуста голова.
Ти щось шепочешь...
...я задивлюсь у тебе.
Погляд стомлений,
мріє про небо.

ГОВОРИТИ

Я хочу говорити до тебе
Без слів. Гаразд?

— Тоді, гайда!

і нічого такого не сталося,
щоб картати йому свої жили,
все на світі має пояснення
окрім кохання
до і після...

ТАК МАЄ БУТИ

... вже вдруте у житті
Я споглядаю у своїй красі річку тиху і спокійну.
Поверхня чиста, наче льодом вкрита.
І майже ідеальна, що очей не відвести.
Я намагаюсь зрозуміти течії думки —
Чому така спокійна... І линуть мої думки в
далечінь
З туманом вранішнім наввипередки.
А в голові звучать слова одні:
«Не все ти можеш охопити...»
І потопаю знов в щоденнім хаотичнім відчутті
Що все не так, і має вихід бути.
Я бігав, майже кожен день — не по течії,
У в надії шторму оминуті,
З самим собою у незрозумілій грі...
Кумедний і комічний.
Сам собі...

...так має бути!

АНТОН ДУБОДЕЛОВ

Сумы

— Бежали куда?
— На поезд!
— Кого провожали?
— Детство.
— Кого встречали?
— Юность.

Эти улицы...
Эти взгляды,
Тех людей идущих куда-то...
Спешащих куда-то
По дороге
Под названием жизнь.

Лил дождь, как из ведра...
Я увидел тебя,
Забыв про дождь и зонт,
Про всё на свете...
Шёл, за тобой... Шёл молча... Провожая...
О чем ты думала тогда — не знаю!
Я ж думал о тебе тогда!
И вот прошли года,
И снова — я увидел дождь и вспомнил
Что в тот день понравилась ты мне.

Виктория ЕВТУШЕНКО

Сумы

ЛЕКАЛО

Ликует ликами лекало.
Оно одно, а нас немало.
Мы мастером одним пошиты,
Все Вани, Пети, Маши, Риты...

Все ходят, дышат и смеются,
Все скачут, бегают, дерутся,
И каждый думает «глобально»,
Сугубо «индивидуально».

Все — вундеркинды, Галилеи,
У каждого свои трофеи.
Легко в науку лепту вносят —
Слова неверно произносят.

Стихами ноги вытирают,
Наград в итоге ожидают.
Творят добро с оскалом злобным,
Мир делают себе удобным.

И где же разница меж нами?
Разнимся только именами?
Так объясните, в чем причина.
Где лик? Где облик? Где личина?

Мы все одной владельцы маски
И с чьей-то опытной подсказки
Все делаем одно и то же,
Не видя, как же мы похожи!..

Ликует ликами лекало...
Все хороши! Да лучших мало...

ПРОЩАЛЬНОЕ

Давай присядем на дорожку.
О том, о сем поговорим,
Обнимемся. Всплакну немножко.
Помоем косточки другим.

На плечи черный плащ накинув,
Задену чемодан ногой.
И, шапку на глаза надвинув,
Сажусь в вагон — домой... Домой!

Вот поезд тронулся с перрона
И сердце дрогнуло в груди.
Вот ты стоишь в окне вагона...
Толпа людей, но ты — один...

Махну рукой, отдернув шторку,
Ты улыбнешься мне в ответ.
Сосед в купе достал махорку:
«Ты позвонишь?». Отвечу «Нет!»

ДОМ

На окраине есть старый дом.
К небу он устремился хребтом.
Он в земле не стоит и в небе не тонет,
Только старыми досками стонет.

Он громко сопит дымарем,
И ждет когда кто-то поселиться в нем.
Но вот уже долгие годы
Он так одинок и с ним лишь невзгоды.

Он мечтал о друзьях много лет
Только их ведь по-прежнему нет.
Он не может любить, и причина проста:
Ведь внутри у него — сырость, мрак, пустота...

ВЕСНЯНА КОНДИТЕРСЬКА

Світанок кольору малини
І сніг на ґрунті — кавові вершки,
І сонце в усмішці дитини,
І хмари через небо навпрошки,

І чисті очі не стурбовані печаллю.
До неба кинеш погляд і назад.
Стрибнеш через калюжу повну чаю
І вгрузнеш чоботом в земельний шоколад.

Дахи будинків ллють на землю воду,
Вона стікає в річок рукава.
І доки люди лають цю погоду,
Під чоботами виткнеться трава.

Не боюся нічого втрачати.
На згадку візьму лише втому.
Я згодна сьогодні мовчати
І довго ревіти потому...

Я хочу, щоб всі забралися
І двері закрили щільно!
Ні, хочу, щоб всі лишалися...
Хоча, стоп! Це нехай добровільно...

Я певно втрачаю свідомість,
А з нею, мабуть, і гідність.
Життя — це лише випадковість.
А смерть — це суцільна підлість.

Я гасну. Я обрій вбачаю,
Та не можу до нього дістатися.
Ні, я зовсім не вмираю —
Я просто боюся злаватися...

Босоногий вечір сів на підвіконня,
В сум закутав плечі й дивиться униз.
На обличчі — маска з сивого безсоння,
Зачепився серцем він за мій карниз...

Підгляда за мною крізь вуаль-фіранку,
Глибоко вдихнувши паморозь й туман.
Він вже скоро піде — не діждеться ранку,
Залишивши подих, тіні та обман.

Він і завтра прийде, обійде по колу,
Сяде як і завше на межі двох днів.
Я його залишу, запрошу до столу —
випити зі мною трохи моїх снів...

На небі знову немає дорослих
І купідони б'ються подушками.
Я йду додому по стежках відносних,
Ховаючи очі як склеєну вазу від мами.

А з неба на мене сиплеться пір'я,
Стає солоним кришталем образи.
Я оминаю пусті подвір'я
Й ковтаю гільзи чужої фрази.

Стаю на притрушений лід вагання,
І мозок знову зриває стоп-крани.
В мені вже ніщо не живе, бо кохання
Лишило в серці наскрізні рани!

ЩЕ ТРОХИ

Ще трохи чуда — ще трохи снігу,
Ще трохи вітру для осоки.
Ще трохи часу побути поряд
І залишитися на віки!

Ще трохи поряд побуть з тобою
Розп'ять обійми і злитись в них
І так, танцюючи у двобою,
Померти й вижити... Задля святих!

Задля святих, що за нас молились,
Задля усіх, хто до нас кохав,
Ми знову вижили! Залишились!
І світ кохання нам дарував...

ЕКСПЕРИМЕНТИ

В експериментах експерти експромти,
Еквілібристи людських помилок,
Експлуататори тих, хто не проти,
Експропріатори там, де все ОК.

В експериментах немає байдужих!
Хтось недосолить, а хтось переїсть.
В цьому змаганні розумних і дужих
Хто є господар, а хто його гість?

В експериментах усе ексцентрично.
Все є наочно, empirio все!
Часом печально чи, навіть, трагічно
Та не біда, ризик — понад усе!

І, часом, коли не заводяться сани
І півень щасливих яєць не несе,
Ти ризикуй, ще загояться рани,
Бо експерименти — понад усе!

Я вийшла із себе і впала в дитинство,
Розбила коліна і лікті звезла.
Бурчала під носа: «Ну що це за свинство?»
І знову вставала, хиталась і йшла...

А далі, дійшовши до самої ручки,
Поїхала глуздом в вагоні купе.
В блокноті писала якісь закарлючки
Безглузді слова про кохання сліпе

І вже як за північ хотілося спати,
Я стала подушку мерщій обіймать,
Аж вдома чомусь я прокинулась раптом,
А сон не вдалося за хвіст упіймать!

Між ребрами в мене співає протяг.
Зрива капелюхи й дахи у зустрічних.
Проноситься з свистом, як швидкісний потяг,
І змінює напрям думок одвічних.

Він змінює колір моєї вдачі:
Сьогодні він візьме весняну палітру.
По ребрах за спротив отримую здачі.
То ось ти яка, музика вітру?

Він колов її прямо у серце,
Тримавши його між п'яльцями,
А вона посипала перцем
Паперові порізи між пальцями.
Він любив завдавати їй болю,
Вона — відповідала взаємністю!
Вони разом навчалися в школі
І, до речі, не без приємності
Вони двоє бились лінійками
І на перервах разом зітхали,
Коли щоденник червонів двійками.
Потім в класі разом прибирали.
І на випускному п'яному вечорі
Вони вдвох ледь помітно журилися
Й рятуватися стали втечею,
А за рік вони одружилися...

Рия ЖУЛЁВА

Сумы

Слёзы не смывают — скрывают.
Смывают — кровь. Сметают — пыль...
Но только Вера где святая?
Иконы? — Серая полынь.

Надежда?.. Что ещё надёжней?
Стена к стене. Висок к виску.
И невозможное возможно...
И вновь мигрени поутру.

О третьей не скажу ни слова.
Вам нужен яд? Подайте яд!
Кому нужна эта полова
И крик голодных голубят?

Слёзы не смывают — скрывают.
Смывают — кровь. Сметают — пыль.
А я теперь наверно знаю,
Куда ведёт жилец пустынь...

СКВОЗЬ СОН

Перескажи мне этот сюжет —
Я буду помнить его бесконечно.
Я буду помнить тебя сотни лет,
Если забуду, что память не вечна.

Много ли солнц во Вселенной твоей?
Много ли туч собралось в твоём сердце?
Перескажи, о чём плачет метель,
Ведь от судьбы никуда нам не деться.

Как ты попал в наш заброшенный свет?
Как заблудился в пространствах блестящих?
Дома, я знаю, у нас с тобой нет,
Мы — только блики сквозь сон уходящий.

Как ты попал в наш заброшенный свет?..
Много ли туч собралось в твоём сердце?..
Я буду помнить тебя сотни лет,
Ведь от судьбы никуда нам не деться...

...Так перескажи мне этот сюжет...

FANTASY

Я иду по ночному небу.
Под ногами блестит лунный профиль.
Душу можно продать и за это,
Но где же мой Мефистофель?

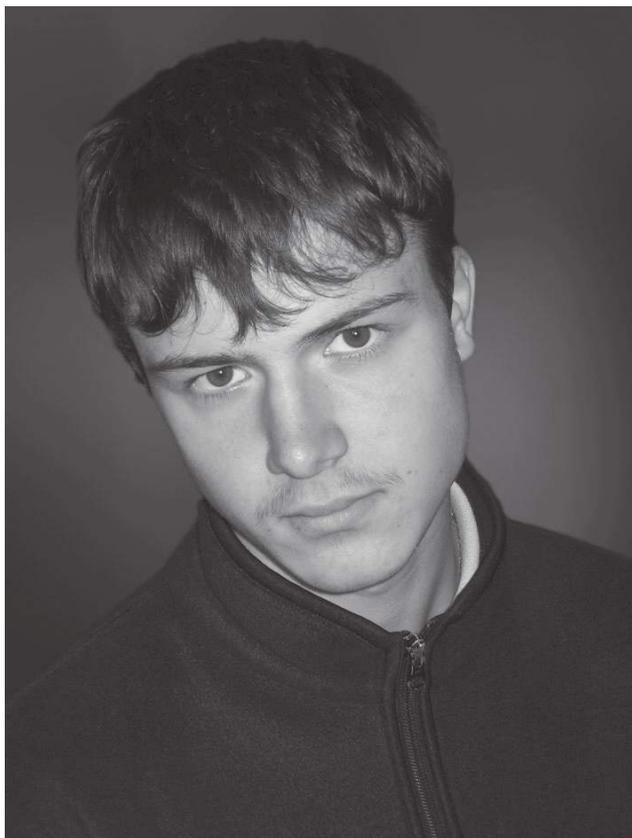
Облака — тёмно-синие
И шёлково полупрозрачные.
Что делать мне с этой силою
И странною полудачею?

Звёзды обжигают холодом.
К кому мне по небу идти?
Высоко где-то — крик ворона.
...Не выбираем мы себе пути.

АНТОН КАМЫШНИКОВ

Сумы

Сумерки спускались торопливо
Вглубь провинциального залива,
Тихо оседая на дома...
Он писал свой маленький роман.

Фонари сговорчиво включались
Верные своей земной печали —
Загореться, чтоб погаснуть в срок.
Он писал роман, он спать не мог.
Под напором лампового света
Тени за окном срывались с веток,
Падали на треснувший асфальт.
Он был обречен роман писать.

Он не знал, зачем затеял это,
Как не знал, зачем приходит лето,
И никак, никак не понимал,
Почему роман ничтожно мал.

М.Т.

Ты сегодня приснилась мне
В очень добром и светлом сне.
В этом сне мы ходили там,
Где гуляют по облакам.

Помню, были лишь мы с тобой,
Помню солнце над головой,
В моём сердце цвела весна,
И во сне было не до сна.

А еще помню, как сейчас,
Красоту твоих ясных глаз
И как ты улыбалась мне
В моём добром и светлом сне.

Ты сегодня приснилась мне
В очень добром и светлом сне.
В этом сне мы ходили там,
Где гуляют по облакам.

Каждый день наблюдаю паденье звезды,
Второпях пролетающей мимо.
После ночь рычагами душевной нужды
Начинает играть в пантомиму.

Сколько длится упрямый, немой диалог
Знают только щелчки циферблата,
Водопадом струиться вопросов поток,
Продолжая теченье заката.

Так идёт наша жизнь: взлёт, падение, взлёт,
Прибавленье вопросов к ответам,
Беспорядочный дум в голове переплет
И секунд торопливых секреты.

Завтра будет весна, а сегодня
Будет новый рассвет и закат.
Мы ослабим тугие поводья
И метнемся вдоль дней половодья,
Чтобы вновь не вернуться назад.

Опьяненные музыкой ветра,
 Будем петь мы земные стихи,
 И зеленая наша карета
 Будет шаром восточным согрета,
 От которого так далеки.

Всё идет, всё меняется в мире...
 Только время нас после рассудит.
 Не умолкнуть блуждающей лире!
 Завтра будет весна!.. Завтра — будет!

*Только этого мало...
 А. Тарковский*

Было детство. Любил
 Я кораблик бумажный
 Создавать... Он уплыл.
 Но и это не важно.

Может и не бывать
 В том пути ему кряжем,
 Второпях намокать.
 Но и это не важно.

Часто думать о дне,
 Забывать о поклаже,
 Поддаваясь волне.
 Но и это не важно.

Слешнуть днем от лучей,
 Тихо меркнуть от сажи
 Беспокойных ночей.
 Но и это не важно.

До причала-конца
 Не дотронувшись даже,
 Вновь быть стертым с лица...
 Но и это не важно.

Ольга КОЗЕНКО

Сумы

1. я і є, і нема — як червоне і чорне,
ніби скрадливий дотик намальованих рук...
відсміявся листопад, і сонце холодне,
та воно, як і я, залишається тут

і хотілося в небо своє повернутись,
та воно, як і я, не приречене жити,
божевілля для того, щоб не схаменутись!...

і на мертвому серці можуть вирости квіти...

2. душа не знититься
під гнітом поглядів
мало акордів, та багато
епізодів, добродії

суть сенсу — стимулом
ми ще не вибули
і майже вибухнули, але
витримали, пережили

життя у жилах
хіба жили раніше ми?
я посміхалась, а у мене
кидали вилами,

і слабкість виламали,
кудись пересадили,
але мені мене, дякую,
залишили

зашили наживо.
світ ще покаже нам.
когось — та й сприйме,
а хтось — згорить заживо

3. не можна так звикати до людей.
залежність гріє кінчиками пальців...
візьми квіток у сон, для віп-гостей,
туди не пропускають ошуканців.

відчувши теплий подих в пустоті,
на шию спогад зашморгом лягає.
метелик у твоєму животі
не народився, і не помирає.

коли не хочеш, пам'ять, як на зло,
все так і не друкване на глянці,
дарує, неба розірвавши тло
зіпсутим щастям у надбитій склянці.

боїшся? вірю. і сама жахаюсь,
ці душі — нерозбавлене чорнило...
і, з часом я, можливо, здогадаюсь —
не повезло тобі чи підфартило...

4. не вистачало духу написати
про те, що дійсність рвало на мікрони.
бо досить лячно було відпустити
твої слова,
обіцянки,
долоні,

ще теплі від моєї чашки чаю,
і погляд, що завжди спідлоба, вперто...
ти знаєш, я, мабуть, запам'ятаю,
як ми до сліз
боялися
померти,

як музика втомилась дивувати,
і люди до судом розчарували,
що дихати — не важче, ніж брехати
і що тебе
було
занадто мало,

а мого серця стало забагато.
перегоріло. вибач, відпускаю...
мої вірші — сумні і кострубаті,
один із них
про тебе
нагадає.

5. знову їду туди — і не знаю куди,
кров у скронях кипить — і не знаю, навіщо...
вище, нові мости, перебігти, пройти
чи летіти? і впасти в багнюку обличчям...

моє небо ще вчора мене надурило,
а сьогодні вже завтра буде знову без тебе
це п'янка невідомість розлила чорнило,
необхідно втікати, і залишитись треба...

6. навесні між тобою і мною
буде тільки
п'ятнадцять зупинок червоної
гілки метро

але сніг ріже болем без бою
не настільки
багато тепла для спокою
щастя втекло

7. невидимий дотик
печалі дощів
застиг крижаними зірками.
твоїми смішними словами
не знищити навіть
примарності снів.

безмовна незгода
до нерозуміння
посіяла сумніви. знову.

твій Всесвіт такий... кольоровий,
та я і у ньому
не пуцу коріння.

8. моє серце
розлетілось уламками
в запряну футболку неба

боляче.
не треба було
так, як є, усе сприймати,
нерви ж не закриєш в банці,
пережилося? овації,
сміхом нудить!
від істерики
повертаюсь до
прострації,
насміхатись з езотериків,
малювати ілюстрації...

посміхатися.

9. дотиками
збентеженими,
необережно,
безмежно
і беззастережно,
сонце рубіни насипало
в кожен нестриманий атом.

сьогодні кохати хотілося,
а не кричати матом

10. наскрізна ніжність
в гнітючій тиші
за нами вічність
усе запише,
усе залишить

наступна зустріч
бентежить думку
то, може, дурість,
та десь посеред протиріч

я уявляю присмак
твого
поцілунку

і згадую
усміхнене обличчя

1. наверное, я засыпаю с телефоном в руке
потому что до сих пор надеюсь, что ты позвонишь
наше счастье спит на той самой крыше,
наша дружба впечаталась грязью

в пластилиновый мультфильм на твоём —
 моём рюкзаке
 слышишь? я больше не верю тебе
 каждое слово прячет новые смыслы
 вспомни, как рождались с рассветами песни,
 и как догорали с закатами мысли,
 так и не высказанные, таяли пеплом в пустоте.
 ты видел мои слезы, грел мои руки,
 сжимал мои чувства в стальном кулаке

когда нас разъединило, оторвало, выкрутило,
 я честно, не верила, что переживу
 новую встречу с тобой. даже запретила
 что-то себе. говорить глупости, наверное, я же
 жду, но боюсь даже думать, чего
 видимо память впечатала, запечатлела
 твои улыбки, глаза, пальцы, что
 цепляли мои так нечаянно
 знаешь, я так отчаянно верю
 в твоё молчание не из-за чего-нибудь.
 мы пили девятку, искали суть
 боялись в глаза заглянуть
 я скучаю.

приезжай как-нибудь.

2. на облезлой лавочке возле реки
 ветер ей волосы растрепал случайно
 заглянул под пальто,
 заставил подумать про теплые мягонькие носки,
 и даже немножко о том,
 что не так уж и плохо все,
 просто как-то... печально

из-под снега весной видно мертвую осень,
 этим листьям точно не протянуть до лета.
 она курит одну за одной свои крепкие сигареты,
 ей не так уж и больно,
 просто как-то... не очень
 но зато она снова радуется рассвету,
 сбросив оковы растаявшей ночи

3. ты.
 взрываешь пустоту
 случайным взглядом.
 знать бы,
 что в моем бреду
 тебе надо.

Почему-то я
 так рада
 верить в неслучайность
 встречи.

снова вечер.
 ты не рядом,
 но я знаю,
 ты появишься

в моей вечности

4. весна взрывает пыль
 цветами на деревьях,
 щекочет с ветром
 запах вишен
 ноздри,
 тепло вскрывает
 вены подземелий,
 но ее руки
 продолжают
 мерзнуть

она смеется,
 а ведь так хотелось
 завить во всю печаль
 измученной души,
 шарахнуть дверью,
 чтоб на щепки разлетелась,
 но она верит,
 жизнь дана, чтоб созидать,
 а не крушить

и пусть застыла кровь
 непониманием,
 ее стакан наполнен
 лишь на треть.
 она останется
 все той же девочкой
 с холодными руками,
 которые никто
 не смог
 согреть

5. посчастливилось
 в лиц веренице
 подцепить
 не стеклянный
 взгляд,
 захотелось
 расплакаться,
 или влюбиться,
 или просто
 смотреть и стоять

те глаза
 на глаза
 не похожи,
 будто в солнца
 налил кто-то
 ртуть,
 я таращилась
 в сердце
 прохожему,
 умирая
 от страха
 спугнуть

он прошел,
как уходит
хорошее,
отпечатавшись
в памяти мне

настоящее
станет прошлым,
чтобы в будущем
стало
теплей

6. вздох, как взрыв,
и стих, как выдох,
рифму вскрыл,
слезами высох.
воздух с дымом,
взмах ресниц,
взлет, но мимо
стаи птиц,
нищий ищет
душ порывы.
слышишь, дышим.

значит, живы

7. в твоих глазах
мой страх
растаял,
слегка
глубины всколыхнув.
ты — сон,
ты — суть,
вне всяких правил
в зыбучей доброте
тонуть,

по-настоящему
смеяться,
мне, если честно,
непривычно.
давай раскрасим
счастьем ярко
всю необычную
обычность

8. Двоязичья?
я написала бы
стих тебе,
та більше люблю
писати вірші,
у когось очі —
від себе більші,
а хто-то верит
слепой судьбе

тебе хотелось бы
верить, кажется,
це означає
багато дуже
душа літає,
вже не застуджена,
в закате, в глазах голубых
отражается

9. эй, улыбнись!
открой мне душу,
глубины — десна обнажив...
награда тем,
кто зубы сушит —
улыбка жизни
длиною в жизнь

и если вдруг,
допустим,
сама же грусть —
причина грусти,
то все вокруг —
причина счастья

мир любит тех,
кто любит
улыбаться,
и истины не ищет
проявлений

давай по-настоящему
смеяться,
чтоб отпугнуть
причины для сомнений

10. человек
с пропитым будущим
человек
с прокуренным голосом

сможешь ли
вспомнить тот миг,

когда показались
друг другу мы
людьми?

человек,
недописанным текстом
в чернодырности глаз
высыпавшийся,

человек,
ты быть мог бы
оркестром,

но не каешься.
ты
не каешься

сейчас куда ни плюнь — писатель,
куда не посмотри — бордель,
и каждый сам себе — издатель,
и каждый сам себе — модель

ніч вгощає
вкотре
безсонням
зачіпає
ноти
безодні

ніч не знає,
ти чиниш спротив
на екрані
малюєш сонце

скільки маєш
вдавати подив
янгол рано
став охоронцем

краще спати,
аніж в моніторі
видивляться
загублену мить

так буває —
все ніби добре,
а у серці
скорбота
щемить,

не пускає...
і плачеш вкотре,

і болять,
і болять,
і болять...

Сергей ЛАТЫШЕВ

Сумы

ГОДИННИК

ось так
із кожним рухом стрілки глибша ніч
тіки так тіки так
почути в останнє слова пїтьми
механічно
моє серцебиття у такт
тік так тік так
із кожним рухом заплутавшись сітьями
у мене на руках час помира
стихає пульс розчинений у тиші
очам ввижається стара
молодості попїл шука між трїщин
кавовє безсоння рух остаточно зник
і вже дитина з підлоги підійма
зламаний годинник
говорить голосом моїм пїтьма: «...»

«ОСТАННЯ ПЛЯШКА»

схиливши тонку шию
на дереві повисилась осїнь
іржаві пасма інєєм сивіють
листя гниють крихти відносин
на схилі дня останні промені
пускають кров із вени горизонту
і зміями обповзають рубінові струмені
сумнів у тїнь змазаний контур

схожий на мене схоже мертвий
як сірих відтїнків гравюра асфальту
я теж буваю із болем відвертий
хоча не знімаю маску обдерту
сходи флейтовий блюз
пронизує морок кімнати
лью
вже не шукаючи вороття
і череп як дзига без осі хребта
ночі бездушність
із пляшки гіркогo буття
розпиває самотність
і я...

ПОЖЕЛАНИЕ СПОКОЙНОЙ НОЧИ

кисть руки измажу краской
дугой радуги перечеркну небо
засохшей акварели разбудив ласки
изнежу тебя
каждый твой вдох храня
всю унылую серость выбелю
а те слезы что выманят
поцелуями исцелю
в объятиях сна сейчас ты
как я хочу что бы в моих была
или мне не хватило краски
или это только мечта...

ГАРНЮНЯ

пригорни мене холодно
до облізлої шкіри зацілуй
вироди любов вистрадано
я пеклом ладен заплатити ціну
за-колихай
музикою спорожнєлих келихів
твоеї крові отруйна ніжність
солодка заборона усіх гріхів
нехай горить у своїй вічності
і все заради чого у ніч твоєї зради
залиш мене у смутку
шукатиму відради
покличу смерть
прийди...

18+

після полоскання м'язів алкоголем
схожий на еротику дорослої розваги
чи ти не бачила мене ще голим
то і не звертай уваги
сміється тягнеться до шиї
злизати все лукавство ночі
на пам'ять шрами залиши
про дикі ігрища — вовчі

в моїй сорочці мовчки
зробити кави з ромом покурити
у нас єдине — схожі звички
у що можемо ще повірити...

ЯДОВИТИЙ ОКЕАН

ром з льодом у скляному погляді
з прозорої цегли стіна мовчання
сенсаційно як впасти на подіумі
ніч презентує мене востанн'є
ніби більше робити нічого
дощ напам'ять майже вивчений
надокучливо як до чужого
шкребуть краплини у вікно чи
фарбу я — обдерте підвіконня
руїни стін обривисте мичання
порожнє скло
до слів іще тверезіти
забити всі кути навколо
сльози множити
як так не можете девитись...

ОСТАННІЙ ПОВЕРХ

дощ крізь неба брудний плафон
можливо тіки сон
під кайфом
всю ніч вікно
азарт
обдерте золото іконне
зневірений народ здає в ламбард
всю ніч вікно взираю
шлюхоподібні очі міста
зализане до біле ліжко раю
цифри часу тісно
останній поверх дощ насправді
сталогої дії
всю ніч вікно збирає краплі
міліграми подіяли

останній поверх де я
ось хмарачос впаде
як згвалтована містом ідея
всю ніч
дощ іде

ДО ЧОГО

до мобільного щоденника
ковтки ненажерливо у горло влити
нехай кроки вислідують спіралі ДНК
курити
сірників чирк
задимить образно почерк
смакую тютюновий зубний наліт
для чого
чужого болю розуміння
і з осені черпати жовте
мені потрібне оп'яніння
помалу милі щоб вичовгувати
від чого
відчай старішає обличчя
ще більше дощ посилює нудьгу
а скільки хто вирішує
залишилось мені ковтків вина

ЗАМІСТЬ ВИБАЧ

захід озолотив
золюю вкриті
сіре за віконня сирі осині
досить
згадувати досі
про мене
проминуло
ти все ще живеш минулим?
я твоє захоплення
восени захоплений
залишив на піску
сліди
вислідиш
знімеш на плівку
вчиниш гвалт
згвалтуєш
брудне дівчисько
ніби
холодні долоні
зігріти
падає листя
майже вогонь
годі злитися
може це злочин
серце відчинене

ЛОМКА

у попільниці недопалки очікування
думки ніби суглобів тріск
на годиннику вже напівздивування
втомою очі витріщає тиск
хребет вигне веселкою
з кров`ю нудоту вижену
пурпурово ніжний
по сніжній емалі розмажу
ще живий
перемотаю скотчем
горло розрізане
чорне збирається зграсю
застилає стелю
бунтує сни
у сухій ванні засинаю
до сходів нової весни

око гумовий дотик відкриє
здається скотч відірвано
мене ще криє
ліхтар ввімкнено
зіниці коло не рухоме
лікарняно
препаратами тхне знайомо
свого тіла поза
застиг
мені потрібна доза
тиші не порушив
рибою вустами заво...

ПАПЕРОВЕ ОБЛИЧЧЯ

емоційно мімічної ночі
видовищне
світло воскове тримти
нудний повілбний дощ
сьогодні буде довше
втрачати ритм
почну курити
чуєш мучить сон
слова темнішають
мовчи
у тиші
серце б`ється ще гучніше

побачивши танкові рухи диму
паперового змія видумай
видимо
з моїм обличчям
душі сумної гра
не звична
спостерігай
за склом печалі сцена
папір зникає

СОН

відчим осені відчай
 переболить повільно і витончено
 закляття висечено
 розплющую очі
 і побіліють шрами творчості
 хоча мені не впізнати
 примари ображеної
 без жодної зморшки емоції
 майже живе відображення
 посивіє колір крові
 прикро
 і засмаглої шкіри золото
 поглине тьма
 зло вилито
 і у пащі відчую холодно
 то виростають ікла
 мого оскалу срібло
 у тиші мертвого голосу
 не пробуди
 ніби розпеченим оливом
 її ім`я останнє слово
 я маю дотерпіти сон свідомо

ЗАПРШЕННЯ

іду листям осені вулицею
 мертві комахи в середині ліхтаря
 жовтого світла розсіяна порція
 на крила ночі чорного пір`я
 будинки заплакані дощ ґратами
 вона бажає моєї страти
 довго ім`я забуватиме
 «радій тіло втратив»
 як сон вродливий
 з очима темряви
 іду прозорий
 її запрошувати

ВЕСІЛЛЯ

вітер парасолю вириває
 віддам нехай кружляє
 троянди моєї крові
 вірші дострокові
 нарешті в очах вичита
 «вона саме та»
 хто спробує моє серце вбити
 і знову забити
 прийде сніг мене вдягати білим
 час накладає грим пилом
 декарують любов новоспечену
 у тіло нареченого
 буде весілля похорону
 розцілуймося у цьому траурі
 нашого поодинокого життя
 на щоках сліди подружжя

ОСОБИСТЕ

біль твоя вимога
 відчути невагомість
 втомлена злість
 натомість
 розгортається чьорне
 двобій на одинці з собою
 кровним напоїти зброю
 лети нічний вороне
 куля всевидяче око
 у рані на лівому боці
 глибоко
 видуши душу з мене
 як хочеш вимани
 залиш мене видуманим

САМОПИТАННЯ

нащадок неба у плоті міркує
 чи свідоме предсвіт
 чи підсвідоме то світ не розуміє
 якоїсь тварини переданий досвід
 лишає надію
 зруйнована мрія мати янгольські крила
 було відкриття- непотріб польоту
 залишила ікла хижого звіра
 моєї людини перед істота

ПРЕСВЯТА А.

вона ховає заплаканість очей
 у темряві великих окулярів
 ніяк самотність не втече
 на всіх не вистачає лаврів
 вона звикла до об'єктивів погляду
 але більше до цигарок та кави
 мліє збуджена від танення льоду
 і відтворення у ліжку подій вистави
 вона цілує лише героїв
 але найкраще божевільну грає
 смакує ніби міцні напої
 коли говорить про вічність раю
 присутньо-ревнивий на репетиції
 шукав фальші у її грі
 ніби втішав птаха у в`язниці
 що не існує неба взагалі
 лунає постріл на сцені кров
 але справжня як мої почуття
 по обличчю дощ пройшов
 не знімаючи взуття
 останнє побачення на цвинтарі
 відчуття незвичне
 зустріти у нічному траурі
 її омріяну вічність

ЗУСТРІЧ

повний рот набрав тиші
ведуть до стіни чекати постріл
пов'язка ночі на обличчі
востаннє зорі зникає простір

НІЧ І ОСІНЬ

крок до відчуття на вени поцілунок серпня
за чорним кольором неначе сон
на повітря покосився дощ закохано п'яний
мене влітає смерть в її вінок

ВІДВЕРТО

вогні міста
фейерверк
у небі пекло
пристань
туманний спокій
сльози стоки
на ребер рядки
ніж
кровоточить вірш
без болю
вперше голі
почуття

ХВОРИЙ

чи для потіхи
чи лихо манить
тихо
слони ідуть у море
вулканічне жерло хворе
горло
кашель довго

МІЙ ТРАУР

ти у вогні стоїш і плачеш
пожовкле небо без дощу сухе
і чай приносять у купе
але спасіння смерть
за смерть і платиш
потяг до життя втрачає силу
незмінною з плином часу
з погляду з першого класу
берегтиму пам'ять світлу

Нина ЛЫМАРЬ

Сумы

Все о земном да о земном,
А надо б только об одном —
А надо б только о душе,
А не о ломаном гроше.

Ты жизнь и свет в моей судьбе!
Я забываю о тебе!

Сприйнять хворобу наче дар небес:
Коли ти з Богом і водночас без.
В глибокім сні забутись мов дитя,
Минулого нема ... І майбуття.
Є тільки мить, що прагнеш зупинить,
Хоча навіщо? І уже бринить,
Десь, зовсім поруч, суєта суєт,
В яку і ти — дитя, жебрак, поет
Повернешся, як грішник в каяття,
А може — ні. Поет, жебрак, дитя.

Ты уже ценишь время и бремя.
В искаженных агрессий лицах
Видишь образ Христа. Распятого.
И плачешь втихомолку
не только о себе.

За день, что был прожит впустую,
Листок календарный целую:
Никто не пришел ко мне в гости,
Не рявкнул и не отчехвостил,
Не дал униженья монету...
И хлеба засушного нету.
Но с точки житейской — иначе:
— За что я плачу, когда плачу?
За грех мой и зреньем и слухом.
Так кто ж они, нищие духом?

А в мене є ще час полюбити
Начальницю, співробітників,
І всіх, хто мене ображає?
А мене є ще час не ганьбити
Все, що мені заважає?
А мене є ще час зіскоблити
З лица многолику маску?
А в мене є ще час себе ветху,— вбити,
Щоб воскреснути, не за календарем,
На Пасху!
А в мене є...

А девушка, лишенная ума,
В саду прекрасном, среди роз и лилий,
Гуляла, и неведала сама,
Что, может, в мире нет ее счастливей,
Все что-то бормотала в такт ходьбе...
А я стояла в горестном раздумье,
Невольно размышляя о себе,
О мудрости мирской, как о безумье,
В которую и я вовлечена,
В погоне за засушной коркой хлеба,
А девушка, лишенная ума,
Была напротив и смотрела в небо.

О замысел о человеке!
 Как до него мне дорасти
 И в этом и в грядущем веке,
 К бессмертью обрета пути.
 Как, ежедневно умирая
 Для мира, Богу начать жить,
 Ключ от утраченного рая,
 Как отыскать? Как вернуть?

Как жаль, что я не рисовальщик!
 Как призрак лета,
 На берегу нагой купальник,
 Он — сгусток света!
 Среди осенней непогоды,
 Среди ненастья,
 И замирающей природы,
 Он — сгусток счастья!
 Где он ступал, в воде прибрежной,
 Распалась тина...
 Как Вам, весенние надежды,
 Моя картина?

Начните с чистого листа.
 Вам предстоит еще родиться!
 И нечем вобщем-то гордиться.
 Начните с чистого листа

Душа безвидна и пуста
 В порыве стать самой собою.
 Начните с чистого листа.
 С молитвы, добренной слезою.
 Начните с чистого листа

Непостижима высота,
 Неодолимы расстоянья, —
 Все поправимо покаяньем.
 Начните с чистого листа

Начните с чистого листа
 Перешагнув через пороги,
 Придите к Богу. В Нем Вы — Боги
 Начните с чистого листа!

Ми підходим з лекалом земним
 До небесних, нетварних порогів,
 Ми підходим з лекалом земним
 До душі, до безсмертя, до Бога,
 Ми підходим з лекалом земним ...
 Та облишмо лекала та міри,
 Попросімо у Господа віри.

Урівноважить Ні і На,
 Сподоби Ніно,
 Це ж і є золота середина,
 А на карті душі — країна
 Іверія!
 Дай збагнути своє ім'я.
 Хто Я?

МОЛИТВА У ИКОНЫ «ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО»

Сойди во ад моей души
 И выведи меня из ада
 И в книгу жизни запиши,
 Хоть не заслужена награда.
 О, помоги мне начать жить,
 От сна греховного проснуться,
 Сойти во ад своей души,
 Глаза открыть и... ужаснуться.

А где света конец?
 — В темной горнице.
 Посети меня Господь
 Светлой горлицей.
 Стань надеждою моей,
 Стань дыханием,
 Помышлением моим,
 Упованием...
 Недаются небеса
 Малой кровью,
 Просвети мне очеса,
 Свет — любовью.

Преобрази меня Господь,
 Преобрази, хоть это больно,
 Темнит душа, бунтует плоть,
 Страстям житейским подневольна.

Преобрази, не отрази,
 Меня как вражеское войско,
 И еже си на небеси,
 Дай всё что есть принять героически,
 Дай силы силиться понять,
 Дай устоять у края бездны,
 Сочувствие, как благодать,
 К тому, кто должен в нас воскреснуть!

О рарешы меня от уз, Анастасия,
 Земной юдоли тяжек груз, Анастасия,
 О помощи воскреснуть здесь,
 В залог спасенья,
 Воскресшая, подай мне весть
 О воскресеньи!

Категории падшего мира —
 Не для брачного пира.

О, эта тайная вечеря,
 О, эта страшная потеря
 Ученика!
 Предупрежденье на века!

Мы празднуем, пока не упразднят
 Нас, таких праздных с головы да пят!

Сижу, хлебаю суп с котом
 И уповаю: вот потом...!

Сбежать бы всё забросив, но куда?
 Все тот же город, улицы всё те же,
 Все те же понедельник и среда,
 Все тот же обезумевший мятежник
 Сидит в темнице... О моя душа!
 К тебе давно я пробую пробиться.
 И стережет мой каждый жест и шаг
 Все тот же уважаемый убийца!

НА ДЕНЬ ПРИЧАСТЬЯ

Дай этот день прожить без суеты
 Как полевые травы и цветы,
 В Тебе одном лишь обрести покой,
 Чтоб наконец-то стать самой собой.

Не шелохнется мысль, безмолвствует душа
 В день радости небесной — в день причастья!
 Из храма возвращаюсь не спеша.
 И не бывает в жизни больше счастья!

Як буде Каїн — то й різня!
 Та Єва вже жада зачаття.
 Бо відтепер не відрізня
 Благословення від прокляття...
 Коли ж настане смертна мить,
 Житейське відійде похмілля,
 Чи Бога маємо узріть,
 Чи божевілля ?

Котились слюзи мов горох,
 Вдивлялась я у вічі ночі:
 Хотіла взріти де ж той Бог!
 Аж поки викотились очі
 Тими невпинними слюзами.
 Образа спить за образами...
 Згадала і про зойк сліпця,
 І про початок із кінця!

Переремигавши ре-ме-сло
 І перекресливши до-словне
 Я відчуваю в собі Сло...
 І невимовне...

Умри, умри для этих мертвецов,
 Оставь им погребать своих отцов...
 Не сетуй, не суди, не обезсудь,
 Сокрыта в смерти воскресья суть.

Достойны плача все мои дела...
О, Господи не помяни мне зла!

Стою и радуюсь как чуду
Что, может быть, когда-то буду,
И чьи-то мысли сторожу...
И никого не нахожу.

И ничего у Бога не просить,
И начать жить... и свечи погасить.

МОНОЛОГ СТРАННИКА

И было будто не со мной:
И вешний цвет летний зной,
И деревенская река,
Где плыл я глядя в облака...
Так у порога в мир иной
Очнусь, но кто тому виной,
Что был как будто не со мной,
Мой скорбный путь, мой путь земной.

*Ненько моя, вишне,
Чи я в тебе лишня?
(Українська народна пісня)*

Підійду я до віконця,
Серце вовком завива:
Ой чому та й проти сонця
Кучерява курява?
Ой чому рожева квітка
Та й зчорніла мов вдова,
Чому дідова повітка
Людські вівці укрива,
Ой чому сестрі калина,
А мені горбина?
Мене мати, мене рідна
Добрим словом обмина...
Підійду я до віконця,
Серце вовком завива:
Ой чому та й проти сонця
Кучерява курява?

*Словно не все равно:
что умереть, что стать другим.
Эразм Роттердамский*

Продавщица, на зимнем ветру,
Вы уже не торгуете счастьем.
И мне незачем, бросив игру,
За медяшками к матери мчатся,
Осознав что впервые умру,
Как булижником, брошу словцами:
Продавщица, на зимнем ветру,
Вы торгуете ... леденцами!

Было долго и трудно идти,
Как по замкнутой линии круга.
И случилось: на трети пути
Я и друг мой оставили друга.
Мы свой путь продолжали вдвоем,
Не обмолвившись больше словами,
Каждый думая в тайне о том,
Кто уже не идет вместе с нами.
Так и шли мы молчанье храня,
И сомнений свинцовую ношу:
Я боялась — он бросит меня,
Он же думал, что я его брошу.

На ветках коты, как плоды,
Горланят в весеннем азарте,
И мы оставляем следы
На марта заснеженной карте.
Но кто мы? Куда и зачем,
В какме юдоли пространства,
С каких запредельных поем,
Пришли, чтобы вновь повстречаться
С самими собой? И тогда
Над нами луна-коромысло,
Пред нами: дома и года,
И жизнь наполняются смыслом
Предвечной задумки творца
О всех, до мельчайшей частицы.
На ветках коты, как плоды,
А, может, как райские птицы.

МАНТИХОРА (Ирина МИХНО)

Сумы

СВОЙ ПУТЬ

Не преграждайте мне дорогу, —
Взорву я горы на пути.
От жизни я прошу не много:
Свой путь от «А» до «Я» пройти.

Не подчиняться и не править,
Не разрушать и не просить.
И чтоб без жалости оставить
Всё то, что не смогу забыть.

Чтоб не продать своей свободы
И не купить чужих оков.
Чтоб не считать ни дни, ни годы,
И не служить у дураков.

Не разбивать чужие судьбы,
Но и свою не дать разбить!
А перед смертью — отдохнуть бы...
И ненависть врагам простить.

ОГНЕННАЯ ЛУНА

Я — Луна. Я холодного камня кусок.
Моих чувств не взорвёт даже солнечный ветер.
Я одна! Все мечты мои — серый песок,
Что сквозь пальцы мои утечёт на рассвете.

Я — Огонь. Я сожгу все мосты и пути,
По которым пройти мне судьба предсказала.
Но не тронь! Слишком близко к тебе подойти —
Значит сжечь и тебя... Только пепла мне — мало!

ЗАРИСОВКА РОЖДЁННОГО ПОЛЗАТЬ

Не грузите меня глубиной своих
мыслей неписанных,
Не журите за взглядов поверхностность —
это лишь видимость...
И не смейте смотреть свысока на мой рост
и упитанность —
Я однажды предстану пред вами
о крыльях истинных!

Я НЕ ТА

Я не та, за которой мужчины —
в огонь и под пули,
И не та, от которой скрывают грехи и пороки.
Я скорее из тех, что рыдают, когда все уснули, —
Я из дерзкой породы всегда и везде одиноких.

Я скорее из тех, что на «ты» и с луною,
и с ветром,
Для кого шорох листьев осенних —
почти серенада.
Я из тех, что столетия назад растерялись по свету,
Для кого горных троп не смогла з
аменишь автострада.

Я из тех, что в толпе неприметны,
как серые кошки.
Я из тех, кого ценят «подруги» как фон
для знакомства.
Я из тех, для кого не бывает любви понарошку,
Для кого всё, как есть — романтично,
наивно и просто.

Я не та, для которой — все звёзды
и бархат приборя,
И не я неземной красотой вдохновляю поэтов...
Но я та, что — и в горе, и в радости —
будет с тобою,
Если ты позовёшь прогуляться вдвоём
на край света.

Я устала... Выключите солнце!
И зашторьте ивами озёра...
Я пыталась за любовь бороться,
Но её непросто взять измором.

Я сдалась... Мне снег роднее пепла,
И на клумбах — бледные поганки...
Я б на свет летела, да ослепла
От холодной чистоты изнанки.

Я заплачу — мне луну зажгите!
С нею в унисон споём о счастье...
И о том, что горьких судеб нити
Сердце разорвали мне на части.

Я спокойна — мне что град, что звёзды,
Я глуха к чужим признаньям нежным.
Вы не верите! Для Вас всё не серьёзно...
Я ж душою перед Вами — без одежды.

Липкой слезою останется в памяти
Боль, не допетая в прошлом столетии.
Вы же меня от неё не избавите —
Так для чего в мою душу Вы лезете?

В ней покопавшись, Вы критикой пошлою
Разворошите всё самое ценное.
И не услышите крика истошного,
Вмиг отвернувшись от тела презренного.

Вырвать из памяти дерзко прикажете
Всё, что не найдено и не потеряно.
И золочёною клеткой накажете,
Для оправданья сказав: «Ненамеренно...»

Вы не поймёте всего, что не сказано,
Я объяснить свои мысли не стану Вам.
Я не исполню того, что приказано!
Жить начиная в который раз заново.

Скорей вперёд! Забыв усталость,
Ночей бессонных караулы,
Шпаргалки, лекции, прогулы...
Ведь это всё — такая малость!

Скорей туда! Туда, где лето,
Где неба синь над головами,
Где впечатления — цунами...
Ведь солнце — только вестник Света!

Скорее жить! Ловить мгновенье!
Достаточно играть в отмазки,
Себе рассказывая сказки
Про шансы, случаи, везенье...

Скорей к мечте! Обнять ненастье,
Дождю нарадоваться вволю!
Расправить крылья — ветром в поле...
И сделать шаг навстречу счастью.

ПОРЫВ ДУШИ

Я люблю эти серые тучи
И продрогшие тайны тумана...
Я по жизни безумно везучий —
И другим добровольно не стану!

Я безудержно верю прибою,
Я люблюсь багряным закатом...
Я согласен лететь за мечтою —
Против ветра, под снегом и градом!

Я согласен остаться на месте,
Позабыв о просторах бескрайних...
Раз уж это моё королевство —
Защищать его я не устану!

Я смотрю не на грязь, а на звёзды!
Пусть душа и закована в цепи...
И летят мимо зимы и вёсны,
Возводя одиночество в степень.

А знаешь, соскучилась быстро,
Как будто искала так долго...
Мне хочется быть серым волком
От мысли, что небо так низко!

А знаешь, соскучилась рано!
Негоже вот так, с перепугу,
Впускать незнакомца, как друга,
В большую сердечную рану.

А знаешь, соскучилась сильно...
Быть может, списать на усталость?
Да что от сам́ ой-то осталось?!
Все мысли — в глазах его пыльных.

Ты говоришь, что ангелы не плачут.
Зачем? Ведь так прекрасно это небо!
Неведомы там зло и неудачи,
Не убивают за буханку хлеба.

Не там, а здесь война украла сына.
 Не в небе тонут наши корабли.
 Не их, крылатых, мрачная трясина
 Заставит полюбить клочок земли.

Не их заставят ползать на коленях
 И умирать за тех, кто рангом выше.
 Они не знают зависти и лени,
 О подлости из них никто не слышал.

Не их судьба зависит от кого-то,
 Кто слаб и ненавидит целый мир.
 Не их ждёт смерть за новым поворотом,
 И не для них чума готовит пир.

Но, глядя вниз, на скомканные письма,
 Растоптанные души и желанья,
 Им страшно, им так хочется укрыться
 От ненависти и непониманья.

И вот уж небо ничего не значит
 И покрывается дорожной пылью...
 Поверь мне, ангелы на самом деле плачут!
 Когда им по живому режут крылья.

Здравствуй, мама! Я вернулся домой
 С этой страшной и жестокой войны.
 Видишь, мама, я остался живой.
 Как же долго ждал я этой весны!

Обними меня и к сердцу прижми,
 И заплачь святым весенним дождём.
 Я с дороги — ты меня накорми,
 И тебе я расскажу обо всём.

Расскажу о первой мине у ног,
 О последнем из убитых друзей.
 Как твой образ в своём сердце берёт
 И о том, как я боялся людей.

Видел я, как волки рвут чью-то плоть,
 Задыхался я в пыли и в дыму.
 Но сберёт меня от смерти Господь,
 Потому что ты молилась ему.

Твоё сердце не сдавалось судьбе,
 Веря в то, что я пока ещё жив.
 И ты знала, что вернусь я к тебе, —
 Я и вернулся, врага победив.

К нам в окошко постучится рассвет,
 Мы с тобою улыбнёмся ему.
 Мы не виделись с тобою пять лет,
 Этот день я не отдам никому.

В это утро я не верю толпе —
 Только голуби парят над землёй!
 Здравствуй, мама! И спасибо тебе,
 Что я выжил и вернулся домой.

Твой мир без скучных серых красок
 Так необычен и красив!
 Твой каждый день уж тем прекрасен,
 Что дальше жить хватило сил.

Твоя нешуточная радость,
 Твой звонкий смех и искры глаз —
 Тебе с таким крестом достались...
 Но ты не держишь зла на нас.

На нас — здоровых и несчастных,
 Свободных в выборе пути.
 На нас, что тратим жизнь напрасно,
 Что не хотим к мечте идти.

Ты нас жалеешь, как младенцев,
 Прощаешь панику и страх...
 Согреть весь мир поющим сердцем
 И слёзы высушить в глазах —

Твоё заветное желанье,
 Твоя мечта, всей жизни цель!
 И в каждом взгляде, как прощанье,
 Звенит хрустальная свирель.

Ты больше не увидишь солнца,
 Что расцветает на востоке,
 И больше ветер не коснётся
 Твоих волос. И мир жестокий

Не пожалеет, что случилось
 С тобой несчастье этим летом,
 И не заметит, как простилась
 Ты навсегда с простором этим.

Наталія МЕДНИКОВА

Сумы

він ішов до мене дуже довго
мабуть продирався крізь кучугури знижок,
рівчаки спеціальних пропозицій та 17 кіл
помічників диявола, які пропонують на вулицях
«оканабалконы»

він говорив до мене дуже тихо
мабуть простудив горло вистиглим чаєм без
цукру, «гарячими бутербродами» з морозу і
швидкими поцілунками з симпатичними знайо-
мими

він робив все дуже повільно
мабуть заважали крила, а може просто виховання
не дозволяло поспішати (крил у нього я жодного
разу не бачила)

я спала дуже чутливо
«мабуть ти маєш нестабільну психіку або п'єш
занадто багато кави», - говорили знайомі

...я не почула як вночі він гримнув дверима, коли
ішов геть

ИЗ СЕРИИ «КОТОВИЕ»

В моем телефоне
поселились три мыши.
Они исподтишка стараются
Оборвать мою зыбкую связь с миром,
чтобы в моей жизни остались
лишь их серые хвосты,
навязчивый гул холодильника на кухне
и звук тараканьих шажков под отклеившимися
обоями...
... сегодня я купила кота...

ИЗ СЕРИИ «КОТОВИЕ» 2

Одному очень важно знать,
что коты, поселившись на картине в спальне,
не возомнили себя людьми.
Второй же уверен, что они непременно считают
себя жирафами,
или, на крайний случай, страусами.
Но я то знаю,
что коты не думают о такой чепухе,
ведь они наверняка знают,
кто у них сегодня на ужин...

ДІД МАЗАЙ

Не зумівши знайти вихід —
 Перерізав стрічки...
 Відрізав рукав...
 Замазав очі дьогтем...
 А потім спіткнувся і
 Впав на лезо спогадів,
 Зранивши вени виделкою...
 Мала бути кров,
 А отримав соус «Тартар»...
 Останні його слова:
 «Я не врятував зайців.
 Дід Мазай».

Просто быть...
 Не ударяться в крайности, пытаюсь найти правду...
 Быть стихией...
 Ветром, молнией, солнцем, дождем...
 Ненавидеть тебя, а впрочем... себя,
 только себя...
 Вспоминать ошибки, кричат до хрипоты,
 Срывать голос и вновь орать в душе,
 на себя, свои глупости, безумие...
 Рассыпаться брызгами, обрывками бумаги,
 окурками...
 Сгорать листьями, улетать дымом, таять снегом...
 Не быть...

Іноді можна
 Розмовляти з собою
 Тихенько, майже пошепки
 розповідати якісь кумедні історії...

Іноді можна
 Одягти на себе яскравого капелюха,
 запнутися барвистим шарфом
 і піти блукати вулицями,
 опускаючи очі назустріч перехожим...

Іноді можна
 Придбати чорну чашку з білими цятками,
 а їй до пари — білу, з чорними...

Іноді можна
 Покласти з собою спати
 Коричневе ведмежатко,
 яке подарували на вісімнадцятиріччя...

Іноді можна
 Сидіти на ліжку в своїх рожевих шкарпетках
 І читати «Пригоди Мумі Троля»,
 згадуючи дитинство...

Іноді можна
 Написати собі на листочку
 «Посміхнись, адже сьогодні чудовий день!»
 Сидіти і посміхатися...

Іноді все можна...

7 НОЧЕЙ БЕЗ ПАРАНОЙИ

Выхвачу кусочек лета
 из захлопывающейся пасти осени.
 Повешу его на стену, чтобы любоваться трофе-
 ем...

Теперь не страшно

з а с ы н а т ь

по ночам,

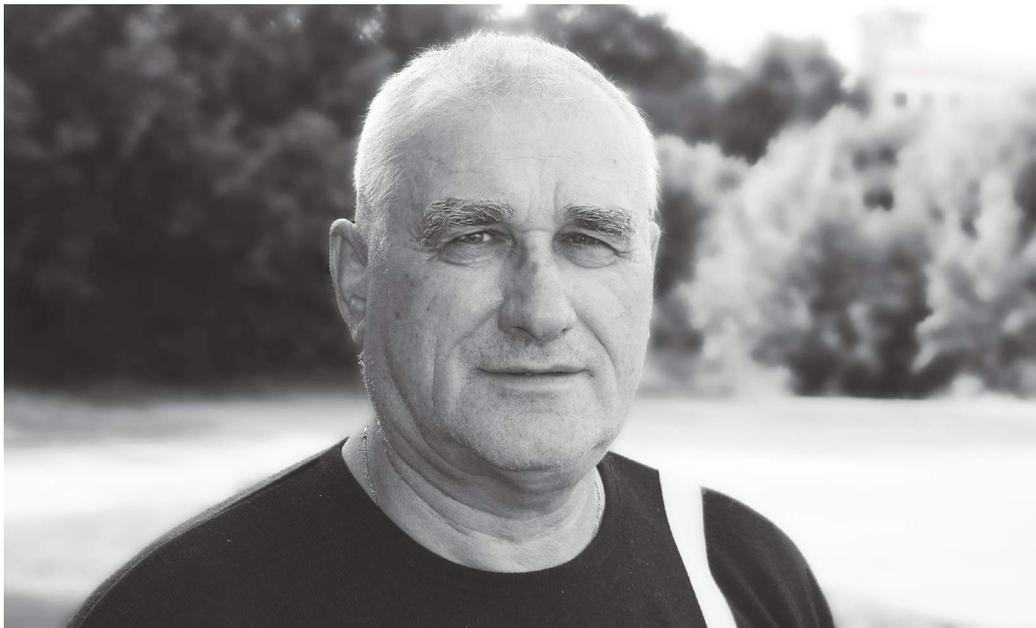
даже если на небе остаются отпечатки птиц,
 а в ушах эхо жутких криков проезжающего
 поезда.

Я обещаю тебе, что утром обязательно положу
 под подушку
 связку чеснока и рыжий пучок шерсти.
 Теперь и меня можешь не бояться...

Виталий МЕЛАНИЧ

Сумы

ОДИНОЧЕСТВО ЛЮБВИ

Вновь чувств былых дневная кутерьма,
 На сердце одинокое ложится,
 Так проблеск света поглощает тьма,
 И будто снег над душами кружится.
 Ведь трепетали в юности сердца,
 Любовь цвела, печалилась в разлуке...
 И не забыть любимого лица,
 И клён, шумевший в тихом переулке.
 Обман — и крылья свесила любовь,
 Нелепы, чужды были оправдания,
 И призрак страсти, дикий и слепой
 Стал одиночеством, как в наказанье.
 Ушедших лет не возвратит тепло,
 И счастье не берётся на поруки,
 А время как-то быстро утекло,
 И замерли в глухом пространстве звуки...

СПОР

Вечер расступился одиноко,
 Веселятся рядом фонари.
 Мягкий свет невозмутимых окон
 За стеклом забывчиво горит.

Потускнели звёзды небосвода.
 В споре недовольство всё таишь...
 И бурлят на перекатах воды,
 Где ловлю, как на блесну, я тишь.

Выведемся ж из плена предсказаний,
 Мыслей, что буравят пустоту,

Где порыв желаний в клетке заперт,
 Где в глазах я собственных расту.

Солнце прогоняет сонность утра,
 Чувств обида вышла на простор...
 Провожаем вереницу уток
 И с тобой неразделённый спор.

ЛЕТНЯЯ АКВАРЕЛЬ

Расцвёл июль — вершина лета!
 Пшеница спешно колосится!
 Раздолье солнечного света!
 И васильки степного ситца!

Мозаика цветов, как стразы,
 Украсила луга, поляны —
 Среди трав мелькнёт вдруг синеглазо,
 Над полусонными полями...

ВЕСЕННЕЕ

Манит черёмуха весной,
 И перелив лугов прибрежных,
 Когда прозрачный свет лесной
 Вонзает стрелы в землю нежно.

И липнет свет дневной к листе,
 Как будто выстрелило солнце...
 Сверкнёт глаз синий в мураве,
 А в луже мир — в земном оконце.

Маргарита МОСКВИЧЁВА

Сумы

argo315@rambler.ru

ДУША

Сестра моя, моя подруга,
Кормилица моя и мать!
За дверью — мир хоронит вьюга...
Где сил берёшь ты утешать?
Но эту тьму, но этот хаос
И добротой не перевозмочь.
А я учить тебя пытаюсь,
Как непоседливую дочь.

На паутине — капельки росы,
Развешенные по минутам.
Спешат или отстали те часы
Туманным утром?

Они идут легко: тик-так, тик-так, —
Шагами стрелок изменяют судьбы
И разрезают, рассекают мрак
Ударами, мгновенными по сути.

Светлеет небо в глубине росы,
На тонком круге — бесконечность линий...
Вгляжусь и вдруг увижу, не часы —
Вселенная на паутине!

Раздвинув сутки в стороны на миг,
Я добавляю памяти мгновенье.
Пусть — это мелочь, как ненужный стих.
Но там запечатлелось вдохновенье.
Фрагмент Вселенной, мелочь Бытия...
Подумать — это только лишь мгновенье.
Но ведь такой мгновенной есть и я.
И может быть, я — чьё-то ВДОХновенье.

И нечего сказать друг другу
И незачем смотреть в глаза.
И, почему-то, всё по кругу:
Шаги и мненья «против», «за».
И в этом замкнутом пространстве
Так тих часов водоворот
И тихо всё вокруг... Ну разве
Что маятник пространство рвёт.

Унылых улиц серый день
 И мудрые цитаты ночи,
 Которым голову ни лень
 До самого утра морочить.
 Блуждать среди миров иных,
 В межбуквенном паря пространстве...
 Над миром рифмы ветер стих
 И это, видимо, к ненастью.
 Но мыслью пробудить рассвет
 Желание неудержимо!
 Вот, вот. Вон там, за далью лет...
 И лишь не пролететь бы мимо.

А в детстве был белее снег
 И травы — зеленей и выше.
 Часов неумолимый бег
 Был незаметен, только слышен.
 И паутинок кружева
 Ажуром на траве блестели,
 Ручьёв речные рукава
 Кораблики несли... И ели,
 Под Новый год, до потолка,
 И мишура волшебных сказок...
 А волны лет несёт река...
 И воздух душен стал и вязок.

За дверью призрачных надежд
 Изношенный пиджак повешен
 На тонкий гвоздик для одежд.
 За садом собранных черешен,
 Над старым полем пар застыл
 И ветру не под силу сдвинуть
 Дыхание земли. Порыв
 Был бесполезен. Могут минут
 Десятки, может сотни лет...
 А неизменность будет длиться
 И превратиться в тихий бред...
 Лишь вскрикнет, пролетая, птица.

Я научусь тебя не понимать.
 Я перестрою ритм сердцебиенья.
 И, может быть, ещё смогу создать
 На взлёте тишины и вдохновенья
 Страну любви, непонятой тобой,
 Страну зари негаснущего солнца,
 Где белой пеной плещется прибой,
 Где иволга не плачет, а смеётся,
 Где кружат в танце лепестки цветов
 И нет нужды им оседать на травы...
 И если ты к такому не готов,
 Я ключ оставлю — там, у переправы.

На перекрёстке боли и любви
 На перехлёсте бури и покоя,
 Когда уже ушедшее вдали —
 На горизонте остаются двое.
 Ни дать, ни взять не хочется уже.
 Всё есть... Во всём достаток полный.
 В полёте дух. И там, на вираже,
 Единством звука пробудились волны:
 Качнут закат и вознесут зарю,
 Раздвинут полночь, и вернуться снова...
 Он ей сказал:

— Тебя благодарю!

Она ответила:

— И я шагнуть готова...

Всё дальше и дальше от света,
 В тени векового обмана...
 Вопрос не услышит ответа.
 С небес не посыплется манна.
 Рассвет будет смешан с закатом,
 И день неотличен от ночи,
 Но чувство, что был виноватым,
 Кольнёт глубоко, между прочим...
 И даст распознать суть идеи,
 И дали заветной коснуться,
 И, просто, в своей колыбели
 От яркого света проснуться.

ОСЕННЕЕ

С деревьев лето облетает
 И вороньё шумит, кружа.
 Иначе, видно, не бывает,
 Меняется всё не спеша.
 И сарафан сменив на кофту,
 Девчонка мчится в институт,
 И вопреки любви к комфорту
 Дожди унылые идут.
 Вдоль улиц мокрые трамваи
 Везут нерадостных людей.
 Иначе, видно, не бывает,
 Других, наверно, нет идей.
 Всё подчиняется закону.
 Не спрашивают: все ли «за»?
 Законы эти всем знакомы,
 Иначе, видимо, нельзя.
 А в парке, в сквере, вдоль аллеи,
 Сметая, как ненужный хлам,
 (Другой, как видно, нет идеи),
 Пакуют осень по мешкам.

Забывчивость приходит утром,
 С рассветом дня, как верный страж,
 Не запоздав ни на минуту —
 И начинается мираж:
 Друзья, заботы, карусели
 Мероприятий и звонки,
 Какой-то план на всю неделю,
 Покупки, игры, чудачки,
 Причёски, взгляды, кухня, платье,
 Стихи и кофе аромат,
 По контурной гаданье карте,
 Зной полдня, к вечеру — закат...
 И только с наступленьем ночи,
 Когда глаза смыкает сон,
 Забывчивость, хоть и не хочет,
 Но всё-таки уходит вон.
 И открывается пространство
 Где явь светла и воздух чист.
 И все возможности подвластны
 Тебе. Как иллюзионист
 Проходишь сквозь огонь и воду!
 Летать — затея не хитра!
 И чувствуешь её — свободу!
 И можешь всё... но, до утра.

.....
 Восход расцвёл. И ни минуты
 Не задержаться там. Опять
 Забывчивость приходит утром
 И на ночь отпускает спать...

Виктор ОСАДЧИЙ

Сумы

ДИВО-РІДИНА

Син знайшов за домом пляшку
Повну рідини:
— Тату, — каже,
— Диво дивне!
Ось іди, зиркни!

Я, — говорить, —
Здуру всунув пальця в рідину —
І з тих пір вже з півгодини
Пальця не зігну!

Наче цвях зробився палець!
Наче олівець!!!

... Батько глянув,
Мацнув пальця,
Каже: — Молодець.

Ввечері продемонструю
МАМІ цей б а л ь з а м...
А тобі,
як все минеться,
ДЕСЯТЬ ГРИВЕНЬ ДАМ!!!

...Рано-вранці,
Ще лежало в ліжку дитинча,
Йому батько СОРОК ГРИВЕНЬ
Радісно вруча!

Син сміється:
— Треба ж десять!
Пам'ять підвела?
Батько каже:
— ТРИДЦЯТЬ ГРИВЕНЬ
Мама додала!!!

ДВІ ЦАРИЦІ

Є коханка. Від слова "кохання"...
А є жінка. Від слова "життя".
Та коханка — таємне єднання,
А дружина — законне буття.

Десь у серці двоїстість таїться
І таяться двоїсті путі:
Одна та, що в коханні ЦАРИЦЯ,
Інша та, що ЦАРИЦЯ в житті.

Як давно чоловікам відома
Ця роздвоєність у почуттях!
Бо Цариця Кохання не вдома!!
А яке без кохання життя!!!???

Є бажання з коханкою бути
У гарячій любові удвох,
Але так... Щоб і дім не забути,
Де Дружина і Діти, і Бог!!!

...Та бувають і вдома ридання,
Крик і лайка, і бій, і виття...
Це коли про Царицю Кохання
Дізнається Цариця Життя!

ВОЛИ

Гнат із батьком на базарі
Не продав волів
І на батька так розсердивсь,
Що аж побілів:

— Я ж казав Вам, що не будуть
В попиті воли!
— Щоб чорти, — добавив, — батька
Вашого взяли!!!

Сторопів старий від цього:
— Чи сказився ти?
Це ж чому́, щоб мого батька
Узяли чорти???

Гнат тоді знітився трохи:
— Як Вам жаль свого,
То нехай чорти, — говорить, —
Заберуть м о г о !!!

Узрівши за столом своє обличчя,
Я відчуваю: впився доп'яна...
А калинове клоччя й далі кличе
До кузні клекітливого вина.

Я п'ю й кую залізо, як умію —
Окалина зап'ястя обпіка!
Кую в душі і тугу, і надію,
І не тремтить із чаркою рука!

Не плач душа! Моя п'янка паняню!
Я викую й для тебе кораблі
І ми підємо в море на світанку
Шукати край...
Химерний край землі...

НЕПОТРІБНІ РЕЧІ

...Пише син листа із війська:

“Дорога маманя!
В зв'язку з тим,
що в нас по БОКСУ
Відбулись змагання,
Висилаю не п о т р і б н і
р е ч і для ужитку”.

...І поклав з листом в посилку
ЗУБНУ ПАСТУ й ЩІТКУ.

ХОТІВ ПОЇХАТЬ

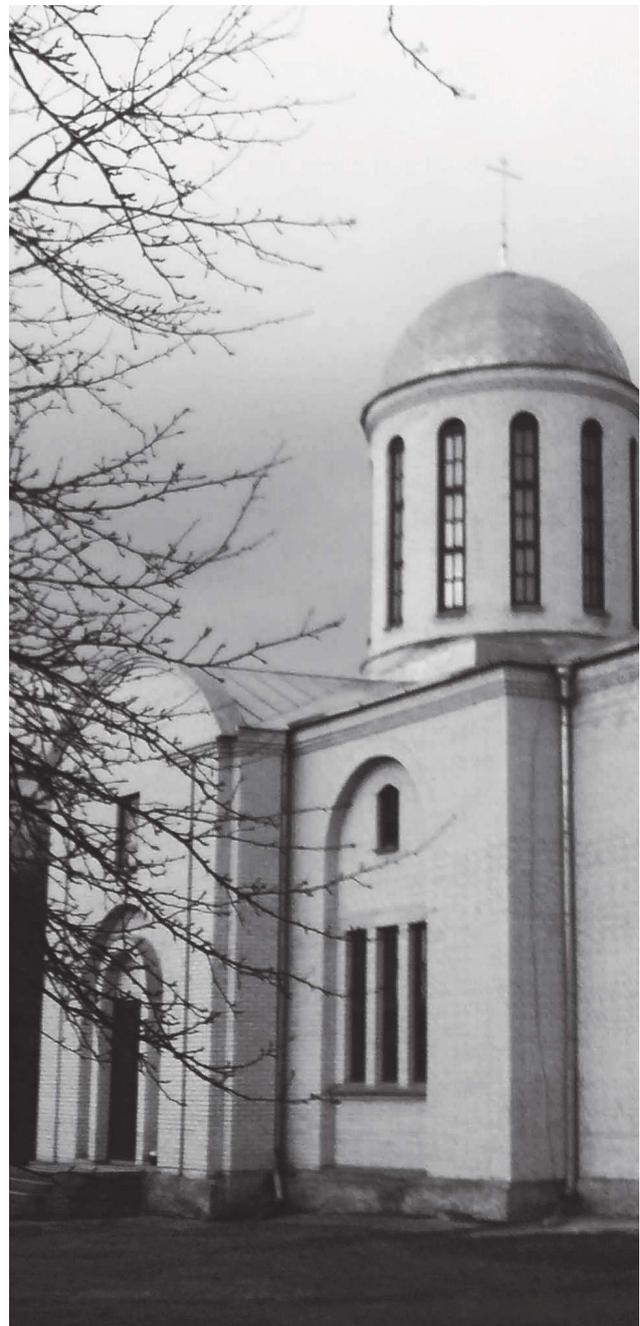
Хотів поїхать, але щось не склалось...
Щось не сплелось, не вийшло, не спряглось.
Можливо, що погода зіпсувалась?
Не відаю...
Можливо, ще чогось.

Вже вивів і буланого зі стайні,
І спішно засупонив хомута,
І щось ТОБІ хотів сказати востаннє,
Та не сказав...
Чи мить була не та?

Розпріг коня. А на душі тривога,
Неспокій, розпач, жаль і маячня,
Бо все-таки були мета й дорога,
А я розпріг...
А я розпріг коня.

І зараз мені якось важко дихать,
Бо щезла і дорога, і мета.
А я ж хотів...
Я ж так хотів поїхать!...

...Вже навіть засупонив хомута.

Юрій ОШ

Суми

ЛІТО

Ну, що того там літа:
туди-сюди — й зима.
Отак життя прожито:
туди-сюди — й нема...

СОРОК СЬОМИЙ

За батька, вбитого солдата,
я хлібний мав такий пайок,
що від продмагу і до хати
міг проковтнути той шматок.
За ті нещасні триста грамів
мене у черзі тисли так,
що крикнути хотілось мамі:
«Умру, матусю, натошак!..»

Ніколи тихо не засну...
Я спопелюся до останку —
в серпанок сизий обернусь,
немов роса під сонцем зранку.
Обгорне легіт голубінь
під яснооким, синім небом
і понесе тривалий біль
над полиновим рідним степом.

Розвіються рожеві сни...
впаде гірких думок насіння...
і на проталинах весни
підніметься євшану зілля.
.....
А влітечку якесь хлоп'я
з душею чистою, простою
травичку зірве і...як я,
думок пройметься гіркотою...

ХРЕСНИЙ ХІД

Вони зіткнулися на перехресті.
І він узяв її на руки, мов дитя.
Поніс, неначе ходом хресним,
що йшов через усе життя.

ЩЕМИТЬ

Зрізую троянду на куці...
І чомусь так боляче зненацька,
ніби гострим лезом по душі
провела рука якась хижацька.
Убиваю сонячну красу
у цілющий, життєдайний вечір.
Хоч красу коханий донесу,
на куці лишу я кровотечу.
Прикре почування аж до сліз,
наче покалічив груди серпню,
що мені троянду цю приніс,
мов від Бога подарунок серцю.
.....
Зрізую... а глибоко щемить.
Чи горілки випити, чи брому?
За кохання швидкоплинну мить
різонув неначе по живому.

СЛОВА

Бува, прокинешся вночі —
горять слова, мов свіжа рима:
душа неначебто кричить
перед закритими дверима.
У тих палаючих словах
вчуваю Вишнього октаву,
що спопеляє ніч на прах
і гасить посмішку лукаву.
Отож скоріше відчини,
бо покричить та й пройде мимо...
Коли минають Божі сни,
душа буває невловима.

НІЧНА РОЗМОВА

Грудневий дощ журливо капотить
і розливає по землі неспокій,
а в серці щось у цю зимову мить
немов бринить в тональності високої.
За вікнами висить сльозлива ніч,
неначе зазирає прямо в душу,
і я, на роздоріжжі протиріч,
віч-на-віч говорити з нею мушу.
О ніч, кажу, темнюща, як смола,
ти чорне сховище у повній мірі,
в одне зрівняла чорта і козла,
бо кішки всі у темній хаті сірі...
Та прийде час, устелить білий сніг
весь виднокрай, хоч, може, і спроквола.
Розвидниться. І ляже біля ніг
стара, мов день, життєва правда гола.
Отож, мені чи радуватись дню,
своїй дитині як радіє мати?
Нікого в світі, Боже, не виню,
що відповідь ніхто не зможе дати.

НІЧНИЦІ

Я розмовляю сам з собою,
коли не спиться уночі
і серце сповнене нудьгою,
а тиша навкруги мовчить.
Я говорю собі відверто,
приходить пізні каяття...
і, мов картину на мольберті,
малюю обриси життя.
В душі криївки відкриваю,
де потаємне все моє,
як на полицях, розкладаю
усе минуле і що є...
Та лиш розтане ночі темінь,
почнеться днини круговерть —
впадуть думки мої таємні,
немов з полиці, шкереберть.

ПРАВДА ПРО ВІЙНУ

Я стільки чув про ту війну,
з дитинства з нею ще зіткнувся,
та правду знаю лиш одну —
мій батько з фронту не вернувся.

І хай літопис той біди
перегортає просторіка,
мого там батька не знайти —
неначе вирвана сторінка.

Отож як тисячі базік
данину платять Вітчизняній...
а батько мій навіки зник,
на світі білому незнаний.

ЗЕЛЕНИЙ ПАГІН

І знову верби біля річки
травнево воду зеленять,
і знов тополі, ніби свічки,
зеленим полум'ям горять.
А я їду і серце грію
в зеленім полум'ї весни...
щось пригадав... і тихо мрію,
що завтра буде день ясний.
Несе вода зелений спокій...
Чого ж хвилююсь? Не збагну...
Неначе хтось зеленоокий
до мене в душу зазирнув.

І линуть промені наснаги,
і забуваю про літа...
Мов весняний зелений пагін
на сивих скронях пророста.

ЧЕКАННЯ

За рогом ближнього будинку
бузковий кущ давно росте.
Коли їду я на зупинку,
дивлюсь на листячко просте.
Той кущ рясніє з кожним роком,
як тільки скінчиться зима,
хоч будь-який собака скоком
на нього лапу підніма.
Я ним милуюся у травні,
коли він знову зацвіте.
Ми з тим кущем друзяки давні
і розмовляєм тет-а-тет.
Коли ж бузкові грона в'януть,
казкову роняють новизну,
я мимохідь на них погляну,
про себе нищечком зітхну...
Отож чекаю я розмаю —
побачу китицю нову.
Бо, милий кущику, мов знаю,
як ти цвітеш — і я живу.

СОНЯЧНА ФАНТАЗІЯ

Березові листочки так блищать
на фоні сяйва сонячних рапсодій,
що радісні мелодії звучать
у серці, на самісінькому споді.
І хочеться дивитись без кінця
на сонячну фантазію прекрасну:
яка божественна краса оця —
проста і дивовижна одночасно...
Спалахують листочки чарівні,
мов свічечки на Божому просторі, —
і на душі так хороше мені
у каламутному людському морі.

ДИСГАРМОНІЯ

Зелене й жовте під ногами,
зелене й жовте навкруги,
понад рікою тихі гами —
пливуть осінні береги.
Немає сонця прямо зранку,
і цілоденно хлюпотить...
Хоч би сьогодні наостанку
мигнуло сонечко на мить!
Над головою бачу хмуру
прокислу хмару дощову.
І розриваються від журу
душа і серце наяву...
Мені без сонця просто горе
і дисгармонія така,
ото як, знаєте, без моря
життя нема для моряка.

ОСІННІЙ СОН

Щемлива осінь за вікном,
щемлива осінь...
і все здається дивним сном,
що бачу й досі.
Палає осінь золота
на листі клена,
вона, як завжди, молода
і незбагненна.
Чарує очі тихий ліс
в годину гожу,
осінній сон мені приніс
красу цю Божу.

В таку святу осінню мить
живу й радію.
А серце боляче щемить,
що золотію...

МОЛИТВА

Сижу я в домике на даче
среди безлюдья января:
здесь всё как будто бы иначе,
не та вечерняя заря...
Гудит в углу моя печурка,
трещит поленце в тишине,
и я прислушиваюсь чутко,
что тихо молвит сердце мне...
Горит на столике лампада,
мерцает золото огня.
Мне ничего сейчас не надо:
сей миг — молитва для меня.

ЖУРАВЛИ

Узнаю очертания клина
на канве голубой тишины:
трепетанье семьи журавлиной —
это песня и крылья весны...

Улетели в далёкую дымку
и растаяли в золоте дня...
Словно вешнего неба росинку
обронили они на меня.

Юрий ПЛЮЩЕНКО

Сумы, пгт. Жовтневе

Стою над чорною водою,
Що відбиває неба синь.
Мовчить хтось поруч із мною,
Хоч я на березі — один.

Лунав тут спів і стих невдовзі.
Ковтає хвили темна гать.
Гуде вода, мов дека кобзи,
Коли вже струни не бринять.

Дві наші долі випадково
Злетілись на одні пісні...
Замовк Він. На якому ж слові?
З якого починать мені?

Ось роздоріжжя:
Три дороги,
Три кути.
На роздоріжжі — стиглий сонях
На обрій поглядає сонно,
Не знаючи, куди його піти —
Бо не збагнув, зростаючи, понині,
Що за дороги це,
Що за кути,
В які це занесло його світи
Ще у сліпій і безпорадній насініні.

І ось Вони прийшли, нечутні,
Взяли — і владно повели.
Неначе перший сніг у грудні
В крові колючки запекли.

Від шаблі через півгодини
В мозолях кров'яних долоня.
І не страшна могильна глина,
Сміюся з сивини на скронях.

Та, люльку запаливши, втому
Відчув. Хохли мої уперті,
Пустіть, брати, мене додому —
Поплакати над жахом смерті.

Під копитом хруснула ікона.
Віжки вириваються з долонь.
Закричала злякана ворона,
Із-під стріхи вискочив вогонь.

Ех, яка легка в руці шаблюка! —
Змаху розруба хазяйський тин.
Хто там на дзвіниці — у, падлюка! —
Калатає у попівський дзвін?!

Влучний постріл в дзвонаря старого —
Швидко вітром розганяє дим.
Тихне дзвін, і, мов язик німого,
Било ще ворочається в нім.

Лежить розчавлений собака
 На перехресті двох доріг.
 Чи необачний був гуляка,
 Що врятуватися не зміг?

Звільнившись від прудкого тіла,
 Крізь чад і гомін голосів
 Душа собача полетіла —
 Десь, може, до сузір'я Псів.

А там, спорідненість уздрівши
 Таких же от собачих душ,
 Наслухавшись, кому де гірше,
 Розкаже й про свою біду.

Розкаже, підійшовши строго
 До правди у своїй хулі:
 Які там, на Землі, дороги,
 Які там люди на Землі...

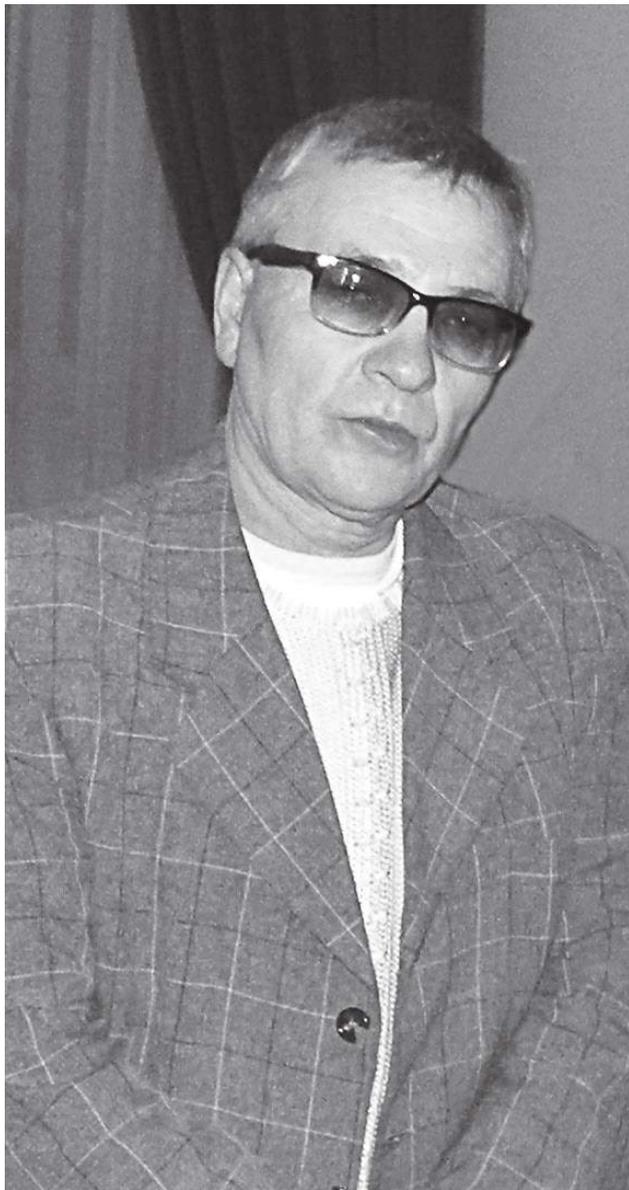
АКВАРІУМ

Ти винесла акваріум з кімнати.
 З акваріума нікуди втікати,
 І рибки кольорів всієї гами
 Раз-по-раз там торкали скло губами.
 Та, раптом (а, можливо, це наснилось),
 Вода і скло в повітрі розчинились,
 Й на сонці, вигріваючи лускою,
 Тікали рибки й звали за собою.
 І ти відчула тісноту подвір'я,
 І, ніби, — до тяжіння недовір'я...
 Вже й ступні перетворені в плавці,
 На шкірі — напівкруглі пластівці...
 І ти за рибками полинула услід,
 І душу відпустив прадавній гніт.
 Раділа ти чудній метаморфозі
 І вірила повітряній дорозі —
 Полинула над вільними полями,
 Та, раптом, — скла торкнулася губами.

Василий ПОДШИВАЙЛОВ

Сумы

В ГЛУХУЮ ПОЛНОЧЬ

В округе — как повымерли собаки.
Чёрт звёзды спёр и тут же снёс в кабак.
И не найти полночному гуляке
Назад дороги, сквозь осенний мрак.

Плывёт куда-то, накренься, планета
(По-птичьи долго — всматриваюсь в тьму)
И дотянуть ли с ней нам до рассвета —
Неведомо пока что никому...

Если жил бы я прежде
На этом нечаянном свете
И от нынешних дум
Не болела б моя голова, —
Я чинил бы, наверное,
Старые дедовы сети
И ловил ими ветер,
В мотив подбирая слова.

А с ладоней моих
Торопливые ласточки пили б
За разлуку, и встречу
Поспевшее к сроку вино.
А по небу ко мне
Облака молчаливые плыли б,
И жуки залетали
В открытое на ночь окно.

Я поставил бы стол
Возле нашей развесистой груши.
И позвал всех друзей,
И смотрел бы им только в глаза.
Где? в каких небесах
Затерялись их вечные души,
Что и в самый отчаянный день мой
До них докричатся нельзя?!

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

Синица — на руке,
Журавль — под самым небом.
И нет нужды сверять
С учебником ответ.
Поразбрелись стада,
В котомке — сало с хлебом,
И сквозь листву сквозит
Слепящий, яркий свет.

Мечтатель-пастушок
В тени берёзы пёстрой...
Что видится ему
В неведомой дали?

Я представлял всегда
Затерянный свой остров,
И как спешат к нему,
Вздыхаясь, корабли!..

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Прогуляемся вдоль — утренним апрелем,
Близким счастьем опьянённые слегка.
С самой осени с тобою мы хотели
Посмотреть как тают в небе облака.

А для птиц у нас с собой — немного хлеба.
А по жизни сплошь у нас одни нули.
И глядим замороженные на небо,
Будто нет уже, и не было, Земли.

И уносит ввысь — живые наши души,
Вопреки своим законам бытия.
И весенний шум доносится всё глуше,
И всё туже в горле свежая струя...

Что-то стало нечастым счастье,
Не пьянит молодым вином.
Словно долго и безучастно,
Дождь идет за ночным окном.

Уверяли — с ребячьей страстью, —
Что не будем должны судьбе.
И не будем, как гриб в ненастье,
Чью-то мерзость таить в себе...

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Утром ранним, здесь, под кронами
старых парковых раки —
побеседую с воронами,
благо, шумный город спит.

Словно жизнь моя в начале лишь,
там, где всё зовёт труба.
И утратами печальными
не помечена судьба.

Словно я, под этой маркою,
просто так — не пропаду.
И вороны не накаркают,
как ни силятся, беду...

БОЛЕЗНЬ

Жар спадает понемногу,
жадно губы обметав.
И ослабил, слава Богу,
хватку мёртвую удав.

Жидкий свет, на окнах шторы,
щёк колючая стерня.
И глядит, как бы с укором,
кошка наша на меня.

И почти что бестелесный,
на измятой простыне —
вспомню образ твой небесный,
что являлся мне во сне.

ДАВНЯЯ ПЕЧАЛЬ

Поминали друга... с жизни взятки гладки...
Опускалось солнце за его окном.
Говорили что-то... больше для порядка...
Запивали горечь горьким же вином.

Столько лет минуло... Страшная развязка...
Что оборвалось в нём? Не дойти умом.
А глаза закроешь — и смеётся Сашка
на крылечке нашем... Не заходит в дом.

Помню свежесть... утро,
солнце только встало.
Свет просился в душу
и она — летала!
Над крыльцом, над садом,
где поспела слива...
Как немного надо
было нам, счастливым...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Укатали нас годы, а больше — чужие дороги.
Догорает закат, понемногу сужая глаза.
То ли сердце щемит
от какой-то неясной тревоги,
Или это в оконце вечернем
так жарко горят образа?

Мы раскинем насколько нам хватит
усталые руки.
И, помедлив, неспешно взлетим
над покатым жнивьем.
Пусть — качнётся навстречу земля
как от долгой разлуки.
Опусти свои веки, доверься, мы дома,
мы — снова живём!

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Не стучись ты, беда, в наши двери
поздним гостем — осенним дождём.
Мы, — как в клетке забытые звери, —
эту смутную ночь переждём.

Может всё же при утреннем свете
(хоть и верится в это с трудом)
вдруг не вспомнишь, что мы на примете
у тебя? Вдруг минуешь наш дом?

ПОЛОВОДЬЕ

Отражаясь в холодной воде,
Дождается верба участливо —
Приютить в прошлогоднем гнезде
Райских аистов шумное счастье.

А пока что в пустых небесах
Ветер треплет бездумно простынку.
И подолгу зовут голоса
С того берега, скрытого в дымку.

БЕЖЕНЦЫ. КАДРЫ ХРОНИКИ

Видно, что-то не так в этой жизни,
видно, всё-таки что-то не так,
раз судьба, разуверясь в отчизне,
ищет-свищет в озябший кулак,
раз бредёт она вслед за обозом
и отчаянно смотрит во тьму,
так отчаянно смотрит, что слёзы
прикипают к лицу моему...

Блаженны кроткие...

Приснилось,
что счастье вернулось в мой край,
В мой страждущий — вольною птицей.
Как если обрёл бы утраченный рай,
И кротким — воздастся сторицей.

С неясным волнением в ночи пробужусь,
А сон ничего мой не значит.
И сам я уже ни на что не гожусь.
И зло, безнадежно заплачу...

ВЫПУСКАЯ НА ВОЛЮ ПТИЦУ

Подожгу прошлогодние листья —
Дым затеет свою карусель.
Рядом птица веселая свистнет,
Шибанёт в ноздри брагой апрель.
Накружились, уселись на ветки
Не-великие мысли мои.
Не спешит моя пташка из клетки,
Не торопится... Вот — и пойми...

ВЕЧЕРНЕЕ

Протрубят и смолкнут трубы,
Отгорит своё заря.
И лизнув сухие губы,
Вдруг поймёшь, что прожил — зря.
Что надежды в прах разбиты,
Что сума как есть пуста.
А вот жаль — лишь той обиды.
Как — нательного креста...

ВОСКРЕШЕНИЕ

В палату вошла, и на краешек стула
присев, в мои губы, склонившись, подула,
сливаясь с расплывчатым светом...
(Сегодня мне вспомнилось это.)

На тумбочке — жёлтый лимон.
И сквозь наркотический сон
к тебе пробираясь глазами,
я выдумал смех свой
с твоими слезами...

НОЧНОЕ КУПАНИЕ

Как всё было давно, а казалось — вчера.
Это памяти зоркой слепая игра:
В лунном отсвете пляж, тонко пахнувший плед,
И на мокром песке убегающий след.

Убегающий в сонную воду твой след,
Где и пляжа теперь-то давно уже нет.
Только в полночь глухую в густых камышах
Стонет выпью пропащая чья-то душа...

ВСТРЕЧНЫЙ

Горе ли свело с ума?..
Но теперь ему едино:
То ли родина сама
перед ним, или чужбина.

А куда бредёт — Бог весть...
 Сторонясь, свое бормочет.
 Словно — он случайный здесь,
 Или — оправдаться хочет.

Заживо — на небесах...
 Что ж тогда меня так гложет?
 Ведь не тот минутный страх,
 что никто нам не поможет?

ЗАПУСТЕНИЕ

Минуты — томительно-трудны, —
 вот-вот — и причалит паром,
 сомкнув берега. Но безлюдно
 в краю твоём, хмурый «харон».

Лишь носятся ласточки небом,
 всё ниже, и жмутся к воде.
 И тянет сиротством, как хлебом
 затеянном в горькой нужде.

Я был здесь счастливым когда-то...
 Но этот надтреснутый звон
 и накрест забытые хаты —
 дурное видение?., сон?!

А ласточки в небе — все реже,
 И медлит проклятый паром.
 И я, как в беспамятстве, брежу:
 — Вези меня!, дядька-харон?!

НОЧНЫЕ СТОРОЖА

Сторожим добро чужое:
 Я с Серёгой, да Андрей.
 Словно призраки, все трое
 В тусклом свете фонарей.

Вдалеке шумит дорога,
 Чутко спит приبلудный пёс.
 Врёт про жизнь свою Серёга,
 Вдохновенно, не всерьёз,
 На ногу закинув ногу.
 Так мы коротаем ночь.
 Ври, придумывай, Серёга!
 Мы — не прочь тебе помочь.

Словно нет и вовсе дела,
 Что с дворнягой наравне
 Жизнь нам всем осточертела
 В этой призрачной стране.

Всё — разумно... да я — не об этом...
 Вечным кажется в сумерках лес.
 И надёжнее — берега нету,
 И терпимее — нету небес.

Но порой в тишине, перед утром,
 (когда легче отнять, что сбилось)
 появляется — мальчиком мудрым —
 чья-то боль, словно Каменный гость.

Боль отпустит, как грех отпускают.
 И проворный суфлирует бес,
 (то и дело во всём потакая)
 что терпимее нету небес...

ФЛОТСКИЙ

(из дорожных откровений)

— Воротился, а не в пору,
 А жены — и след простыл. —
 Со столичным гастролёром
 Укатил мой «верный тыл».

Выпил стоя: за измену,
 Что застать не довелось.
 И — ножом, по синим венам...
 — Клином клин, при чём тут злость?!

С перевязанной рукою
 Поутру смекнул, — что зря,
 Что оно — того не стоит.
 И — обратно, на моря!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЛЯСОВАЯ

Был бы пол, да потолок, да тёплые сени —
 Не ходил бы ночевать я к тебе, осенней!

Не скрипел в твоём дому я бы половицей,
 И оставил в зеркалах наши с тобой лица.

Я бы — Машеньку нашёл, мял бы с ней перину,
 И во сне бы называл я её — Ириной!

ДОРОГА ДОМОЙ

Задождило... Как в позднюю осень,
 поливает с набрякших небес.
 Не доехав, увязли по оси,
 только — чёрное поле окрест.

Напрямик, за случайным попутчиком,
 добреду до калитки след в след,
 где сбывалось всё самое лучшее
 и где, кажется, не был — сто лет!

Постучусь, как кому-то в отместку,
 неприкаянный, в мамин уют.
 И отпрянет в окне занавеска,
 и пойму: здесь давно меня ждут.

ЮНОСТЬ

Уже — летает время-небыль
 над всем, что будет. Но пока:
 из перевёрнутого неба
 белеет день, растёт река!

И в этом плавном жесте женском,
 и в этой медленной реке —
 неизъяснимое блаженство.
 Как будто — птица на руке!

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС

Прощались у реки...
 Как будто нам в угоду,
 Дробилась на волнах
 Знакомая луна.
 Откуда было знать,
 Что юная свобода
 Заставит заплатить
 По всем счетам, сполна?

Наутро теплоход
 Со мной — уже отчалил.
 Вернуться обещал,
 А годы — как вода.
 И все мои слова,
 И наши с ней печали
 Остались там, в ночи.
 Теперь уж — навсегда.

ДОЖДЬ В ОКНЕ

Принимается, как за работу,
 Скучный дождь тарабанить с утра.
 Словно ждём понапрасну кого-то.
 (Ну а дождь — это только игра).

И осталось — сквозь мгlistую вечность —
 Лишь смотреть как стекает вода
 Да в пустую свою бесконечность
 Вдоль дороги ведут провода.

Это осень, промозглая осень,
 Дань свою безраздельно берёт:
 С потемневших за окнами сосен,
 С покосившихся наших ворот.

Это птицы озябшие прячут
 Сны свои под густое крыло.
 Даже — малые дети не плачут,
 Забывая своё «ремесло».

ПОЛНОЧНОЕ КРЫЛЬЦО

Небожитель Галилей!
 Из своей трубы небесной
 В мой стакан гранёный тесный
 Звёзд своих глоток отлей!

На ступенях посидим...
 Пусть пьянит почище браги
 Терпкий вкус нездешней влаги.
 Благо — ночь вся впереди!

Хто ти, осінь, чаклунка? А, може, повія?!
 Оголяла принади заради пороку...
 Мої вірші страждають від багатослів`я.
 Я люблю тебе,
 осене, — ось моє хоку.

А сніг упав на всі перестороги,
 на всі бажання, плани й почуття.
 Цей сніг упав на всі мої дороги,
 куди не буде зроду вороття.

А сніг упав на ще зелене листя.
 Це так тривожно: літо — і зима!..
 Пришпилена душа шукає місця,
 де б відігритися, та все дарма, дарма...

А сніг упав на мій каштан одвічний,
 що шелестить до неба рік у рік.
 Початок жовтня, а запахло січнем.
 Де літо бабине? Нема: короткий вік.

Снова дождь, как в прошлую осень.
 И как в прошлую осень печаль.
 Эти две непрошенных гости
 напросились внезапно на чай.

В доме стало торжественно-сыро,
 чай пролился холодным ручьём,
 осень ветрено заголосила,
 а печаль стала вдруг скрипачом.

И за этой тоской показалось,
 что немножко ещё и вот-вот
 песне этой осталось жить малость...

...в чай остывший звезда упадёт.

ИСКУССТВО

*... це такий живопис — вікна промивати
 нашим передвічним лагідним домам
 Ю. Андрухович*

День пришёл, когда моются окна в квартире.
 Ритуал этот классный достался от предков
 по линии женской, мыслящих шире,
 чем живущая рядом, к примеру, соседка.

На восток мои окна выходят упрямо
 и как только умоются солнечным светом,
 я на кухне пью кофе с колбаской салями,
 утешаясь по «Эре» базаром предметным.

А семья ещё спит и не знает, однако,
 что за планы такие по линии женской!
 Где-то греются яхты в районе Монако,
 а у нас всё дождит и пейзаж деревенский.

Холода зарядили — ни продыха даже!
 Я глазею в окно. И дымится мой кофе.
 Для искусства оставлю своё многострофье,
 на распахнутых окнах исполнив адажио.

Хмари як з тиждень напнули жалобу.
 Злякано місто чекає на зиму.
 Перші дні вересня ставляють пробу,
 в мене ж проблема — знайти свою риму.

Літо, мій хлопчику, я відпускаю.
 Ти відслужив, як ніколи на славу!
 Я пригадала: в період розмаю
 мрію плекала про Балаклаву.

І відчуваючи хвилі плечима,
 що огортають і стегна, і груди,
 в цьому чеканні я літо злічила
 до випікання жагою застуди.

Літо, мій хлопчику! Стане так сумно!
 Я вже відчула, що день аж зібгався.
 Наче хтось ночі смолою насунув.
 Ніби чекав ти — не дочекався.

Хмари вже тиждень — як домна сталева —
 хтось опускає. Сильнішає протяг.
 Сонце на Заході, в місті від Лева.
 Я зачекалася... Завтра — мій потяг.

ПРОШУ ЛІТАТИ

Літня спека тебе розморил,
 І не хочеш ти осінь зустріть.
 Ти не хочеш розкрити руки-крила,
 Політати зі мною хоч мить.

Я здіймаюсь у мріях до неба,
 На планету осінню дивлюсь.
 Ти не хочеш зі мною? Не треба.
 Політаю сама й приземлюсь.

Глянь на мене, яка ж я красива! —
В синім небі тобі я кричу.
Ти ж не бачив такого ще дива.
Поцілую. І знов полечу.

Ну, чому ти не хочеш у мрію?
Чи так важко тобі? Не збагну.
Я тебе піднесу, як зумію,
Політаємо мить, хоч одну.

Я НЕ ТА

Я не та, для чого постучал?
Всё напрасно — ошибся адресом.
И не будет концов без начал,
Бригантины под алым парусом.

Жизнь моя скудна, как кефир,
Хоть минуло давно уже сорок.
Что смогла — это только мой мир
Изваяла... Незыблем... И дорог.

А виной всему — простота
При душевной моей сложности.
Нет, не та для тебя. Не та.
Говорю тебе не из гордости.

НАТЮРМОРТ

Ти стоїш під дощем,
Виглядаєш мене.
І легкий в серці щем —
Це художник Моне

Кинув пензлем на скло
Рясно краплі дощу.
Все інакше б могло...
Але я не прошу.

Попливе до Варшави
Дивний потяг із Сум —
Натюрморт: я та кава,
І фіранки, і сум.

Та ще дощ від Моне:
На вікні його розчерк.
Час лікує. Мине,
Як кінчається дощик.

Дихай! Дихай! Вже весна.
О, цнотлива діва року!
Небо в сонячних піснях
і земля в красі барокко.

Після березня — квітчастий
нас накриє квітень шалом.
Сокровенне, передчасне
розіллється млосно жалом.
В квітні — мода на кохання,
кому «інь», а кому «янем».
Паростком так лусне стиха,
о, душа моя ж бо, дихай!

Я не хотіла завдавати болю...
Мене ти довго, довго приручав.
Я покохала. Сталось мимоволі.
Я відчувала: ти ж бо не кохав.
Ти бавився. З нудьги: ти кіт, я — мишка.
Я здобиччю була. То я була?
І спалах почуття. Спочатку нишком.
Величне потім, як політ орла.
А час іде. І дні, — як позолота,
Дарує осінь нам для простоти.
Та вишукані почуття — зрадлива квота.
Я розлюбила. Та кохаєш ти.
Кохання піднесло, як хвилі лава.
Раділи ми у небі серед веж.
Кохання — то солодка з сіллю кава,
Що обпікає й задурманює тебе ж.

Когда-нибудь я догорю совсем —
затёрта мысль, как старый полустанок.
До приторности всем я надоем —
не жалко выбросить свечной огарок...

Поэт ли, поэтесса — наш пошиб!
Пел соловьём или вороной каркал?
Уже неважно! Был ты не фальшив!
Всего свечой сгорел? Зато, как ярко!

Пили Мохіто, а очі — в очі...
Назовні спека, як у пустелі.
Над нами місто, як потороча,
ковтає спеку отам на стелі.

Над нами вечір упав, як подих.
Слова лунають у прохолоді.
Людей в кав`ярні немає жодних,
зате Мохіто так у нагоді.

І кличе серпень, ковток останній.
І пахне м`ята — зелене диво.
Пили Мохіто, пливли в коханні.
Горнула ніч нас і незрадливо.

Для розлуки є зустріч. Розлуки пророчать дороги.
Я на східці вагону, рейки чіпко —
відточений блиск.
Я від сірості днів за Дніпровські втікаю пороги.
Я пускаюся в мандри в надії, що матиму зиск.

Поцілунки твої пелюстками шовковими ніжно,
як метелика крильця оксамитом торкнулися щік.
Тепла ніч проведжатиме потяг до Запоріжжя,
потім далі до моря — дві доби — а здається, навек.

Позад мене десь там лісостеп, він шепоче осіннє,
де завзято гаптує майже жовтень багряні вогні.
Я туди, я туди, де так міниться чайкою синє.
Я не встигла сказати, пробач, слова головні.

Синий троллейбус.
Я сижу справа.
Город мой — ребус.
Улица — главная.
Лица прохожих
Двигутся плавно.
Разно-похожи!
Воздух — отрава...
Красно-желты
Светофоров старания.
И зашёл ты
Вне расписания...
Я сижу справа.
Мне на колени
Спел Окуджава
Веткой сирени.

ЛАСТІВКА

До тебе не достукатися знову.
Твої думки, мої слова — даремно!
Мій монолог — на двох одна розмова.
А мій політ, мов стріли в небо темне.
Тебе не розумію — безталанна.
Де папороті цвіт? Чи ми вже інші?
Але, послухай, най оця омана
Розтане, як роса на моїм вірші.
Відкрешують вогнями блискавиці,
Та лину я до хмар несамовитих.
Не журавель для тебе, не синиця...
Я ластівка, якій не розлюбити.

Татьяна ПРУС

Сумы

ПІР'ІНКА

Пір'інкою впаду на край душі
І розіллюся теплим водоспадом,
Та тільки от чомусь ідуть дощі,
Між мною і тобою. Й біля саду.

В саду отім зустріла я тебе,
А ти дививсь на мене — тільки й досі
Між нами сніг пухнастий все мете,
Хоч косарі траву солодку косять.

Пір'інкою впаду не силоміць,
Я ніжністю впаду, там де кохання...
У серденьку пала, болить, дзвенить,
Як перший раз, а ніби то востанне.

ДІВОЧІ СНИ

Куди пливають дівочі сни,
В які річки вони впадають,
Які звучать про них пісні,
Про що вони розповідають?

Розповідають про сніги,
Що синім птахом прилітають,
Як сплять під снігом береги
І як у повінь потрапляють.
Як повінь ніжної весни
Знов розіллється біля саду,
А там, народжуються сни —
Між літом, сонцем, водоспадом...
Дівочі сни, летять кудись,
Де ластівки на перехресті,
Будують щастя новий міст,
На нім кохання хай воскресне!

ПУСТЕЛЯ

Пустеля і тиша, і ніч навкруги...
Ми всі зараз інші, — а в день вороги, —
Горять щастям очі, палають, як жар,
З тобою кружляєм в ночі біля хмар.
В ночі ніжний подих даруєш мені,
А в день забуваєш про всі наші сни.
А в день, забуваєш про все, що було,
В ночі повертаєш, що в серці гуло,
Що в серці боліло, а в день не болить,
Вночі що тремтіло, та вже не тремтить.
І знову пустеля, і скрізь бродить ніч,
І ми такі різні, і в цьому вся річ.

ЦВІТ ВИШНІ

Я у цій боротьбі
Загубила себе,
Та летіла кудись
Поміж гір з диким жахом,
Та все мчала туди,
Де сніг білий мете,
Ти залишив мене,
Під старим отим дахом —
Там скінчилося все,
Без жалю й гіркоти,
Та поділись кудись
Поцілунки колишні,
Там летіли з небес
Новіжені дрони,
Все згоріло за мить,
Де цвіла наша вишня.

ПТАШИНОВИЙ СПІВ

Заблукала у темряві снів,
Заблукала у темряві долі,
Але чула пташиновий спів —
Він лунав і лунав мимо волі,

Мимо волі дівочих зітхань,
Мимо слів у цю пору весняну.
Спів злітав з потаємних зізнань,
На усмішку мою полум'яну...

МЕТЕЛИК

Я метеликом сяду на груди,
Поцілунком злечу просто так,
Тільки вже у вікно стука грудень
Та малює на склі дивний знак.
Він малює на склі білі маки,
Він малює новий, дивний день.
А сніги мають звичку зникати
Та летіти собі кудись ген.
Я метеликом сяду в долоню,
У долоню твою запашну,
І засну у коханім полоні
Та чекатиму ніжну весну.

КІМАНО

Весна одіне кімано яскраве,
А я у казку ніби попаду,
Та побіжу, де пахнуть смачно трави,
На них долоні тихо покладу,
Та доторкнуся до землі щокую,
Та полечу кудись за небокрай,
Перед усім напевно я не встою,
Бо знаю точно — це моє і край!

КУРДЕЛИЦЯ ЧАСІВ

А сніг летів усе кудись,
Де ми були колишнім літом,
Летів між крапельками сліз,
Та був жаданим на всім світі.
А ми в курделиці часів
Заплутались, і ця безвихідь
Бентежить нас, а низка снів
Кружляє, як зимовий вихорь.
А сніг летить, і тане знов
В нім десь проміння заховалосьь.
Від первістка юнацьких змов
Нажаль, нічого не зосталось.

ДИКУНКА НІЧКА

Хай він згорить, як я колись...
Як від кохання вся тремтіла,
Коли кружляв останній лист,
А моє тіло, наче тліло.
Жила тоді, і не жила,
І мав мене він за дрібничку,
Та просвистіло край чола

Шалений постріл біля дички,
А я летіла, наче птах,
Та крила ніжні простягала,
Та от на превеликий жах
Вже для милого не співала.
Горіло в полум'ї усе,
Та падало в холодну річку —
Вона мене кудись несе,
Де спить собі дикунка нічка.

ОСТАНОК

Кохала тебе,
Та мабуть не кохала,
Чому ж тільки серце
У ніч цю зітхало,
Чому ж воно сльози
Всі нишком ховало,
Чому ж воно Бога
Благало, благало,
А сум та нестерпність
В долоні збірало.
А хтось вже не слухав
До самого ранку,
А хтось ніч-коханку
Кружляв в чужім танку...
Хоч я всю себе
Віддала до останку.

Виталий СИМОНОВСКИЙ

Сумы

ФЕВРАЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

Вдруг всё просветлело сразу,
день лёгок стал и летуч:
февральское солнце алмазом
сверкнуло из сереньких туч.

Прорехи ясны в небесах.
И добр, и не колетя минус.
Уже притаилась весна
вон там, где Земля закруглилась.

Писать стихи... Какая страсть
лопатить подсознания бисер!
Найдётся слово, ляжет в масть,
и рифмой озарится смысл.

И кружево нетленных строк
печаль вселенскую подсушит.
Ведь каждый человек, по сути,
необычайно одинок.

ТАКАЯ МАЛОСТЬ

Ноябрь. Куда там до весны.
С утра уныло моросило...
Надеть бы красные штаны
и стать красивым!

Предзимний мир довольно сер.
Но посмотрите в магазине:
здесь бисер пурпурный и синий
как атрибут нездешних сфер.

И среди толпы текущих дел
нужна всего такая малость:
в тумане чтобы розовел
забытый парус.

Какой таинственный декабрь!
Он тёмный, тёмный.
Как в ночь осеннюю ДК —
дворец районный.

Заплёл беспутный декабрёк
мираж былого
и ожидания намёк
чего-то снова...

Аккордом хлынула теплынь —
последним
перед холодами.
Чуток, и молодые дамы
натянут джинсовую синь.

На клумбах поздние цветы
так ностальгически сверкают,
как белая Белалакая
на фоне синей пустоты.

О, чудный осени вертеп
в мельканье многоцветной моды...
И я, как Пушкин, снова молод
и чувствую во чреслах крепь.

ЗАКОНЫ И ПРИНЦИПЫ МЕХАНИКИ (иронические стихи)

Первый закон Ньютона

Закон ещё и до Ньютона
известен этот был давно:
пока мы оно не тронем,
лежит спокойное оно.

Второй закон Ньютона

Закон
инертности и лени
всегда суровый даст урок:
лишь тот достоин ускоренья,
кто крепкий получил пинок!

Третий закон Ньютона

На сатисфакцию осмелюсь,
Кулак заехал точно в Челюсть.
Но Челюсть та была крепка...
и проучила Кулака!

Невесомость

Коль оборвался лифт, то в нём ты
паришь, как истый космонавт.
Но наслаждения моменты,
увы, мгновенно пролетят.

Принцип наименьшего действия Гамильтона-Остроградского

Для понимания он труден,
но есть аналог в жизни сей:
чем меньше женщину мы любим,
тем мы увереннее в ней.

Метод скорейшего спуска

Им эффективно исключительно
экстремум вычислять локальный.
Но применять его сомнительно
в интимной сфере сексуальной.

Справка: Метод скорейшего спуска (в некоторых литературных источниках — метод наискорейшего спуска) — метод численного нахождения экстремума функции нескольких переменных. Используется при решении задач оптимизации, управления, идентификации).

Алёна СМИРНОВА

Сумы

А за дверью темно и сыро,
А в душе поселилась осень,
Как назло я сегодня простыла,
Да и камень в окно кто-то бросил!

Молчанье омота в моей блестящей чашке...
А иногда так хочется взорваться!

Мы с душою одно, а как будто бы нет,
Я простыла — она лишь до нитки промокла...
И опять у камина укутаюсь в плед
Наблюдая за солнцем в закрытые окна.

Люблю мой творческий бардак,
И груды пожелтевших фото.
Хочу быть правильной — никак!
Хочу быть точной — только кто-то

Установил законы тут
И не даёт мне стать серьёзной.
Не я иду, меня ведут!
И задавать вопросы поздно...

Дождь хулиганит за окнами,
И барабанит в стекло.
Всё это творчество мокрое
Мыслей сумбур принесло.

Сесть у окна и задуматься,
Мы ведь кому-то нужны?
Небо седое вновь хмурится —
Нет ли здесь чьей-то вины?

Моё время спешит, а не ждёт!
В голове вновь торнадо из мыслей
День и ночь отдохнуть не даёт,
А я думала, в жизни нет смысла...

Не бывает обычных людей,
А у каждого есть свои странности.
Не бывает стандартных идей,
Зато каждой присущи крайности...

Не бывает бессмысленных слов,
Скрылись смыслы за дымкою пьяною.
Жизнь не только одна любовь,
Всё сложнее и окутано тайною.

Татьяна СТАРЦЕВА

Сумы

ЩАСТЯ

В небо кольору фіалок дивляться мої щасливі очі.
В мої очі — карі чи зелені —

зазирає погляд твій веселий

Погляд, зронений, змахнув крилом пророчим.

І мені на думку сів — пісенно!

НАСКРІЗЬ

Пройшла любов.

Вітер — тихий завжди —

Схаменувся скаженим поривом.

Закрутилась Земля

Світом дивних речей

Там, де часу душа не знайшла.

І здавалося знов,

Бігом стрімким в життя

Ти несешся з шаленим відривом,

Куди сяє зоря,

Куди погляд злетів...

То любов, певно, наскрізь пройшла.

Прихований під шармом слів,

як правда чи твоя любов...

Заквітчаний віршами снів,

мов ночі смак терпких розмов...

Незнайдений серед небес

у сонний час німих пісень,

згорів в очах, та знов воскрес

нового завтра дотик — день!

Розтанув сутінковий дим

тремтливим подихом зірок.

Відчуй — як вічно молодим

життя за кроком робить крок!

У дотику коханих рук

пульсує щастя — відпусти

до нього серця свого стук!

Радій життю: воно це ти!

Ти хотіла зірватись вночі —

Хай весь світ прокидається...

Не терпи, прожени, прокричи,

Коли сумнів вкрадається!

І в долонях його самоти,

Де лиш вітер прощається,

Не шукай більше тої мети,

Що у серці плекається.

Не тамуй неспокійні вірші

У кайдани належності,

Зазирни повз страхи у душі

На щасливі безмежності.

І думками у ніч відпусти,

Що на серце звалилося...

Ти хотіла сьогодні піти...

Так хотіла! ...Ї лишилася.

Тепер ти знаєш, усе ти знаєш...
 Бігає погляд, чіпляє на стіни
 Твої тривоги... та знов читаєш
 Листи далекі, листи застигли.

...Занадто вільно, як завжди — шкода,
 Простори сірі кімнат широких,
 Забуті звички, закрита мода,
 Незрозумілість думок глибоких...

Напевно, вже не треба правих?
 Ще зазираєш мені у душу?
 Самотність раз відкрила правду...
 Не хочеш знати більше? — Мусиш.

НЕЗНАЙОМІ

Я малюю вечір у думках
 І танцюю у його полоні.
 Широко розкриються долоні,
 Наче крила, але... я не птах!

Ти не ввімкнеш світло у вікні.
 Знову сядеш край стола чекати
 Ту, яка ще учиться літати
 Швидко, легко, тільки... уві сні!

І не гріють нас стежки відомі
 У містах Самотньо і Далеко
 Наодинці нам таки нелегко.
 Ну а разом? ...Ми ще не знайомі!

ОСТАННЯ ІЛЮЗІЯ

Дош лоскоче сонні відчуття,
 тишу прорізає дивним стуком.
 Ти, здалось, тримаєш мою руку
 і щось кажеш в стилі каяття...

Знов кругом вирує не життя,
 а чужі змальовані етюди...
 Ними замінив ти все і всюди,
 зрештою згубивши почуття.

І холонуть пальці — від дощу,
 і сумує серце — то від тебе!
 Засвітилось Сонцем мокре небо...
 Ось тепер тебе я відпущу!

Світло ллється через вікна
 В місті, пустому місті...
 Наче звикла, майже звикла...
 Ніч... електронні вісті.

Гріють плечі теплі светри:
 Зимно буває влітку.
 Букви тільки через метри
 В гості заходять зрідка.

Бачать стіни мої очі...
 В них заховались тіні.
 Темно, вільно серед ночі
 З ними чекання плине.

Шелест листя, вітер, шепіт...
 Вікна вночі зникають...
 Ллється світло тільки там, де
 Довго на когось чекають.

Малювати долю фарбою стійкою...
 Не змивається й стрімкою рікою:
 Вживається!

Відчувати крила, коли їх ламають...
 Прикрісно... Коли друзі зі своєї зграї
 Викреслять!

Цілувати небо подихом останнім...
 Досита... Коли доля одна пізньо-рання
 Прожита!

Ми втрачаємо все, коли в пошуці вічним...
 Бродимо.
 Ми втрачаємо все, коли інше собі
 Знаходимо!

СОННЕ

Вітер за вікном листя обриває
 у передчутті дощу.
 Місто. Жовтий час шелестом лякає
 мрію.

Знову теплий сон серце роздягає,
 думає: його впущу.
 Тінь твоя мої руки огортає
 гріє!

Сіре полотно барви проявляє:
 ніч знімає темний плащ із себе.
 Птахом із півми новий день злітає
 Осінню і краплями у небо...

РАНКОВЕ

Музика... без слів,
Тихо, по краплині...
Погляд наливає
Відчуттям себе...

Ми прийшли зі снів,
Вільні і щасливі...
Світло розчиняє
Небо голубе...

Чуєш, серця стук
Відбива надії?
За вікном трава
Радісно тремтить...

Дотик ніжних рук
Оживляє вії...
Музика луна —
Ранок нам дзвенить...

СНЕГОПАД

Как быстро падал снег,
Скрипящий белый снег!
И в сумерках цвели
На окнах льда узоры.
А кто-то раньше всех
Придумал этот снег...
Потом шаги брели
На снежные просторы...

Невидимой рукой,
Отчаянной такой,
Вскружил он небеса,
Ветрами управляя,
И снегопада вой
Нарушил наш покой,
Расправил на глазах
Свой пыл, не убавляя...

И сонные дома
Окутала зима
В серебряный наряд,
Искрящийся луною!
И кружит кутерьма,
Волнуется сама,
А снег идёт подряд,
И мы идём с тобою.

ВОСПОМИНАНИЕ

Белоснежное чистое поле закрою рукою,
Где под острым углом замечает снегами следы,
Где гуляют печалью прирученные и тобою
Моя серая тень и бессонница — рифмы плоды.

И подарит морозная ночка наутро узоры,
И растает зорёй предвечерняя грустная мысль,
Но так трудно забыть твои нежно-нелепые взоры:
Обжигают они и летят неразгаданно ввысь...

Вспоминаю тебя, любуюсь белеющей далью,
Там гуляет метель, обнимая снегами, кругом
Серебрится зима, закрывая мятежной вуалью
Нашей встречи следы,
что бессонницей станут потом...

Натянуты нити больших городов.
Холодным огнём сгорает устало
Звезда над прозрачным овалом прудов...
Картина жива! Ей города мало.

Окно. Занавеска. Знакомый портрет.
Мелодию тихо накапает кран.
Сидишь и любишься. Города нет.
Есть ты, тишина, эта ночь и стакан.

РАЗНОЦВЕТНЫМ МЕЛОМ...

Одна из моих иллюзий
неустанно стремится к небу,
растворяется тихим вздохом,
полусонным потоком душ...

Там гуляют босые музы,
шепчут ветру о тёплой неге,
собирают луну по крохам
в отраженьи прозрачных луж.

Шелестит одеянье ночи
свежевымытою листвою,
дышит время туманом белым,
разливается по часам...

Там легко и свободно, очень,
говорить и молчать с тобою...
рисовать разноцветным мелом
карту — звездам и счастье — нам!

Лариса ТРАВНИКОВА

Сумы

Жизнь изменилась навсегда,
И перепутан север с югом.
Грустит Полярная звезда:
«Невыносимо друг без друга».

Надо мной облаков белокрылые стаи
Закрывают собою ночной небосвод.
То куда-то летят, то мгновенно растаяв,
Мою душу зовут за собою в полет.
А вокруг тишина, только космоса шёпот.
И тревога в моей поселилась душе.
Слышу, слышу опять осуждающий ропот.
Слышу, слышу!.. Лечу... Улетела уже...

Когда-то, может, отгорюю...
Когда-то, точно, отгорю...
Хоть жизнь свою не повторю я,
Судьбу свою благодарю.
За все те встречи и не-встречи,
За радость встреч, не-встреч печаль.
За жизни уходящий вечер,
За все, что сердцу было жаль.

Хотел, чтоб стала я жестокой,
Забыла Пушкина и Блока,
Чтоб разбиралась в сопромате
И била в цель из автомата!
А мне дороже птичье пенье
И тишина уединенья,
И наши встречи невзначай,
Там, где Иван всего лишь чай.
А все же, что тебе дороже?
Неужто ненависть до дрожи,
Где все один решает шаг,
И ты уже не друг, а враг?..
А мне казалось, ты любил.
Но шаг один нас разделил...

Кричишь мне: «К берегу причаль!
Забудь обиды, боль измены!»
Но верх опять берет печаль —
Не верю в чудо перемены.

С утра в саду такая прелесть!
Нас ждут деревья и цветы.
И речка дарит бодрость, свежесть.
Мы с ней давно уже на «ты».
А небо нежно-голубое,
Летят бродяги-облака
И увлекают за собою —
Душа стремится к ним легка.
И мы вдыхаем запах пряный
На розовеющем лугу.
Кукушка нам твердит упрямо
Свое бессмертное «ку-ку».

Без лишних слов и без напутствий
Я вам дарю пейзаж осенний:
Немного нежности и грусти,
Осенних листьев вздох последний.

Небес холодная надменность,
Дежурная учтивость солнца.
Вдруг вспомнилась и неба леность,
И зайчик солнечный в оконце.

Так тяжелы прощанья с летом
И с осенью золотокудрой!
Как удержать «хвост пистолетом»
И зимним вечером и утром?

Глаза твои, как шторм на море,
Вдруг от обиды потемнели.
Какое вдруг случилось горе?
Опять сомненья одолели?
Наверно, просто показалось.
Коварна ревность и опасна.
Разлад... Разрыв... Какая жалость...
А начиналось все прекрасно!

ВОСПОМИНАНИЕ

По крыше капельки дождя
Вдруг застучали рьяно.
Сирени запах слышу я
И звуки фортепьяно.
Волнует музыка, маня
И запахом дурмана...
Сирени запах помню я
И звуки фортепьяно...

Закрыла небо пелена —
Пропали солнце и луна!
Пытаясь им чуть-чуть помочь —
Гоняли облака всю ночь!
Сияет солнце в облаках,
В восторге все.

Все: «Ах, да ах!»

Теперь любимеся, сидим.
Поверь: вот ночью был экстрим!

Казалось, руки чуть раскинъ,
И уплывешь ты в эту синь,
Где серебрятся облака,
Качают, нежат нас слегка.
И солнца призрачную нить
В небесной выси не забыть...
И грусть, и боль сердечных ран
Уносит пятый океан...

Море к берегу льнуло доверчиво,
Легкий ветер волной играл.
Солнце в море купалось застенчиво,
Разбиваясь на сотни зеркал.

И снова осень, колдовски маня,
Нам радость дарит и волнует душу.
А листья кленов, трепетно звеня,
Летят, летят... Их ветер кружит, кружит...

Из-под бровей вдруг взгляд суровый.
Не знаешь, чем же он грозит:
Иль улыбнется бирюзово,
Иль, как мальчишка, надерзит?
Так небо иногда весною
Грозой побалуует слегка,
Вновь изумляя синевою
Сквозь грозовые облака.

Суровой нежности полна
Пришла к нам осень.
А лета теплая волна
Не греет очень.
Но светлой грусти полон сад,
Молчат деревья,
Швыряя листья наугад,
Как ожерелья...

С моря — шепотом — легкий бриз
За беспечной струится волною.
Растворился ночной каприз
И с туманной исчез пеленою.
Пахнет солью морской волна,
Что-то шепчет, лаская берег.
Ах волна, ты красива, нежна,
Только берег тебе не верит.
С моря — шепотом — легкий бриз,
И волны так движенье зыбко.
И звучал Паганини «Каприс»...
Страстно пела влюбленная скрипка.

Александр ТРИ

Сумы

Тоска и скука — вдохновенья нет!
Шутить — не к месту, плакать — нет жилетки...
Обрыдло всё: вино, дым сигарет...
Не манит даже свет в окне соседки!

А, может, новости? Заглянем в Интернет:
Иран... Буря засыпал пол-Европы...
Пойду посплю, устал от войн и бед.
Сейчас, друзья, мне это всё до ...

Мы в поисках ответа и тогда,
Когда не существует он в природе.
Но выпивка, беседа и еда
Нас утешают, а Мечта заводит!

Бежим, расталкивая многих,
Таких как мы, несчастных и убогих!
Встречаем, но не замечаем счастья,
И лишь в несчастьях счастливы отчасти...

Когда отвергнутый падешь,
духовности лишенный кожи,
под Диалектики галдеж,
Метафизические Рожи

раздвинув грязные уста
тебя добьют плевком забвенья...
Навеки плоть уснет, устав —
души лишившись во мгновенье!

Похоже этот странный мир
Летит в тартарары,
А с ним и ваш, и мой кумир,
Лишь жаль, что до поры...

Что ж остаётся пожелать
Тебе — на злобу дня —
Люби жену, детей и мать,
И чуточку меня.

МАЙСКАЯ БОЛЬ

Горстка старых, седых,
В пиджачках из «Мосторга»,
Глуховатых, слепых,
Вряд ли верящих в Бога,
В орденах неуместных
В неродной Палестине,
Но по-прежнему честных,
И не ставших святыми!

Не преклонит колен
Правнук неблагодарный —
Всё, мол, в прошлом, всё тлен,
Хоть и путь был прощальный.

Друг, а мы помянем —
Опалённых эпохой!
Выпьем, снова нальём,
«День Победы» споём,
Нам ведь точно не пофиг!

Из тысяч существующих занятий
Познал я уйму, даже земледелье!
И что?

В итоге должен был признать я —
Нет лучше откровенного безделья!

Что мне делать, коль с утра
Есть дрожание нутра?
Водку пить?

Да вроде рано —
Утверждают доктора!

Жиреет мозг, скисает вдохновенье,
Когда нормальное продуктами снабженье.
Чтоб стал поэт воистину народным —
Он должен быть хоть чуточку голодным!

Пусть недостатков у меня не счесть,
Ведь жизнь прожить — не поле перейти!
Но не пытайся ты меня спасти,
Люби меня таким, каков я есть.

Ты вошла в мою жизнь мартовским дождем,
Не успела укрыться нигде.
Ты упала в меня мелким камешком,
Не оставив кругов на воде.
Я с любовной игрой хорошо знаком,
А прогнать просто так — быть беде...
Уплыла та любовь желтым листиком,
Не оставив кругов на воде.

Маша ЧАЙКИНА

Сумы

УДУШИЕ

У души удушие.
 Душно.
 По душам разговоры —
 Под душу.
 Под подушку уши — Не слушать.
 Подушка душит,
 Лучше под душ — Раствориться воздушно.
 И вы, о, бездушные,
 Примите радушно!
 ... Ответ — равнодушие...

А у души
 Одна лишь отдушина —
 Душеспасение-душеудушие.

я обречён
 на надежду и ветер
 себя отпускаю
 гулять
 по равнинам
 запретного рая
 я обречён
 безвозвратно шагаю
 всё дальше и дальше
 до рая

упругие бёдра
 домов
 раздвигая
 нагая
 луна
 на столбе
 прожектор кривляет
 внимаю
 всё ближе
 всё ближе
 всё ближе
 до рая

плетёная сумка неба
 порвалась
 и рыжие апельсины
 по лужам
 и тусклые солнца
 в глаза
 случайным прохожим

Одиночество
бутоном свечи на ветру
замереть хочется
или птицы
трепещущим сердцем
в пространстве закрытом
разбиться

в чёрном куполе неба
ровно по центру
сияет луна
как окошко в другой
неопознанный мир
сновидений
она светом лилейным
заполнила
залитый сумраком зал
собора
под названием мир
в обрамленьи деревьев
лица пьяниц
как будто иконы
в ореолах ночных фонарей
а я здесь всего прихожанин
тихо свечку зажгу
и уйду

ВОКЗАЛЬНАЯ ЛИРИКА И ПРОЗА

Вокзальной лирики нет
Лишь вокзальная проза
мужик на полке храпит как кларнет
в руках дилетанта
прошу, отойдите, пожалуйста, встаньте,
Дайте билет
Село проезжаем — запахло навозом
а мне всё мерещились розы...
ветров, фонарей пролетающих станций
колёса поют свои стансы
и к рельсам жмутся любовно.
«курить бля нельзя, спиртное пить тоже»
(цитата дословно)
изрёк её пассажир с багровою рожей.
по вагону плетётся старуха:
«Пассажиры! игрушки,
сливы, яблочки, грушки,
Вареники с сыром, вареники с вишней»
но вот она вышла-
дверь хлопнула глухо...

... а поезд летит, а поезд летит
в это вечное где-то, куда-то
и уносит всех нас
Кого-то на миг, а кого-то совсем без возврата
Вот и день промелькнул и погас,
вдоль дорог — фонари в белом свете невест
только мысли ползут и ползут на Парнас
Ну а поезд летит и летит и летит...

... А всё же
Лишь вокзальная лирика есть
Прозы же быть не может!

КОЛОКОЛ

пластмассовым яблоком
спит манекен
на ветках оконной рамы
эхо далёкого храма
всё бродит вокруг да около
ко ло кол ко ло кол
ко
ло
кол
колокол

Я буду тебе невестою
Невесть откуда явившейся
Пропавшей
без вести,
Сбежавшей из мира
Где нет измерений,
Смертельных намерений
Нет.

Я буду тебе страницей,
Иль странницей, если захочешь,
Но странною, это точно.
Точкою, знаком — крупницей
Страны многоточий.
Если захочешь

Зыбкой ночью в начале марта
Холодно. Даже
Луна сутулится.
То ли от ветра, то ли под тяже-
стью Космоса.
Зыбкой ночью в начале марта
Тихо. Даже Луна не подаст голоса,
С обречённостью арестанта
Шагом меряет улицу.

Зыбкой ночью в начале марта
 Всё немного раздето-раззутое.
 Сонно. Луна фонарём любит,ся,
 С отражением собственным путая.

Не спалось. Лоснились мысли
 Еле слышно лунный шелест
 Колосился-колосился
 Таял слёзной канителью
 Лёд чернильно-полуночный

И в прогалинах-глубинах
 Голос в логос заплетался
 Но не лгал не голословил
 Слово молвил-слово молвил
 Домогильно, доселенно,
 Дослучайно, донетленно,
 Добытийно, домысленно

У тех кто блуждает вночи
 словно сорный цветок лиловый
 окутанных дымом что
 даже мечты благовонней
 зрачки прорастают сквозь ночь
 сквозь дома перекрёстки
 и неподвижную звёздную сферу
 где-то там расцветая
 мифическим садом
 который рискуя быть вырванным с корнем
 от каждого шороха гнётся
 как те что блуждают вночи
 от алкоголя
 но буря откуда-то из занебесья
 пока долетит до земли
 становится тихим ветром
 несущим дрожанье свечей
 с другого берега моря
 чтоб руки согреть заплутавшим вночи
 и так до утра до заката очей
 под похмельное веко восхода

Поэт закрывает глаза и выходит из соммы
 За скобки выносит невыносимое
 вечнопредельное вечноискомое
 поэт закрывает глаза и видит на карте
 теней от предметов потусторонних
 всё то что не впишешь в систему декарта

поэт открывает глаза выйдя из соммы
 он снайперски точно
 вонзается в точку
 сцепления звеньев
 коро-/реинкар- наций словесной цепочки

Росами плакали
 звёздами звякали
 ветром шумели
 пили ели
 тили-тили
 ели пили
 и сосны стояли глядя
 на мыслей их тёмные глади
 рябящие хляби
 ветер их гладил
 волосы с травами спутывал
 ветер проник в них
 ветер шумел в них
 как весною родник
 словно стих
 в переулках пустых
 дымкой белёсой под небом
 сахарным вкусом под нёбом
 тающим словно таящим
 терпкий секрет своей кристалличности
 тайну течения лично-безличности
 в город где Некто стоит себя пригвоздив
 к точке сужения перспектив

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество —
 одна свеча в ночи
 одна тень в ясный день

одиночество
 моё имя и отчество
 и тюрьма и отечество
 одиночество
 моё жречество
 одиночество
 иже еси
 молиться тебе нет сил
 одиночество
 нежеланный кумир
 одиночество
 мир
 одиночество
 Одина глаз
 что направлен на нас
 одиночество
 ода нулю
 до него и себя округлю
 одиночество
 ствол бытия
 плоть и кровь твоя и моя

Елена ЧЕРНЕНКО

Сумы

КИТОВОЕ ПРОШЛОЕ

Как можно тебе не верить,
Ведь так зелены глаза?
Мы выбросились на берег
Две тысячи лет назад
В шершавой китовой шкуре
Отлива солёной мглы.
Седьмого, в четверг, в июле
Мы телом в песок легли.
И мы отделили сушу
От памяти всех морей.
Ты думал, что я-то струшу,
А я за тобой — скорей!
Мы были, как два безумца,
Не знавшие наперёд,
Что нам не дано вернуться,
Что море нас не возьмёт.
И что-то в нас человечье,
Неясное, как туман,
Заставит платить — да нечем!
А моря я не отдам!
И тянет вода стальная
За хвост и за плавники.
Но будем лежать, не зная,
Как мы теперь далеки,

Что утром, не вспомнив берег,
Мы вынырнем в городах...
И сложно лишь мне поверить,
Что живы мы навсегда.

АНГЕЛЫ

Если вы открывали днём свои окна,
Значит, в дом залетели ангелы дня.
Их небесные крылья от ливней промокли,
И все ваши молитвы для них западня.
Все прошения и плачи, хвалу или прочее
Вы бросаете им, будто хлеб голубям.
Открывайте, прошу, ваши форточки ночью
И молчите,
молчите,
молчите, любя...

ЛЕСНОЕ (ЛЕТНЕЕ)

Тут небо робеет. Тут сосны гуляют,
Гуляют, подходят и ждут.
И хочется мне, чтоб река голубая
Была, по возможности, тут.
Забраться ли в гущу? Боюсь, охладею,
И выбраться будет трудней.
Не очень-то хочется в руки злодею
Попасться на несколько дней.
Но лёгкая птица звала и смеялась:
«Иди и не бойся утрат».
И с каждым чириканьем злая усталость
Назад уходила, назад.
А сосны всё ниже глаза опускали,
Их руки касались волос.
Меня бы, наверно, уже не искали,
Со мною решился вопрос...
И стало мне легче дышать кислородом,
Когда зазвенела листва, —
То ветер будил молодую природу,
Что сонною стала едва.
Настойчивый шёпот нарушил затишье:
«За облаком двигайся вслед».
И я посмотрела: то облако выше
Меня на четырнадцать лет.
Уж лучше стоять, пьяный воздух глотая.
За мною уже не придут.
Но всё же хочу, чтоб река голубая
Была, по возможности, тут.

ЛЕСНОЕ (ЗИМНЕЕ)

Вокруг посмотреть — и застыть от чудес,
И кушать мороз, как приятную пищу...
Возможно, не каждый находит, кто ищет,
Дороги ведут не к престолу, а в лес.
Но я и в лесу ощущаю подвох,
Как будто лесник перепутал все тропы.
Не страшно разуться и голые стопы
На снег опустить, не почувствовав ног.
И будто во мне только сердце живёт,
Я сердцем иду в эту мёрзлую гущу.
Я знаю, деревьям болтать не присуще,
И птица зимою гнезда не совьёт.
Но я вдохновляюсь идти на призыв, —
То ветки трещат или духи колдуют? —
Ступаю отважно, ступаю вслепую,
Свой шаг предыдущий навеки забыв.
И больше не страшен трескучий мороз,
Рука не дрожит, обнимая другую.
Возможно, когда-то здесь перезимую,
Но только когда — это сложный вопрос.
Люблю этот день, прихватившийся льдом,
И воздух набрать, чтобы в лес окунуться,
И так каждый раз, чтоб уйти — не вернуться,
И весело вспомнить об этом потом.

Из всего, написанного Богом,
Ты — самое загадочное слово,
Ты будто иероглиф из былого:
В тебе всего так густо и так много.
Из всего, прожитого не в сроки,
Я буду помнить только эту встречу,
Когда нам на земле казалось легче...
Когда Господь шептал на ухо строки...

АБСУРД

Когда бы и где ни жила я,
Мне кажется, надо не так.
И смерти совсем не желая,
Я жизнь продаю за пятак.
Себя безизменно прощая,
Иду и на казнь и на суд.
Такая уж шутка большая:
Абсурдным даётся абсурд.

Жду тебя и весны. Мои руки горят,
Будто я обожглась об распаренный чайник.
Посмотри на меня две минуты подряд,
Да внимательно, слышишь, разрывно, печально...

Ты не чувствуешь этого? Боль — кипятилок,
Только мысли способны удерживать холод.
Я так низко сижу, как травинки росток,
Дух истерзан, измучен, затоптан, расколот...
Ты спасаешь меня? В самом деле, готов?
Я непрочно держусь, как приклеенный бантик.
Я гоняю с порога и с крыши котов,
Я люблю всё на свете с приставкою «анти».
Толи дождь, толи снег — мне понять не дано.
Я открыла глаза и увидела чудо:
Ты такой вездесущий! Скажи, как давно
Ты уходишь сюда и приходишь отсюда?

В такую рань не слышно голосов,
Безумный лишь проснётся — и не дышит.
Так страшно жить! И двери — на засов,
А где-то там лунатик ждёт на крыше...
А я не жду. Мне будет 22.
Какие одинаковые цифры!
Как одинаково беснуется листва,
И тот же снег — не белый и не рыхлый.
Похоже всё на прошлый долгий год.
Но это утро! — Боже, где начало?
Меня, наверно, кто-то где-то ждёт,
А я не жду... Всё в мире отмечтала...

СВЕТ

Я люблю преломление света
На сетчатке усталых глаз.
Кто ушёл, кто сбежал от нас,
Тот был прав, что решился на это.
Здесь, вблизи, оставаться опасно.
Здесь — огонь, чуть дальше — бензин,
За водой иду в магазин, —
В трубах — только зелёная краска.
И мигает последняя сотка,
Если сгинет и этот шанс,
Если он убежит от нас,
Остаётся лишь горькая водка.
Не покинь меня, вещее лето,
Уводи — поволокой — вдаль,
Чтобы там, отдавая дань,
Не отдать протеины СВЕТА.
Я хочу их носить в сердцевине.
В эпицентре своей души.
Чтобы просто любить и жить.
Чтобы просто смотреть и видеть...

А я хочу спасти твои глаза
 От взглядов на простую некрасивость,
 Лишь потому я жалюсь, как оса,
 Лишь потому я в дом твой напросилась.
 Так я найду? Я стану посреди,
 Под люстрой, потолком, под небом стану.
 С ума свести? А в сердце: «Да, сведи!».
 Не в трезвости ль ума таятся раны?
 Откину шаль на будничные диван,
 Но как откинуть мысли и заботы?
 Я их люблю. Их некуда девать.
 Мы с ними вместе плаваем за бортом.
 И я сейчас — не я, а снежный ком:
 Мне в тёплый дом нельзя, ведь я растаю.
 Меня сюда случайно... ветерком,
 Я так... над «и» чего-то там расставить...
 Зачем такой бессмысленный визит?
 Зачем хотелось вынудить на ревность?
 Быть может, я люблю, что здесь сквозит,
 Сквозняк люблю...тебя люблю, наверно.

Едва коснутся ветра шторы,
 Я вспомню то, что было надо,
 Ведь мы вчера встречались, чтобы
 Наладить мир, смириться с ладом.
 Но я скользила на асфальте,
 А ты на ровном часто падал...
 Все шторы в ветре — да поправьте!
 Я всем воспоминаньям рада.

Забывалось, что есть что-то Кроме.
 Может, Кроме и не было вовсе,
 Только Это, в блаженной истоме,
 Без ответов! — да что?! — без вопросов!
 Ни в кругу, ни в квадрате, ни в кубе,
 Где-то там, на окраине, возле...
 Можно в щёку, а можно и в губы,
 Легкомысленно или серьёзно.
 Одолжить, или так, в лотерею...
 Было б место, такое, как Это!
 Были б люди, а я отогрею,
 Были б люди! А то лишь кометы...
 Как ни как, а безумствовать надо!
 Ни дома, ни квартиры, ни хаты, —
 Только воздух, и то, без прохлады:
 Я боюсь, на всех лета не хватит.

Я забыла придумать причину,
 Почему задержусь до утра,
 Почему я в семью, как в пучину
 Не бросаюсь с победным «ура».
 Не разгадывай, муж! Я не ребус.
 Туфли, платье, печаль и кольцо...
 У меня положительный резус,
 И его отражает лицо.
 У меня в голове нет заботы,
 Кроме той, что я чья-то жена...
 Не звони! До утра на работе.
 С головой в неё погружена.
 Я забыла, что это не в первый,
 Может даже, не в тысячный раз.
 А на ужин — лишь хлеб и консервы, —
 Всё, что я приготовлю для нас.
 Нету времени... Бита посуда,
 Соль рассыпана. Это к чему?
 А за дверью, в подъезде — повсюду —
 Пересуды я слушать начну.
 Я забыла, что я не виновна.
 В эту ночь не была я ни с кем,
 Я ходила в созвездие Овна,
 Я гуляла по Млечной тоске...

МЫ

Растрепались у ветра волосы,
 Загорели у солнца руки,
 Проросли в наши души проросли, —
 Мы, наверное, чьи-то внуки...
 Притяну, как магнит, события,
 Пусть не дальние, те, а эти,
 Мы — как пальцы руки, сожители,
 Соискатели, чьи-то дети...
 Замыкаются здесь экваторы,
 И дрожит, как тропа, тревога.
 Мы — наследники и новаторы,
 И, наверное, люди Бога...

НАБЛЮДЕНИЕ

...стояли молча... сердце к сердцу...
 и в них текла не кровь, а слёзы.
 оскома... боль... удушье с перцем,
 а может, встреч угрозы-розы?
 ...любовенчанье... колоколье...
 под кожей жизнь поёт, как ветер.
 ...не разделяйте их, доколе
 над головами — надпланетье.
 ...разжались судьбы... сквозняками...
 утёрли слёзы... отвенчались...
 ...её любовь — его руками...
 ...его мечты — её молчаньем...

Люди — птицы, люди — звери,
И — не снятые с креста.
Сквозняком открылись двери,
Заходила пустота.
Пустота меняла лица,
Пол и возраст, рост и вес...
Дай, Господь, мне не влюбиться,
Ведь влюблённость — это бес.
Я сожгу свои бумаги,
Карту мира разорву.
Без единой капли влаги
Боль стекает по ковру.
Без единой лишней смерти
Жизнь жива и вхожа в дом.
Пригласите, но не верьте,
Пусть обманет, но потом...

КОНЕЦ ЛЕТА

Вопрос подождёт. Конкуренция мыслей.
Обрывок сознания на ветке повис.
И листья хрустальные тоже повисли,
Дрожат на ветру, не торопятся вниз.
И хрупкие листья предвидят, что скоро
Родство не удержит на дереве их.
В испуге сомкнётся разжаренный город,
Оставив на холоде бедных двоих.
И ночь ночевала собакою рядом,
Но утром, как солнце, ответ не взошёл.
И листья, прощаясь, кричали: — Не надо!
И ветер так ветрено пел в капюшон.

Ровный шов зигзагом шёл,
Шов кривой нашёл равнину.
Если будет хорошо,
Руки в стороны раскину.
Пусть дорога не легка,
Но легка моя судьбина,
А дрожащая рука
Вышивает кровь-рябину.
Ты берёшь и точишь боль,
Забиваешь гвозди в руки
И по кругу... Круг, как ноль,
Полнолуния злые звуки...
Мы сидим напротив зла,
Прогоняем нечисть взглядом.
Вот затмилась, отползла...
— Нам не жить с тобою рядом!
Дом — что крепость, нерв — что сталь.
Ты же знаешь: всё едино.
Не до века, так до ста
Мы продержим ровно спины!

Если всё это лишь пепел и дым,
Так от чего же обуглились пальцы?
Нет, не изволь умирать молодым,
И не изволь без причины смеяться.
Кем-то ж дано это небо во тьме,
И для чего-то над нами маячит.
Только подумай: а если во мне
Сущность тебя что-то всё-таки значит?
Хочется бегать и хочется петь!
Что же вам надобно, пьяные люди?
Стань над душой, неизбежная смерть,
Так будет легче решаться и думать.
Так будет проще в толпе прорасти,
Прыгнуть в экстазе над верхним пределом
И дотянуться таки до креста,
Будто случайно рукою задела...
Так хорошо в этом грустном раю
Сесть помянуть или вспомнить с отрадой,
Вспомнить, что я уже год не пою,
Будто душе это вовсе не надо...
Нет, не сюда я хотела прийти,
С кем-то мечталось — да это не важно.
Хочется крикнуть без смысла: «Прости!»,
Только сгорает мой голос бумажный.

Відболіли весни, відхололи.
Музика зіп'ялася на ноги, —
То волають літні суходоли,
Прагнучи небесної вологи.
Геть далеко небо посивіло,—
Вимріялось лісу бути мокрим.
Від пожежі не рятують пилом
І не стелять скрізь піщаний покрив.
І земля з дощем ковтає спрагу,
Ще одна калюжа — і втопилася.
— Ми сухі! — кричать напротивагу
Мої дивні паперові крила.

Она их слушала годами,
Она во сне шептала их.
Соседи думали-гадали,
Что, может, он её жених?
Встречаясь в узком коридоре,
Все громко думали о ней,
Но в красном платье, как в позоре,
Она была ещё глупей.
Но всё прекрасней ныли ноты
В её бессмысленном раю.
Её спросил прохожий: «Кто ты?»,
Она сказала: «Я пою».

Евгения ЧЕРНЕЦКАЯ

Сумы

ОАЗИС СЧАСТЬЯ

Кто радость мне всегда приносит —
 Любовью нежно озарит,
 И к небесам стремглав возносит,
 За счастье благодарит?
 Когда я мир приемлю в целом,
 Игру вкушая бытия
 И наслаждаясь, в том и дело,
 Оазис счастья — это я!

ПАСХА

...душе в груди вдруг стало тесно!
 ...священнодействие икон!
 ...звучанье милости небесной!
 ...пасхальный колокольный звон!

КОМП

Душа чиста — всё портят мысли.
 Характер предсказуем, но ретив.
 Мечты, что по углам повисли,
 Мне шепчут: «Это — креатив!»
 Компьютер бедный зависает...
 Мозоль на стуле... Я сижу.
 Я — в комп, а он в меня врастает.
 Мой, мой — и глаз не отвожу.

Ассоциаций силуэты,
 И миражи воспоминаний,
 И жизнь, сверкнувшая кометой —
 Предрешены уже заранее.
 Мы все в душе — творцы, поэты.
 И в сердце зов вселенной слыша,
 Творений познаём секреты.
 Своя для каждого есть ниша.
 Судьба возьмёт — наложит вето!
 Орёл упал, взлетает решка...
 Ассоциаций силуэты...
 И де-жа-вю сверкнёт усмешкой.

ДЕТСКИЕ СТИХИ

ЛЯГУШОНОК

Лягушонок лапкой — дрыг.
 И на лист кувшинки — прыг.
 Он смешной, зелёнький —
 Нравится он Оленьке.
 Славный, полосатенький —
 Нравится он Катеньке.
 Друг на дружку посмотрели,
 Улыбнулись и запели...
 От мелодии прелестной
 Настроение чудесно.

ПОЗИТИВЧИКИ

БЫЧОК

Идёт бычок старается,
 Смеётся на ходу:
 — Жизнь только начинается,
 И я не упаду!

ЗАЙКА

Зайку не бросал никто.
 Зайку все любили.
 Сшили мы ему пальто,
 Шарфик подарили.
 Дали четверо сапог,
 Зонттик, чтобы не намок.
 Всех, в любое время года,
 Греет дружба и забота.

Мария ШИНКАРЕНКО

Сумы

Междутенье стула. Под подушкой — Белла.
 Ангелом уснула Мира Мирабела.
 Снятся ей саванны, львы из мармелада,
 Пустоши Ботсваны, кипарисный ладан.
 Пристальные луны льются в Окаванго.
 Гулко вдоль лагуны ходит африканка.
 Мира Мирабела, где теперь летаешь?
 Может, с каравеллой. Может, с дикой стаей.
 Может быть, с мистралем

над Прованской пущей.

Может, над Версалем. Может, там, где Пущин
 Головой склонился, светлой и тревожной.
 Может, вместе с Нильсом в Швеции таежной.
 Может, в тех залазах, где терялся Стэнли.
 В приисках алмазных. Или странах тенге.
 Мира Мирабела, ты проснешься новой
 От касанья тела веточкой ивовой.
 Ты напишешь сказки, ты найдешь ответы, —
 Словно на савраске вспенишь горчицеты.

Живет в замоскворецком переулке
 Ребенок радуги, застенчивый дебил.
 Хранит он в перламутровой шкатулке
 Кошачий ус и шлейфы от мобил.

Дебил! — кричат соседские парнишки
 И гонят гончими: — Проваливай, дебил!
 Весь грех его — в ничтожестве умишки.
 Вся жизнь его — как бой у Фермопил.
 Придавленное сердце под сермягой
 Не плачет — тупится — на то он и дебил.
 Однако же, паршивую дворнягу
 Он никогда по голове не бил.
 И никогда бесхитростной рукою
 Не метил в зубы пересмешнице-судьбе.
 Он правду знал. Невычурную. Кою
 На дне Арала не сыскать тебе.
 В один из дней Аврора зарыжееет.
 Зазолотится на пригорках девясил.
 Я знаю, он свернет пастушью шею,
 Спасая аиста — на то он и дебил.

На полустанках полуживо время:
 Теленочек гуляет на приколе.
 Брыластой ряшкой он целует поле
 И надевает солнышко на темя.
 Там кот увил собой кривую крышу.
 Там крынка со сметаной в летней кухне.
 Там есть звезда, которая не тухнет
 В кринице коренастой. Там я слышу
 Коленопреклоненную молитву
 Клеста в омандариненном оперье.
 Там в оперетке примой — суеверье,
 Утенок конвоирует калитку,
 И вещи там — как есть — без тени тени,
 Без загогулин длинные проселки,
 Там на руку садятся перепелки,
 И волхвований полон плен растений.
 Ах, кабы затеряться в полустанках,
 Остановиться, не найдя дороги,
 И ласковым касаньем недотроги
 Сорвать кувшинку с шаткой берестянки*...

*лодка

СТАРИКИ

Есть домик хромой в монохромном
 алькове ольхи.
 Там ходят туманы сквозь насквозь
 отверстую дверцу.
 Там люди живут, дорогие упорному сердцу,
 Которые вовсе мои не читают стихи.
 И им наплевать, что заходится в полночь душа,
 Как тот эпилептик, связуя согласные цугом.
 Они меня любят, как любит водицу ушат

Невольно от чего-то покраснеешь,
Как алые от крови дикари,
И бросишься Дидоной за Энеем
К зачем-то не распахнутой двери.

Оставив за собой недоуменье,
Похожее на скомканный листок,
Почувствуешь, очнувшись, на мгновенье
Насколько ты, дружище, одинок...

У тебя подрастает сын.
У меня подрастает печень.
Для тебя наступает синь.
Для меня наступает вечер.

Но ты знаешь, я счастлив тем,
Что мой вечер печально-лунный.
Когда Рим разоряли гунны,
Он терпел, абсолютно нем.

Я стерплю эту злую лунь,
Потому что себе на гибель
Полюбил я, как запах липы,
Золотую её латунь.

У тебя подрастает сын.
У меня подрастает печень.
Для тебя наступает синь.
Для меня наступает вечер.

Идёт человек с непростым на уме
По ранней пороше.
Он сердце своё уберечь не сумел
И стал нехорошим.

Но что ему сердце — он умер давно,
Его хоронили.
Хранителям света не все ли равно,
Кого обронили.

Он городу в окна-глазницы глядит —
Но тот безучастен.
Патрульный пропишет его в кондуит,
Зашеит в участок.

— Бродяга? — Бродягу куда-то влечёт,
А я — невлекомый.
Нет места на карте, где греет плечо,
И пахнет левкомом...

Идёт человек с непростым на уме,
Качаясь ивово,
Чужой для всех мыслимых здесь ойкумен
И слова живого.

Апрельским солнцем, рыжим автогеном,
Земля-младенец бережно согрета.
А я стою, как стены Карфагена,
У парапета.

Задолго до пророчества Катона*
Сама себя разрушила до срока.
Так гибнут троны. Крошку от батона
Нашла сорока.

Во мне так пусто, что играет эхо
За покерным ореховым столом. А
В душе распространяется прореха,
Как папиллома**.

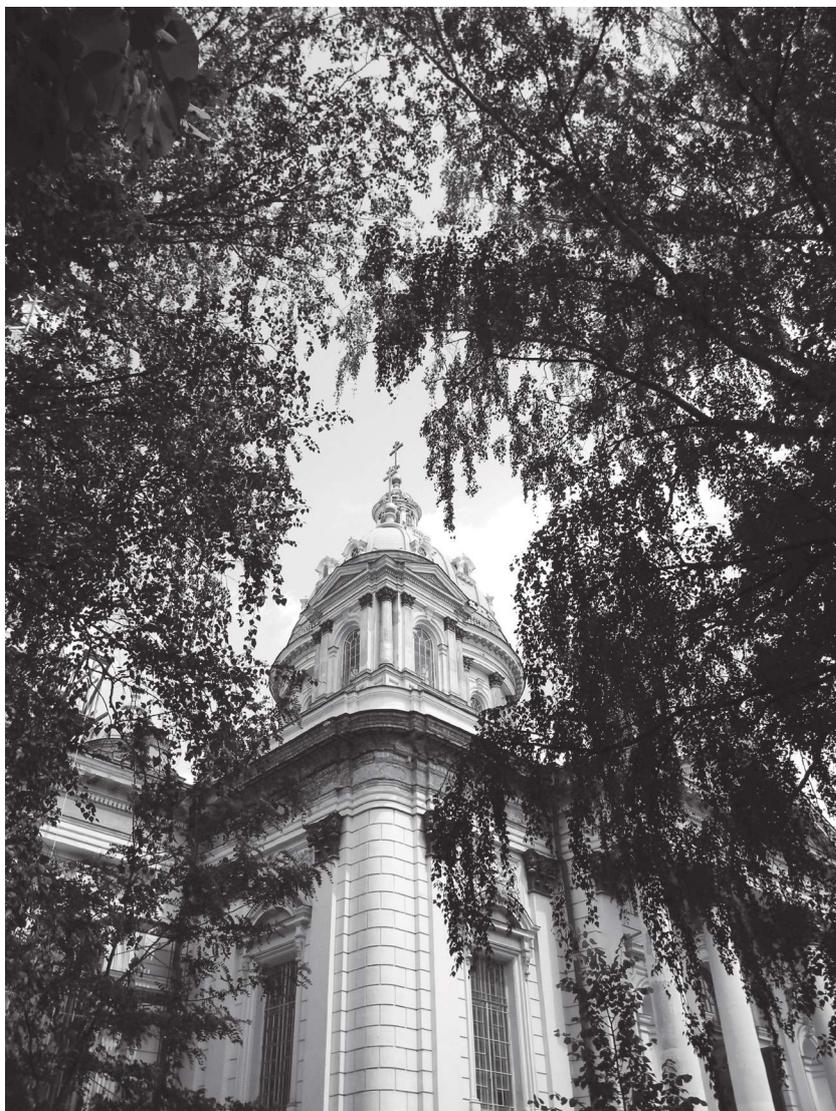
Мой Псёл шумит, как радиочастоты.
И затекают мысли, словно мышцы.
В волнах я слышу благодное: кто ты?
Куда стремишься?..

**Пророчество Катона — имеются в виду слова римского оратора Катона, каждое свое выступление в Сенате заканчивавшего словами: «Следовательно, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен».*

***класс опухоли*

ПОЭЗИЯ, рождённых в г.СУМЫ

Марина ГУРТОВАЯ

Сумы — Харьков

БЕЗОДНЯ ЛЮДСЬКОГО ШЛЯХУ

Здичавіле дворище, мов замальоване полотно у противоріччі знервованого митця, який задумав заховати таку собі таїну, котра відома тільки йому. Життя густими паростками заштриховує, ховає те минуле, яке колись жило в тих хатах, в тих місцях, де люди могли бути щасливими, або просто намагались жити по-своєму, виражати весь внутрішній з навколишнім світом через себе, через свою любов до того, що живе разом або поряд із тобою. Але в силу якихось невідворотних причин люди кидали свої насиджені місця, або просто відходили в інші світи, залишаючи на згадку про себе хати, двори, городи, садки на сиротливе- безнадійне життя без життя, де не буде більше господарського ока та такоїж господарської руки. Тому без нагляду і любові запускався швидкий і незворотній процес забуття та схову. Закон природи ховає від стороннього погляду те, що залишено без догляду та уваги. Це самий совістливий сторож, який вміє ховати і захороняти те, що мало б використовуватись за всілякими своїми доцільностями та сенсами. Природа замальовує, заштриховує куцями та бур'янами, гіллям та очеретом,

деревом і колючками все те, що людина зробила помилкою і так й не спромоглася її виправити. То ж пішла далі на нові місця, щоб будувати нове життя, будуючи з нового житла, з нової долі.

Але на порослих стежках завжди мліє безодня людського шляху...

За отавою — темний ліс. Лезо обрію зрізає вісь небесного шатра. Балакуче літо завтра стане жайворонком знову, і здійматиме пилію на дорозі дитвора. Перші пахощі покосів, жовтороті пташенята, важкуваті та пухнасті, тонізуючі джмелі, — все шукає насолоду. Барви роздають утіху. Річка зве здолати спрагу. Комарі, як злі комахи не дають позасинати ні старому, ні малому. Скрізь — возня і клопота. Тільки вітер у брилі грає тихо й обережно на сопліці — час від часу — про безмежний, дивний КРАЙ.

Із метафорами сплю і бачу бліки ліхтаря. Пісня здалеку собача льється навмання. Ніч надій примхливих тихо землю обняла. Тісно якось, сиротливо... сойчина брехня. Витіваю, в слова граю. Стережусь крапок, але вік, мов день минає, шкаралупа — «чпок»...

Мандрує дзига почуттів трояндою вітрів під металевий зойк світів, під шепіт димарів. Над страйком бубонять джмелі, бунтує травень скрізь. Та надто люди замалі утримати цю вісь.

День тривалий згас миттєво. Ніч ковтнула знов. Розплелась, бо ненадійно, скрашена любов. Розлетілись, розминулись щастя пелюстки. Святкували щось на небі, загасив зірки. На воді не вистачає сліду моїх вил. Господи, не відлучай же, дай останніх сил!

Замержена сном. Час — суцільна брехня. Капельох ексцентричний, мов каструля вверх дном. Легковажніше пташки, без всіляких проблем позбавляюсь назавжди кліток — систем. Відпрасую гарненько серця атлас червоний. Кепсько м'ятий і тьмянний, бо «напрасно влюблённый».

Гарно, як серпневе надвечір'я. Марно, як полатане ганчір'я. Дивно, як світ Божий на Землі. Сумно, як прощання журавлів.

Старе дерево крилате позіхає біля хати. Вітер грає, мов на дримбі, на гіллі густому. Дивно. Пісню, що лунає сумно й тихо чути з хати. Тож шкода було б тікати вітру з цього дому...

Геннадий КРЕЙМЕР

Сумы — Харьков — Ганновер

пройдут года, забудутся обиды,
настанет сон субботы от трудов,
натянет ветер струны проводов,
в окошке перелистывая виды.

поедем в Ардис: красная стрела
летит сквозь рощи, веси и эпохи;
иные — в свете солнечном — неплохи,
а если дождь — и Выра не мила,

где всякая усадебная малость
перемежалась в падубах дубрав
с мифологемой шалостей, забав,
и сторож станционный жал на жалость

так долго, что теперь тенёты юга
звончей и крепче, чем родная вьюга.

Герман ТИТОВ

Сумы — Харьков

Это запах дальнего детства
И пугливый пух тополей
Теснота миров по соседству
Фонари в офортах аллей

Это страх открытого света
Дар простуды — книг забытьё
Школьный плац пустующий летом
Кто припомнит имя твоё

Переезды — лица и двери
Бытия всеобщего круг
Сладковатый привкус потери
И речушки эллинский звук

Отчего подёрнута тиной
Глубина и спрятан навек
В морозильный шкаф Мнемозины
Праздной памяти тёмный снег

Это лист сорвавшийся в осень
Это Анненского звезда
Вестник Вечности — знак вопроса
Отражённых небес вода

ДЕТСТВО

Не страх подкравшейся ночи —
Игры неведомой план
Колонны труб водосточных
Вместивший небо каштан

Простор который обещан
Состава дальним гудком
Письмо таинственных трещин
Асфальта
горка с песком

Сирени тёмные ветки
Забор с истлевшим гвоздём
И — теннисные ракетки
Забытые под дождём

Смерти нет
Это очень близко
Старый парк над рекой и лес
Горизонт знакомый и низкий
И пузатой церковки крест

Заросли травой обрывы
Но все та же в лужах вода
И таятся в чашах крапивы
Муравьиные города

Льёт тепло лицейское лето
Как и прежде в этом краю
Когда тени мёртвых поэтов
Посещали келью мою

А судьба начнётся сначала —
До утра еще далеко
И слышны всё так же с вокзала
Переключки грузовиков
Лай бессонной чьей-то собаки

Здесь дразнили медленный быт
Бытия беспечные знаки
Знаки вечности может быть

Смерти нет — хотя б этой ночью
Так постой со мной на краю
Память детства — если ты хочешь
Я отдам свободу свою
Чтоб наутро не было больно

Растворюсь в сюжете канве
Будто в книге — если невольно
Подглядишь в последней главе

Памяти Л.А.Б

Небеса с наклонной крышей —
Облачные зеркала
Задыхается но дышит
На поверхности стола

Лужа солнечного света
Аллегория тепла
Звуки канувшего лета
Дальние колокола —

Над тарелками в буфете
С пылью вавилонских рек
На покинутой планете
Умирает человек

Облетевшие просторы
Разворачивают даль
Памятью подкрашен город
И его уже не жаль

Ночь прольётся в этот дворик
Первыми лучами тьмы
И уже не страшно горе
Подступающей зимы

Детский мир в осовевшем Союзе
Между сквериков и колоннад
Как спектакль провалившийся в ТЮЗе
Расскажи оглянувшись назад

О скульптурах в запущенном парке
Об узорах дождя и песка
Отыщи под сосною подарки
В пыльной вате найди облака

Вспомни смертную бледность собора
Над мозаикой веток и крыш
В школу стыльную ранние сборы
И вечернюю чуткую тишь

Тени ласточек

шорохи

скрипы

Приоткрытых балконных дверей
Где судьба изобильнее Скриба
И пассажей Дюкасса темней

Где походы с отцом до истока
Мелкой речки меж зелени ив
Сонных отмелей зной и осока
И вожди семибашенных Фив

ПОЭЗИЯ

Елена БУЕВИЧ

Черкассы

НЕТ СМЫСЛА ОПАСАТЬСЯ ВЕЧНОЙ ТЬМЫ

(околовоенные хроники)

2013-й

Обживая весь год больницы
(и тождественные места),
наблюдая, как из бойницы,
раж карающего хлыста,

постигая судьбу, как прогу,
залагавшую на все сто, —
всё равно твержу «слава Богу!»
вместо боязного «за что?»

Потому что легко и сладко
знать, что маялся не вотще,
и наградой грядет разгадка,
для чего это всё, вообще.

В КРЫМ

А я бы
поехала сейчас в Крым —
с удовольствием,
были бы деньги...

Хорошо сейчас жить в маленьком домике,
пусть с этой вечно бедной
крымской
обстановкой,
но —
ходить каждое утро к морю,
часами сидеть на гальке,
следить
как оно меняется...
Думать о Шмелёве,
вспоминать Цветаеву,
писать после обеда.

Вечером —
глядеть на легкие и острые
весенние звезды
и после засыпать
на краю земли
под грохот танков,
надеясь проснуться.

ЮГОСЛАВСКОЕ (САМЫЙ СТРАШНЫЙ МАРТ)

*«Когда приедешь в какой-либо город,
А в какой-либо город прибываешь обычно поздно,
Когда приедешь слишком поздно в какой-либо город,
И если он случайно окажется Валево...»*

(Матиа Бечкович)

Сыну было два с половиной
я сбежала от мужа
по ночам плакала
днем пряталась
по окрестным улицам
чтобы муж не нашел
но он все равно всегда
безошибочно выходил
на детские площадки
где играл сын
и опять начинался скандал

в тесной больничке
врач поставил меня на учёт
но время еще оставалось
надо было срочно
переставать рыдать по ночам
радоваться солнцу
марту, первой траве
пить лекарство
делать пару асан с утра
искать работу
жить дальше

однажды вечером
они все-таки вырвали меня
из личного ада

горела Югославия
Ельцин всё не отдавал приказ
квартира была похожа на клетку
по которой я металась
с маленьким Маугли на руках
я хотела быть там
но в моем распоряжении
были только выпуски новостей
и далекая Югославия
с которой в общем-то
было быстро покончено

но впереди была ещё
целая жизнь —
чтобы успеть выучить
этот мужественный и жесткий
красивый, как церковная азбука,
сербский язык
дойти до Воеводины
Хомоля и Шумадии
поцеловать гроб царя Лазаря
и унести с собой
мою небесную Сербию

чтобы вернуться
когда поезда поворачивают вспять
а на границе щелкают затворы
в пропахшем войной марте
пускай и слишком поздно
потому что в какой-либо город
всегда приезжаешь слишком поздно
особенно если этим городом
случайно
окажется
Валево...

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

В Черкассах снег.
В Донецке стреляют.
Рука даёт о себе знать,
значит, действие терапии
заканчивается,
и снова надо
в Харьков.

В Харькове — революция.
Ещё чуток,
и он отчалит,
подобно Крыму —
вместе с той единственной больницей
с портретом Ленина в холле,
где знают,
какие капельницы мне помогут...
Где в аптеках ещё есть
этот волшебный пенициллин G,
где живет единственный друг,
который возит мне лекарство
из Белгорода.

Благовещение.
Не прислушиваться к руке.
Смотреть на снежинки,
застревающие в абрикосовых
цветах.
Закрывать глаза и ждать
какую-нибудь благую весть.
Потому что Благую Весть
всегда ожидают
с закрытыми глазами...

В Дечанах снег, а в Краматорске — кровь.
Исход из ночи всем нам уготовь!

ИЗ РАДОВАНА КАРАДЖИЧА

(с сербского)

АД

Ты понимаешь,
Ад уже настал.

Вот церберы
по улицам бегут,
высматривая,
нежен ли наш взгляд?

Нет смысла опасаться смерти,
вечной тьмы:
что ожидало там —
уже произошло здесь...

Ад выступил
из темени, он явен:
кто хочет, тот увидит.
И церберы — рычат на наши мысли...

Не бойся, дорогая, постареть
и умереть.
Мы спрячемся в могилы,
будто в кокон!

Прекрасный выход —
озаряя тьму,
зафонтанируют оттуда
наши души,
сжигая дикий ад,
что наступил...

#ХЕШТЕГ

Оруэлл иль и-Гассет-Ортега
описали нынешний момент?
Время победившего хештега:
бремя, иго — всё теперь контент.

Только нет такого тега — «благо»,
не пометишь «лёгкость бытия»:
залила убийственная влага
земли, где могла бы быть и я,

укрывают родину не снега —
град огня и разрывной свинец...
Да поставьте ж, кто-нибудь, хештеги —
«заповедь», «Спасение», «Отец»!

О войне, о войне, о войне,
ничего, ничего о любви...
И во мрачном больничном фойе
и на площади, полной людьми,

и во сне, побеждающем страх,
и в раю, где плывёшь в глубине,
если стрелка на белых часах,
и лекарство по вене и вне....

А проснёшься зачем-то живой —
так безумствуют громче вдвойне,
над твоей не твоей головой,
и опять о войне, о войне...

Только ты — о любви, но вдали,
где ведёшь по воде корабли,
и спускаешься смело в забой,
но от слов не закроешь собой.

Зинаида ВАРЛЫГИНА

Кострома, Россия

Автору 27 лет, живёт и работает в Костроме.
Стихи пишет со школьного возраста.
В данной подборке представлены стихи
2013-2014 гг.

На грани влюблённости балансирую.
Но не хочу в эту реку опять.
Золотисто-осенняя, ранне-зимняя
Тоска начинает меня накрывать.

Я что-то придумала? Знаю, случается.
Я в чём-то ошиблась? Ошибка — не грех.
Но — главное что-то, что в жизни встречается,
Не пропустить, различить среди всех

Метелей апрельских, январских капелей,
Среди равнодушной и злой кутерьмы.
Я что-то придумала... Но, может, сумею
Понять эту грань между «я», «ты» и «мы».

ВОССТАНАВЛИВАЯ РОДОСЛОВНЮ

Ты, единожды погрузившийся в эту тему,
Не сумеешь найти дорогу в свой мир обратно.
А История — словно смеющийся демон.
Ей растерянность эта смешна; вместе с тем —
приятна.

Не запутаться в датах, именах и судьбах,
Не забыть, кто выжил, а кто и сгинул —
Из тумана прошлого выходят люди,
Но, как в дымке, видны лишь наполовину.

Но, как в мареве выстрелов, порохе дымном,
Как солдаты — без вести, ссыльные — без имён,
Проступают контурно, силуэтами,
Тем лишь видными, кто ищет их вне времён.

И как краски мастера под чужой мазнёй —
Проступают судьбы на полотне.
Полотно — История. И над моей землёй
Кружат отзвуки судеб, уже известных мне.

Нет, я не сорвусь, покружив по-над пропастью,
Нет, я удержусь — хоть на краешке самом.
Летит вертолёт, задевают лопасти
За край облаков. Лето жарит саванной.

Когда отступлю от кромки уверенно —
Смогу разглядеть, как кружится над полем
То птица степная, ветрами проверена,
То ветер, несущий смену погоды.

Потом — разбежаться и быстро, не думая,
По тропке, что к самому краю ведёт.
А там — будь что будет, что будет — задумано.
Быть может — паденье. Быть может — полёт.

Я хочу убежать и в дожде раствориться,
Надышаться, свежим ветром напиться...
Вдоль по улицам-рекам, как лодка без паруса,
Проплывать, на погоду, по привычке,
не жалуясь...

Слушать капель биение —
 по асфальту, по стёклам,
 Наблюдая сквозь призму дождя, как, промокнув,
 Люди жмутся к домам и, завидев автобусы,
 Начинают свой бег по поверхности глобуса...

Кто-то запоем — пьёт.
 Кто-то запоем — читает.
 Снег за окном идёт.
 Где-то меня не хватает.

Где-то меня — чересчур,
 Как снегопада в апреле.
 Контуры лигатур
 От времени потускнели.

Кто-то запоем — пьёт.
 Кто-то запоем — пишет.
 Тот, кто услышит — поймёт.
 Тот, кто поймёт — услышит.

Забросал пенопластовым крошевом
 Улицу мартовский снег.
 Перебежал дорожку
 Кошке один человек.

На небесах расписание —
 Когда — снег, когда — дождь.
 Старайся думать заранее,
 Куда и зачем идёшь.

А кошка сидит в сторонке.
 Сидит и ждёт новостей.
 У кошек имеются собственные
 Приметы — насчёт людей.

Радомир ДОРОФЕЕВ*Харьков*

Осенняя луна над низкою горой
Так близко, что её я трогаю рукой.

Тревожна эта ночь, и людям не до сна.
И запахом пьянит осенняя сосна.

И еле слышен долетает вдруг
Лягушки робкой осторожный звук.

Лист клёна, в танце падая, замрёт,
Летучей мыши следуя в полёт.

И аромат полыни иль вино
Нам различить отныне не дано.

И дивной силы полон лунный свет.
И чудится, что смерти больше нет.

Не рви цветы, мой друг, не рви —
Цветущее прекрасно поле.
Пусть цветы растут на воле.
Не рви цветы, мой друг, не рви.

У милых радуйся колен
В час сына твоего рожденья.
А кто приносит смерть и тлен,
Тот сам достоин только тленья.

У дороги — цветок полевой.
Проходя, я его не сорвал.
Он, как другу, кивнул головой
И по-своему что-то сказал.

Я сказал: «Глуп, кто с вами жесток.
Человек — это тоже цветок».
И ушёл по дороге лесной.
А цветок мне кивал головой.

Лес пуст. Лишь на деревьях шрамы,
Да разворочена земля.
Заросший след войны кровавой,
Где уцелели ты и я.

Лишь муравьи-сапёры скопом,
Да в небе редкие грачи.
И дятел над пустым окопом
Стучит, как раньше станкачи.

Поле, вспаханное взрывами снарядов,
Раненых в атаке волчий вой.
Самая великая награда —
Я остался всё-таки живой.

Жажда выжить — в каждом человеке.
Буду жив — не раз сюда приду.
Но остались здесь друзья навеки
В 41-ом проклятом году.

СОЛДАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Одни и те же всюду даты,
Могилы выстроены в ряд.
И молча мёртвые солдаты
Из фотокарточек глядят.

Они глазами пустыми
На нас глядят из-под земли.
На нас, разрушивших Россию,
На нас, что мёртвых подвели.

ЗАБЫТЫЕ

Они ушли когда-то на войну.
Уже не ждут родители ушедших.
Их тоже нет. И дней тех сумасшедших
Они теперь у памяти в плену.

Дорожные безликие могилы...
Я помню вас, и к вам ещё вернусь.
И холмикам, что горьки мне и милы,
Я, уходя, тихонько поклонюсь.

Что значит одуванчик в нашем мире
Рычащих, как зверьё, автомобилей
И озверелых замкнутых людей?

А вот глядишь, скрывая в сердце нежность,
Как беззащитна эта безмятежность,
что на душе становится теплей.

Христина ДРАГОМИРЕЦЬКА

Львов

ПЛАЧ ТАК, ЩОБИ МЕНІ СПОДОБАЛОСЬ

МУЗИКА

Не буде ні дверей, ні вікон
в будинку без душі,
в будинку з клаптиків, уривків,
в будинку зробленого з музики.
Вона напевне буде скрізь.
Із стін просочаться ледь чутні звуки,
мелодії веселі та сумні,
травою проростуть в підлозі.
Повсюди будуть навіть ритми,
а на столі - розлиті ноти,
блищатимуть у вранішній імлі.
В будинку, де немає даху,
усе достоту правильне,
бо ним вимірюється світ.
В будинку легшому за вітер,
де час не на роки й не на віки,
він як байдужий перехожий,
мандрює до вечірньої зорі,
вселився майстер назавжди.

ПОЛИН

Я відвоюю вас, слова, в якому ви полоні?
Змайструю з вас солодкі замки,
і глазуrowані пряночні хатки,
притрушені вишнеvim ароматом,
без зайвої нудоти,
і з гіркотою полину.
Він повертатиме на землю,
спочатку дасть прозорі крила,
розпалить розум, почуття,
а потім враз, як вектор,
що міняє напрям,
помчить униз.
Я сплю у бога на долоні,
не знаю ні горя, ні біди.
З весною за спиною
ділю свої думки.
І розтікаюсь в просторі,
милуюся блакитним світом суєти,
якби моє «сьогодні» тривало так завжди.

ПОДИХ

Дихаю, дихаю, дихаю, жадібно ковтаю повітря,
мій кращий аперетив перед вечерею з нічю на
пару,
свіжий, терпкий, як дим,
той, що обпікає мозок.
Мій день до кінця вже доплив,
і я відпускаю назад наповнений вітром фрегат,
обережно щоб не розбити об берегові пороги.
Розколеться небо мільярдом зірок,
під гусячою шкірою залишить рубці крижані
від холодної пані з лицем,
як папір, без натяку на рум'янець.
Дихаю, дихаю, дихаю,
все щезає, а те, що лишається:

видих

вдих

видих

вдих

як на гойдалці плавний то ввись, то униз перехід.

ЖИТТЯ — ПРЕКРАСНЕ

Малюю фарбами, малюю у пам'яті
якісь безглузді візерунки,
розбитою свідомістю, джазом на друзки,
ледь пензель торкається білого полотна
залишаючи по собі яскраві калюжі.
Мазки на підлозі й на стелі,
проходять по венах холодні, як треми.

Я дихаю рівно, вистукує дощ
на даху симфонічно.
Заснути б серед безладу й шуму,
заплющити очі у пошуках
паралельного світу.
Закутана у помаранчевий шарф,
зв'язаний заходом сонця під синкопи.

НЕ КОМІЛЬФО

Збираю докупи думки, вони — не керовані,
дивні, безформні, як кардіган на мені.
Напевне це якась анестезія,
коли всі зачіпки у моїй голові про тебе,
думаючи про що завгодно повертаюсь
до мрійливої дитячості, слабкості,
коли байдуже, як виглядають «Алени Делони»,
коли байдуже на всіх, але не на тебе.
Якось йду, танцюю, п'ю чай вечорами,
читаю, дивлюсь кіно, гуляю, просто живу,
і не знаю як тобі про це сказати,
не знаючи чи ти — правда, чи просто
в'язень у моїй голові.
Та все, чого мені хочеться це мати тебе поруч,
не шукати у тобі того, чого у тобі нема.
Відчувати з тобою не ту поверхневість,
якою ми маніпулюємо,
а те що за завісою інтелектуальних прикрас.
Обійняти, сказати — я досі тут, і нікуди не дінусь,
і почути, як відлуння, але по-новому щось схоже.
Збираю докупи думки, вони — не керовані.
Дивно, мені вже давно якось
не комільфо так манірно писати.

ПІДВІКОННЕ

Приймаю на себе дощ,
сповільнено, відчуваю кожну краплю.
Шукаю пояснень,
Розумію, що мова — тільки пароль
І не всі ним відчиняться двері.
Ми майже з тобою розмиті,
майже байдужі,
майже ті і не ті,
майже дивні й чужі.
На краю під дощем,
всередині майже спокійно,
майже холодно,
майже не імпульсивно.
Скільки часу потрібно
на твоє остаточне «Прокинувсь».

МЕНІ ОСТАННІМ ЧАСОМ...

Мені останнім часом сниться тільки війна
Над зеленими пагорбами, вишнями в цвіті,
тільки війна.

Над головами мчать кометами літаки,
Літають низько, майже чіпляючись за волосся.
Мені останнім часом сниться тільки війна,
Але страху зовсім нема,
Як у малої дитини до трьох.
Я ходжу по раю серед тони пилуки та брукху.
Мені останнім часом сниться тільки війна
Не забути б нею зранку почистити зуби.
Мені сниться тільки війна,
І світ без надії на завтрашній будень.

НАВИВОРІТ

Все, що відбувалось зі мною колись
здається таким далеким, як з минулого життя.
Вся моя кумедність, серйозність
опинилися, як осад на дні у бокалі з білим вином.
Я п'ю тебе малими ковтками.
Те, що було частиною мене
тепер тільки спогад.
Ловлю поглядом статичну картинку,
щось дивне за відчуттями, невже ностальгія?
Ні, сумнівно, мені просто — добре.
Не через вино, не через якісь спогади.
Мені добре від того, що я дивлюсь навиворіт.

ЩАСЛИВА

А я щаслива, щаслива у квадраті, в кубі,
як день мережить нас, як ніч в пустому вестибюлі
моє безмежне щастя виросло в його утробі
і розлилося ріками, застигло льодом в голові.

Не пам'ятаю скільки часу
вигадувала його справжність
Я вірю одночасно, і не вірю, для мене він туман-
ний,
мов сон медовий, мій дитячий, далекий,
у думках до болю лячний
мій страх і трепет, мій бажаний, і жданий.

ВЕЧІР

Вечір, ти майже пішов.
Не витримав мого шаленства,
Не витримав моєї грубої ніжності,
моїх слів і безглузких пригод.
Від тебе нічого не лишилося,
навіть тонкого аромату.
Напевне зі мною можна тільки божеволіти,
ти ж знаєш, якщо треба, я зупиню навіть час.
Мені хочеться прочитати щось неймовірне,
так інтуїтивно вибрати таку книжку,
ввійти у цей світ, повісити пальто,
і дивитись на сіро-жовте небо
через транспарентне скло
Вечір, ти, без сумнівів, прекрасний

Леся КАВА (Дарина ГЛАДУН)

Київ

Народилася 13 березня (не в п'ятницю) 1993 року у місті Хмельницькому. Писати почала рано (ще у 3 роки стала жорстко критикувати мамині і бабусині кварталні звіти). З 2000 до 2008 року навчалась у Хмельницькому міському колегіумі (у математичному класі), з 2008 до 2011 року — в Українському фізико-математичному ліцеї при КНУ ім.Т.Шевченка. Зараз — студентка Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка (відділення літературної творчості, української мови та літератури). Ще під час навчання у школі працювала кореспондентом газети «Проскурів» (Хмельницький, № 27–30, 34 2010; №1, 4, 2011), тоді ж почала публікуватися у журналах «Проскурівський телеграф №21» (Хмельницький, 2010), «COOL експрес газета» (№11 (5485), Львів), «Дніпро» (№12, 2010; №4, 2011; №4, 11, 2012) (Київ).

Звісно, творчій кафедрі є літературна студія, на жаль, вона більше схожа на ярмарку марнославства, ніж на місце, де можна отримати конструктивну критику. Тому, на злобу дня, разом з одногрупницями організували Аристократичну літературно-боксерську студію імені Ліни Кавальєри під покровительством Давньогрецької богині Офігенії. Це, свого роду, стьоб. Із сучасного літературного процесу в т.ч.

ГОЛОС

Цей голос позаду
І далі лунатиме голосно?
Рінятиме він кути безнадійно загострені?

Цей голос! Він вбивця!
Він нищить, нещадно карає
Усяких нахаб, що лізуть бездумно до космосу.

Цей голос десь близько.
Здається, звучить зовсім поруч.
Пекельний! Гучний! Він все ближче,
і ближче, і ближче!

Цей голос вже тут.
Він понад страшним попелищем.
Над прірвою безвісті хижим шулікою... Крик!

І мертво.
І враз стало тихо навколо.
Розтанув у темряві голос.

40

Лікар Базедов, виходить —
ви знали, що прийде день Х?
Крики серен мчаться по магістралі.
Не попередили ви, що надалі
Ваша хвороба на шпальтах журналів,
Телеканалів,
На радіо — скрізь
Буде тепер, як колись.

Хто змусив Вас від усіх приховати,
що інквізиція йде?
Знов ліквідатори в бій, як солдати.
Лікарю, скільки страждань? Ще багато?
Розбушувався колись мирний атом.
Став він злочинцем, суддею і катом.
Хтось вже чеку відірвав від гранати...
І ціла вічність як день
В світі жахливих ідей.

Лікарю, в когось волосся немає —
повипадало давно.
Серце чудовиська гнівом палає.
Чорні ворони від краю до краю
Звістку розносять: Чорнобиль нагаєм

Б'є всіх на сполох. Його б'ють навзаєм.
Марно. Йому всеодно.
Місто вкривається сном.

Лікарю, смерть в саркофазі поховано,
та святкувати зарано.

Страх, мов чума, розтікається зоною.
Вся обережність була показовою.
Тридцять — це плата Іуді. Нам — СОРОК.
Шириться морок.
Суміш зі сліз і туману.
Завтра уже не настане.

МЕРТВА ЛАТИНА

О.В.Лазер-Паньків

Мертва латина
Кривавим чорнилом
Карбує у мозку спогади.
Світле майбутнє
Дротом колючим
Право на волю скасовує.
Руки в кайданах,
Змією підступною
В шию мотузка вгризається.
Влада народу
Давно не потрібна
Мудрість беззубого старця.
Ламана лінія
Кардіограмою
Смерті, як може, противиться.
Правда по тілу
Рваними ранами,
Потім — контрольний в потилицю.
Совість розтерзано
Злими собаками.
Списано. Спилено. Спалено.
Урвищем темним
Ідуть душогуби.
В пам'яті знову прогалини.
Криця іскриться
Під кірзовим чоботом
Дівчинки років дванадцяти.
Грім, блискавиця.
Спокій розколотий
Навпіл шаленими танцями.
Постріл угору.
Гільзи на землю.
Пристрасті небо розпалює.
Критик. Відомий!
Манірний? Мізерний!
Генія визнав нездарою!
Вкотре поета
Полишили музи.
Штампи народжують вірші.
Каменем стука
Вічна байдужість —
Такт відбиває — не більше.
Віри давно вже
Немає у серці,

В грудях лише порожнеча.
Бідна жебрачка —
Сестра милосердя —
Всесвіт тримає на плечах.
Кволий пустельник
Заштопує діри —
Щастя, як може, латає.
Чорні від сажі
Парадні мундири.
Зверху — граків ціла згряя.
Хліба й видовищ
Крукам жорстоким,
Жовчі — воронам до чаю.
Сива вдовиця
Стоїть на руїнах.
Плаче, кричить — не вмовкає.
Вулиці міста
Трупами встелені
Слів, передчасно народжених.
Привиди бродять
Пустими оселями —
Жити живі вже не можуть в них.
Саваном смерті
Стелиться тиша.
Час протікає незримо.
Знищено все.
Тільки над попелищем
Хижа літає латина.

ВІДЬМА

Дівчина бідна:
Побита, обшарпана...
Добра! Мов янгол, безгрішна!..
Мовчки іде.
Тіло скуте кайданами.
Шепіт порушує тишу.
Помста і злість
Взяли гору над розумом.
Прощено надто багато!
Натовп вже ситий
Пустими погрозами.
Винних бажає карати!
Крики людей
З невимовною силою
Рвуть барабанні перетинки.
Пеклом життя,
Сильний біль замість дива —
Ось що таке непереливки.
Дівчина боса
Іде по бруківці,
Гнеться під градом ударів.
Загнаний звір.
Мертва пташка у клітці.
Зовсім бліда, як примара.
Камінь на шию.
По спині нагаєм.
Швидше! Ставайте! Дивіться!
Відьму у воду!

Хвилі ховають
 Помисли злі інквізиції.
 Нечисть скінчилась.
 Її репресовано.
 Знищено. Вбито. Усунуто.
 Страчено катом.
 На площі покинуто.
 Зможеш в труну потім плюгути!
 Зряча Феміда
 Свідомо підважила.
 Більше не буде пощади!
 Їй головне —
 Просто справити враження.
 Решта — турбота нащадків.
 Скільки ж забути
 Нам треба з історії:
 Злості, страху, навіть болю!
 Прямою в пам'яті
 Terra incognita
 Темно-червоного кольору.

МОЦАРТ

Пристрасне танго
 Грає пригнічений Моцарт.
 Вальс закінчився.
 Більше йому не звучати.
 Листом пожовклим
 В річку влітається осінь.
 Вихором жовтень.
 Листопад дощами...
 Все! Досить!
 В місті зима,
 Наче лицар у сяючих латах,
 Білим конем
 Скаче по булицях гордо.
 Холодом хуга
 Розносить її сильний голос.
 Танго стихає.
 Лунають прощальні акорди.
 Бал розпочато.
 Усюди міледі і лорди,
 Дами, месє...
 І вже біля площі Конкорду
 Листя осінне
 Зі снігом літає по колу.
 Вітер гуляє Версалем,
 Як привид епохи.
 Будь обережним!
 Тихо! Його не сполохай!
 Сильній душі
 Швидко набридне цей спокій.
 Скніє вона в білій буденності років.
 В безвість тікає —
 Навіть не стищує кроків.
 Вільна від нечисті, злоби і вроків
 Доля пророків... важка.
 Врешті,
 Вони також гості.

Рано чи пізно
 Всі ми опустимо руки.
 Скрипку лишив на бруківці засмучений Моцарт,
 Поруч із нею поклав він смичок і перуку.
 Далі — у вічність.
 Самотній, простоволосий...
 Геній іде
 Мовчки.
 Без зайвих емоцій.

ХТО МИ?

Хто ми?
 Ми — давно догорілі свічки,
 Фотографії в рамках розбитих
 І сни неможливі.
 Ми — думки потаємні
 І сльози гіркі,
 Сильний біль і постійна надія на диво.

Хто ми?
 Ми — зав'язані в вузол слова.
 Ми занадто складні, недоладні,
 Ми надто правдиві.
 Казка в нас на долонях
 І справді жива,
 Та вона
 Аквареллю розтане у зливі.

Хто ми?
 Ми — загублені миті життів.
 Ми — піщинки, краплини у морі.
 Нас майже забули.
 Сонце впало за обрій
 І світ скам'янів.
 Ми — ніщо.
 Ми з тобою — далеке минуле.

Марина КОРДОНЕЦ

Винниця

Родилась в 1990 году в Виннице. Училась в КНУКіМ, Винницкий филиал. Дипломант поэтических фестивалей «Малахитовый носорог» 2011, 2012, 2013 и «Подкова Пегаса» 2012. Лауреат фестиваля «Подкова Пегаса» 2013. Лауреат (1-е место) фестиваля «Оксия» 2013 (Житомир). Публиковалась в альманахах «3-над Бугу і Дністра» 2012/3, «Експрес-молодість» 2013; в журнале «Вінницький край» 2013/1.

Я проведу тебе
Ось, торкнися моєї руки
Ти вже бував у тіні лабіринтів
Де я ховалась від холоду
Щось чи когось ми втрачаємо
і це безперервний потік
Віднайти тебе, обійняти і розмовляти тихо, довго

№ 2

Все починається із плетива ліній тонких
Серцем до серця прокладається стежка заплутана
Ти мені — відчай
Кожен крок сумніваюсь чи йти
Щоби вкотре намагались бути до тебе ближче

Голос німіє
Ріки влітаються у моря
Зграї птахів небесами вирують уміло
Крок за кроком вшивається у ноги болоче стерня
Я вже йшла якось цим нещадно скошеним полем

Ти близький і далекий водночас
Але час — не патока тягуча, густа
Я вдихаю повітря зарізко і ти ніби поруч,
та ні пари з вуст
Мовчання твоє не величне
То птах у клітці
Невже ми землю сходити пліч-о-пліч
хотіли колись?

Пісок у годиннику сиплеться згори вниз
І дихати вільно мені заважає... провина?
Я стала сама не своя, немов ненароком причинна
Не схилишся стомлено ти мені на плече
Не станеш довірливо поглядати у очі
Шукати рятунку у тихих водах буремного дня
Я ходжу по колу, адже ніщо не змінилось
Ти — мовби фортеця
Між нами довіра сплелась так заплутано
Торкаюсь наосліп і падаю Алісою у глибину
Ніщо не змінилось
Питання, питання як постріли з темряви,
якої не ждеш

№ 1

Розкажи мені, що в твоїм Імені є Любов?
Стомленим голосом озиваючись, міряю кроки
Незмінно безсилля у кров мою, наче коріння,
вросло
Невже я не йшла шляхом віри?
Невже загубилась в дорозі?

Із пам'яті спогади про дитячі молитви вночі
Той шепіт блукає туманами
Це не відпустить, я знаю
Але я питаю тебе, що в твоїм Слові — Любов?
У якій точці зіткнення знову зустрінемось?
Тільки б дійти, не спізнитись у часі

Твоя Любов — Путівник
Огортає, залишивши слід
Це безкінечно триватиме
Ким би знову я не відродилась
Твоя Любов зобов'язує вірити,
бо ж скільки тих днів...

Щоби зустрітись навіки
Щоби більше ніколи не втратити

Чому ж не простягнеш ти руки до сонця?
У світло, у радість, у Божий день

№ 3

Залишаєш по собі диво-сліди
Тільки плескіт хвиль у моїй пам'яті
Все, що розпочинали з тобою, розтануло,
як той сніг

І немовби вуха не чули тебе
І очі не бачили

Ні про що не жалкую
Твоя з'ява — першоцвіт весни
Босоніж блукаючи травами,
вірити у щастя так легко нам

І минуле у прийдешнє влітається
Адже спогади — то вірні кати
Що ніколи не залишать без нагляду

Ти приходиш у снах і це трохи тривожить
Межа надто тонка
Ми ж залишили Наше життя
Тепер кожен окремо у сповіді днів
І немає бажання повернутись
Переслідує тільки первісний страх
Що як будемо порізно, станемо холодом лютим

Бо любові ковток, мов вода з джерела —
то є дар, що губити негоже

Промінь світла в пітьмі мить осяював нам
Що тепер берегти?
Спомин, спомин..

№ 4

Час піском крізь мої долоні
Більше його мені не втримати
Намагалась відчайдушно мірами відрізняти
добро та зло

Неможливо
Сплелись у клубок єдиний
Підкажи нам тепер, де ж те джерело вселили?
О премудра, свята, Фемідо!
Як пройти нам повз спокуси та забутий біль?
Відшукати рівновагу, що згубили грою?
Не помічати тих отруйно-саркастичних обличь
Але ж я не більш, ніж просто звук
між минулою і теперішньою собою
Маю рівно стільки прав, скільки визначено
для всіх

Тож забудемось з тобою келихом вина в ніч грому
Я вже вистраждала стільки,
щоб не помічати ніяких різниць?

Щоб байдужість плавно охопила
Знову.

Час втікає
Але ж нас вчили, що він наймиліший лікар!
Якщо і йому тепер не можна вірити, тоді кому?
Ми давно вже не бавимось із паперовим змієм
Ми давно вже втомились

відрізняти любов та нудьгу

Наші роки проживаються вкрай безталанно
Намагалась упіймати час
Намагалась я зрозуміти,
що таїться у глибинах безперервності годин
Але шлях мені закритий
Згірклий вітер дме у спину
Розвертаюсь в нікуди
Час піском втікає у темні снів

№ 5

Я не хочу більше згадувати той день
Коли долоні мої не втримали твоєї руки
Ти поспішав за славою у далекі краї
І постійно повторював,
що своє серце ти залишаєш мені

Сумно всміхаюсь
Бо на більше не маю ні снаги, ні прав
Будь-який муж хоча б раз у житті, але йде у бій
Ти вибрав море

І плывуть кораблі крізь дим
Я пам'ятаю це

Хоч і хвилі тепер не ті
Я ж залишилась на березі
Саван щоденно ткала златом по синьому
Так відганяла свою я журбу
Безмірна кількість ночей

та днів перекочувала у роки

І не лякали мене ні засухи, ні вітровії страшні
А тільки те, що море більш не поверне тебе мені
І я молилась. Спрагло

Блукала берегом морським

Вдивляючись у горизонти, очікувала кораблів
Та хоча б одного

У очікуванні та глибинній тузі

вкрилось волосся моє сивиною

Саван, що ткала удень,

розпускала уночі тремтливою рукою

І сили танули мої

Бачити тепер тебе — радість

Чути голос твій — то була мрія

Торкаюсь долонь твоїх несамовито

Цей час (без тебе) навчив мене віри

Андрей КОСТИНСКИЙ

Харьков

ОВЧЕ НАШ

Что тебе моё недомогание?
Я сам себя выгнал взашей.
Покушение, говоришь, домогание...
Обвиняй в чём хочешь, тело шей.

Я не спал три ночи и пять дней,
а не ел ещё дольше.
Я шёл к тебе, будто к Риму Эней,
за 28 веков д о д о л ь ч е.

Я летел к тебе разыкаристо,
через взмах крыльев крича:
Я выбрался из залежей карстовых,
чтоб опрометеить очаг!

Я и плыл к тебе опрометчиво.
Дежавю дежурит, журия.
На карте никейно помечены
маршруты МаршраМ и Заря.

Я был на Острове. Этот остров —
вестров на развилке ветров.
Над ним небес многокостров
шторм, бьющийся скалы - о, в.

Этот остров вращается. Если заснуть на юге,
то проснёшься на северной стороне.
И тень, растущая под перьями юки
с востокапкана равна той, что на западне.

А ещё над островом этим
был настолько тяжел ночи каток,
что расплющивал его до самого рассвета
до размера первосозданного плато,

на котором паслись чинно
и мирно доковчежные звери.
И к ангелу персональному обращались:
«Овче наш!»

И в небо, и в недра бодро возверя,
всего живого обращалась светлая сторона.

И слетала с петель небесная дверь.
И проём затягивался до лунного контура.
И делились в мире уже на две
части участи каждого в поровном.

Красная кнопка солнца вдавлена в горизонт.
Взорвано небо. Звёзд осколки и брешь луны.
Каждый луч её — зонд
обратной её стороны.

Это как осьминог самопотопляющийся.
Только дна нет. Как нет рей корабля.
И бреду воспятно я — ю э ы щ ш.
И была кара б си, была не кора б — «ля».

— Тебя снова штормит?
Выпей хереса.
Твоё доремит
слаще ереси.

Оприжизненно
недопознан.
Правдолживисто
ранопозднов.

И смотрел на тебя, мудрую, добрую, верную,
и понимал, что мизинца мизинца не стою
твоего твоего. Сам себя с пьедестала свергну я
и второе число простое

превращу в счастливое, до обеда доживя.
Дежавю дюживо-дюжинно.
Непрожитое снова увёз. Увяз
рукой в наужинном ужине.

Отцеживают пельмень луны. Дождь-кипяток
проливают на мою на голову.
И осталось моей тоски пяток
календарной листвы не сорванной.

У каждой буквы есть звук соприкосновения с
буквой другой.
Е, Ё, З, Э перепоночно тянутся друг к другу.
К Ж Х У создают ромбы..
Выгибается С, и в О растёт дугой.
При вбивании по шляпке Т превратятся в
Т-ромбы.

Ещё много чего я мог бы тебе рассказать.
Ты послушаешь, слушая больше, чем слыша.
Но когда вот так вот, когда только глаза в глаза,
я хочу больше молчать, и слушать,
как ты (за меня?) дышишь...

Михаил КРАСИКОВ

Харьков

Радуга,
улыбка неба,
помедли,
не исчезай,
не тай,
дай
грустным людям
поймать тебя
взглядом
и хоть на миг
исполниться
радужными
надеждами!

НЕСКУЧНОЕ*

*Здесь может быть ваша реклама.
Реклама*

1

Здесь не может быть вашей рекламы,
здесь не может быть ваших следов,
здесь небесные чистые гаммы
полнят воздух — настой медов.

Здесь не может быть вашего мата,
бизнесмерть не кочует тут.
Здесь бескрылый станет крылатым,
если впустит в себя красоту.

2

Хотел бы здесь родиться чабрецом,
циkoriем, ромашкой, зверобоем,
дождю молиться, улыбаться зною
и бритве ветра подставлять лицо.

**Родина Зинаиды Серебряковой*

Почему-то
сама собою
тянется ладонь
погладить глобус,
словно кошку,
свернувшемуся клубочком.

В этом доме лишь память живет —
то листает страницы книги,
то смеется, а то поет...
Чаще — плачет. Снуют барыги,
предлагают хорошую цену...

Память смотрит оцепенело.

Умереть бы своею смертью...
Зачем мне — чужой?

Наталья КУРИЛИНА

Сумы

У нас ни прошлого, ни будущего нет.
Мечта лишь — есть? вне времени была?
Увядших чувств сегодняшний букет.
А завтра — будет? Было ли вчера?

Скрываю чувства, будто под проталиной.
Хочу весь мир разрушить, погубить!
Как падший ангел в небо не взлетает,
Вот так и мне без крыльев дальше жить....

Я крест сняла... Рука дрожит...
Любовь устала... Хватит ждать...
Осталось грязь твою лишь смыть
И высосать из сердца яд...

Как гром, я слышу звук металла,
В глазах лишь ярость... дикий крик...
Померк твой взор... слеза упала...
И вырвалось: «Прости... Прости...»

Заныло сердце, кровь кипит...
Вонзился в грудь мне тот же крест!
Касанье губ... И кровь бежит..
В руке рука, и пульса... нет...

Вот и всё. Случилось так.
Крылья упали на гроб.
Лежит в нём пустая мечта.
В душе — последний аккорд.

Капают слёзы на землю,
В сердце любовь догорает...
Мечта дышит еле-еле.
Не выдержав, умирает...

Сон ушел. Лежат гвоздики,
Сырость пахнет тёплым паром.
В небе только птичьи крики.
Родилась мечта, зная, даром...

Больно мне, одиноко и жутко,
Судьбу не спасти, не сберечь.
Не настанет мне светлое утро...
И так хочется рядом с мечтою прилечь...

Ольга ЛАДОНЯ

Харьков

Заблукала у яблунях осінь,
Листя в пелену тихо збира.
У тумані заплутались коси,
В павутинні мережить роса.

До зими ще здається далеко.
Босоніж по стерні пробіжу.

Вище хмар пролітають лелеки,

Ріжуть крилами сизу журбу.

Теплий промінь цілує у скроні,
Ніжну посмішку шле, чарівну.
Прозбираю я Сонце в долоні

І для тебе його збережу.

Дорога довга і чисте небо —
Це все для тебе,
це все для тебе!

Ромашка в полі
і спів у гаї
І оте ніжне «Тебе кохаю!»

На травах — роси,
В долонях — Сонце.
І перші грози,
Веселка в косах.

Перший світанок,
І перший смуток.
І мамин ганок,
де пахне рута —
Це все для тебе,
це все для тебе!
Дорога довга і чисте небо.

МАТЕРИНЬСЬКА

Лягаю з донечкою разом спати,
Цілую ручки, теплі та малі.
Тулюся ближче, так, щоб зігрівати
Ті ніжки, що топтались по землі.

Я на добраніч донечці бажаю,
Дарую їй свою просту любов,
Від неї тільки ніжності чекаю,
Бо це моя лежить маленька кров.

Вона ж мені так сміливо сказала
У очі заглядаючи ясні:
— А я, матусю, Бога поблагаю,
Щоб він здоров»я зберігав тобі.
Щоб ти була багата і щаслива,
Щоб наша хата в грози не згоріла.

Я ціле літо все тепло збирала,
Плела вінок із ніжних почуттів.
Веселкою для тебе в небі стала,
Зорею, росами, дощем рясним.

То я тебе крізь зорі цілувала,
всміхалась квіткою барвистою в дворі.
Під ноги гілкою з тополі впала
і простелилась стежкою в траві.

Я ціле літо все пепло збирала,
Плела вінок із ніжних почуттів.
Твоєю тінню непомітно стала.
Та чи побачити ти це зумів?

Мила МАШНОВА

Харьков

КАРТ-БЛАНШ

У тебя по судьбе карт-бланш
К чьим-то душам, сердцам, квартирам...
Я беру без конца реванш
На виду у целого мира.

Твой закат разъярён и зол,
Потому он багровый, красный.
Мой — похож на романы Смолл*,
Перечитанных не напрасно.

Твоя карма полна прорех,
Только ты время зря не тратишь.
Это я, совершая грех,
Ужас вижу в его возврате.

Полоса твоей жизни — цвет
Одиночества — не свободы!
Я... хожу по роялю... Нет!!!
Я на нём музицирую годы!

** Бертрис Смолл — американская писательница
XX—XXI века. Автор 60 исторических и эротических
любовных романов и повестей.*

НА ДВАДЦАТЬ ПЯТОМ

Моя свобода здесь — на двадцать пятом,
А боль осталась между этажами,
В обшарпанных пролётах, с ароматом,
Которым жители десятки лет дышали.

В конце декабря 2012г. Мила Машнова случайно попала на презентацию литературного журнала «ЛАВА», после чего в скором времени стала членом клуба «Авал» (ныне она является уже референтом этого клуба). После знакомства с участниками клуба «Авал», произведения Милы впервые были официально опубликованы в литературных журналах «ЛАВА», «Альманах», «Дніпро». Так начался ее новый творческий подъем. Летом 2013 года Мила приняла участие в международном проекте «Стихия» под руководством Творческого объединения Колес. ТВ.

Так в октябре 2013г. появился на свет первый официально изданный сборник стихов Милы Машновой, который называется «НеОна». 24 октября 2013г он был представлен в «Союзе писателей Украины».

В апреле 2014 г. Мила стала серебряным призёром Международного ежегодного литературного конкурса духовно-философской, гражданской поэзии и прозы «Человек. Судьба. Эпоха».

Ты скажешь: боль не пахнет, как и горе,
Как одиночество, любовь и скука...
Тебе ль меня понять? (улыбка) sorry,
Но это очень сложная наука.

На двадцать пятом город — на коленях,
Велик и жалок, как профессор нищий.
Бросаю по` ветру свои стихотворенья
И сознаю, в чём преимущественность крыши...

Душа ругается матом,
Как старый сапожник пьяный
В изношенном и помятом
Костюме, с карманом рваным.

Мой омут так любят черти,
Которым закон не писан,
Когда, на пороге смерти,
Сжигаются горы писем.

Когда я ищу приюта
У Бога с его церквями,
Безгрешие где — валюта,
Её не собрать горстями.

Когда выхожу на сцену,
Меня обнажают строчки,
Где каждой я знаю цену,
Где слово — острей заточки.

Мой выдох, мой вдох — расписан,
Вся жизнь, не иначе, график.
Во мне умерла актриса —
Я всё посылаю на фиг!..

А что будет с нами завтра:
Война или сразу смерть?
Молитва теперь — на завтрак,
На ужин — число потерь.

Живым кто придёт из боя?
Кого предадут земле?
...Мы встретим невзгоды стоя,
С морщинами на челе...

Анжела РАФАИЛОВА (АРСЕНОВА)

Харьков

СМС ДЛЯ МАРИ

Кладёт её руку себе на грудь.
И в бухту входят киты...
И сердце силится не утонуть,
И в небе горят мосты.
Она согласна сестрою быть...
Но пламя ветром не погасить.
Он взглянет так пристально, что стрижи
Навылет в сердце — ангелу дней —
Летят — оптические миражи —
Кометами — в мириады свечей.
И названный брат, завершая путь,
Напишет: «Мари, без тебя не уснуть...»
Считает Мари сотни дней до встречи,
И вишнями в тёплом варенье стынет,
И белый ангел обнимет за плечи,
И ангел чёрный засов задвинет.
А он ей напишет: «Проблемы с сервером».
И ангел южный примчится с севера.
Пускай прикорнёт, посолив свекольник,
Чтоб сон досмотреть, как он хлеб преломит.
Радуюсь так, что дороги окольные
Встретились в их галактическом домике...
Спи же, Мари, отдыхай до рассвета...

ПЕСКИ

Я отправляюсь в твои пески
Сердцем, трепетным, как прибой...
Мысли — стайки юной трески
Бликами солнц набегают, волной...

Ты принимаешь пульс маяка,
И на сетчатке охра и медь.
И обнимает твоя рука
Мрак мой и ветер, дыханье и снедь.
И на бликующий свет огней
Затрепетав, уронив пыльцу,
Сонм мотыльков из глухих дверей
Ластится бело-лиловым к лицу...
Дай же мне руку твою на миг —
Птицей присесть на излёте лет.
В час, когда мой океан притих...
Время отлёта. Неблизкий свет...
Я постою на семи ветрах,
Лунную пыль сберегая впрок...
Слушая ветер в твоих словах

Думает о нём, льнёт к его берегам,
к линии прибоя,
Одна, одна, а он ли сам... Грешное, и святое —
Боль и липовый цвет — жизни трудной изнанка,
Чай одна допьёт... Маленькая турчанка
Пляшет в ней до птиц. Сердце листком свернётся.
Пусть усталых ресниц тёплый ветер коснётся.
Пусть её летний взгляд ветер тёплый лечит.
Пусть он будет ей рад.
Пусть он выйдет навстречу...

Чудные, дивные острова
Радости его, его грёз,
Как раку́шку, растворяю слова
В тёплом сердце тишины и гроз.
Я скажу ему: Ясным будь...
И откроются пределы миров.
Повторю дороге: Не забудь
Тропку до заветных островов.
Так, чтоб было всех песков в морях,
Сколько тайных несказа́нных слов,
Сколько света в тёплых маяках,
Ветра вдоль притихших берегов.
А себе лишь озерцо до дна
 Попрошу у ветреных небес,
Вот и не останусь я одна,
И покину сумрачный свой лес.
Ветер пусть приникнет к парусам,
Тёплым светом ляжет на корму,
Чтобы он вышел к новым берегам,
И навстречу вышла я к нему...

Ольга СМОЛЬНИЦКАЯ

Київ

Народилася 7 червня 1987 р. в м. Сімферополь. Кандидат філософських наук. Старший науковий співробітник відділу української філології Національного науково-дослідного інституту українознавства та всесвітньої історії, м. Київ. Член Національної спілки письменників України, Національної спілки журналістів України та Міжнародної спілки письменників Криму. Член редакційної ради альманаху «45 меридіан» (м. Сімферополь). Лауреат міжнародної україно-німецької премії ім. Олеса Гончара в номінації «Поезія» (2010), Всеукраїнського поетичного вернісажу «Троянди й виноград-2012», Літературної премії ім. Богдана-Ігоря Антонича за 2008 р. (львівське видавництво «Каменяр»), премії АРК «За наукові досягнення у сфері пріоритетних напрямків розвитку Криму» (2009), всеукраїнського альманаху «Нова проза» (2008, Луцьк). Поезії перекладені російською, португальською та німецькою мовами. Авторка шістьох україномовних книг. У роботі двомовна українсько-німецька книга поезій «Сокровенне – Vertrautes» (перекладачі поезій Гергард Гентнер, Віра Вовк, Лідія Крюкова, Раїса Захарченко).

СОНЕТАРІЙ

Для розширення форми авторка подекуди дотримується Академічного правопису 1928 р.

FIAT КОНСЕРВАТИЗМ!

Не більший консерватор, ніж мурах,
Що власний дім прискіпливо буде;
Чи крига, що звеличено дрейфує
В сапфірно-аметистових морях.

Не більший консерватор у словах,
Ніж комашня, яку бурштин милує,
Засотує, а потім — каменує.
Навічно. Як вкоріненість в серцях.

Тремтливу краплю втаює кришталь...
Боги — в рядках. На чари Аполлона
Одне відповідаю: що не згодна!

Не опечуть ні туга, ані жаль,
Бо прагну: знову повернутись в мандри,
Узявши гасло гордої Кассандри!

МІЙ ПИСЬМОВИЙ СТІЛ (у період творчих сумнівів)

Навіяно робочим кабінетом Чарльза Діккенса

Письмовий стіл. Відсунутий стілець.
Недбало тут розкидані папери.
Лежить перо. І згорнуті портъери.
Це все — непередбачений кінець.

Писать листа примушує чернець
З неправдою — і шкіряться химери.
Я захлинаюсь, втративши манери —
Бо дух зійшов до краплі, нанівець.

Ваш подив бачу... Душе, не покинь.
Як Макбет, я не вимовлю «Амінь»,
Схоплю ножа... та лезо — лиш примара.

Але я знов сідатиму до книг,
Бо відійшла — на хвилюку. Не навік, —
Останнього уникнувши удару.

ЛЮДВІГ БАВАРСЬКИЙ

*...the painted veil which those who live
Call Life.*

*Percy Bysshe Shelley —
...візерунчастий покров, який ти, що живуть,
Називають Життям.
Персі Біші Шеллі*

До давнього подібний Льонгріна,
Ти підпливаєш з лебедем в човні.
О біле скло у темній глибині,
О блиск, немовби гра авантюрина!

Ось кожна віддзеркалилась пір'їна...
Я гладжу птиць, що віддано-ясні.
А Мюнхен — скло в протертому вікні,
І осінь наближається невпинна.

Баварія — це скло. В глибинах грота
Тобі нова озвалася істота.
О, твій мені знайомий синій зір!

Мій скепсис — щез. Позлочені покрови
Зніма священник, наче сенсу взір —
І в храмі ти укланеш без розмови.

ЗАМОК НОЙШВАНШТАЙН У ТУМАНІ

Його я хочу бачити в тумані,
Що огорта у горах, мов агат:
Ні, сонце не відкриє всіх принад,
Сотворених в казковім надиханні!

І поруч — гори в темному зростанні:
Це моховий агат скарбів і втрат.
І Рюбецаль — за лісом чорних ґрат.
А ми з тобою, певно, вже останні,

Яким щось темінь кажуть і туман...
У нас з тобою зараз дивний стан.
Ходім на месо з квітами для Діви

(О, недосяжність у тумані стін!) —
Допоки плоть у тебе, наче тлін,
Озерні не ділитимуть припливи.

МАДОННА-ФІЛОСОФІЯ

Мадонну-філософію побачу
Я після довгих в горі молитов.
Стікаю кров'ю й потом. Ця любов —
Якою я сама себе розтрачу.

Але Мадонна милість нам неначе
Явить — і я, хоча й не богослов,
Пізнаю сутність ангелів — і мов,
Якими кожен любить, снить і плаче

В раю, куди дійдемо ми, авжеж,
Наблизимось до сокровених меж,
Полюючи за оленем молочним.

Там пагорбів смарагд зі сном барочним...
Торкнися ельфів — бо це їх земля.
До рук злетить найперше янголя.

*Мадонна-філософія — поняття, яке існувало ще
до написання «Божественної комедії»; по-своєму
розроблене Данте в образі Беатріче.
(Тут і далі авторські примітки)*

ІКОНА «БЛАГОДАТНЕ НЕБО» («Як Тебе наречемо») — Богоматір з трояндами, 1840 р., Нев'янська школа

*«Вашим біблійно-православним літанням і витанням
дуже корисний католицький Аристотель»
(з наголосом на останньому складі
та з відкритим «е»).*
*Протоієрей Всеволод Шпіллер — Наталі Трауберг
(її спогади «Сама життя»)*

Напевно, забагато ми пізнали.
Не лячно нам останньої межі.
О душе, перед вогнищем дрижи!
Як зір болить від пристрасного палу!

Від вічного вдивляння до олжі —
Лиш крок... Та нас врятує душ начало,
Де малинові ружі проростали, —
Їх з персиковим цвітом вбережи!

В ранковій несподіваній дрімоті,
Що сумніви приглушує усі,
Премудрий голос чується мені, —

О ліки у столистяній красі
Руж синіх — це спасіння духу й плоті!
Це Аристотель — у моєму сні...

- «Благодатне Небо» — один з іконографічних типів зображень Богоматері у православ'ї. Інша назва — «Як Тебе наречемо» («Что Тя наречем, (Обрадованная)»), за першою годиною Псалтиря. Але не всі визнають другу назву правильною. Вшановують цю ікону 19 березня (6 березня ст. ст.). Я описала ікону 30 — 40-х рр. XIX ст. роботи Івана Прохоровича Чернобровіна (Нев'янська школа — від назви м. Нев'янськ, Середній Урал), тому що вона схожа на українську. Навіть лики Богородиці з Немовлям подібні скорше до українських, навіть греко-католицьких. Мати Божа зображена в золотій мандорлі, стоїть на сонці. Навколо — квіти: пурпурові, малинові, сині, персикові троянди. Сама Пречиста теж тримає квіти. Кольорова гама дуже оптимістична, світла.
- Сон, де голос говорив мені про Аристотеля, був насправді.

НЕ МИР, АЛЕ МЕЧ

Прозорі краплі — камені-прикраси,
На пальцях не тримайтеся моїх!
Спадайте: ви тягар, ви зайвий гріх,
Ваш блиск — лише зманіжені гримаси.

Тепер — не до віршованого глянсу:
Потрібен меч для буднів бойових.
Я леву пащу роздеру, як міх —
Така вимога совісті і часу.

Я втомлена. Але блищить полин,
Прозоріший, ніж річки світлий плин,
Ніж перстенів задумливі агати.

Кива секвоя: вирушай у бій.
Хай сумнівів іще тягар живий —
Та меч в руці. І місто буде взяте!

НЕПРИГЛАДЖЕНІСТЬ

(сонет проти затьмарення змісту на догоду милозвучній формі)

Сонети — не пригладжена краса,
Не дзеркало, яке занадто стерте.
Це зброя проти жалощів і смерти,
Це каменів з погордою яса.

Це не молочна блідь, яка згаса,
Ледь-ледь її торкнули сантименти.
Це Еверестів шпилі-монументи,
В яких порода коле небеса.

Тепер з каміння гострого земного
Здобути зачарований смарагд —
Це значить вірша різьбити нового.

І з-поміж нешліфованих свічад
Знайти взірці, що виступають різко...
Ти бачив їх. Коли проходив близько.

ВОГНЯНІ МЕЧІ

*Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.
М. Цветаева*

Мечі у серці — як вогненні змії.
Ці блискавки пронизують мене.
Єство — мов коло сталі вогняне,
Що давить і тортурами тяжіє.

І біси — скрізь. Невже нема надії?
Бо кожен з них ослаблює, клене,
Немов я відьма — і дання страшне
Уже розривом серця пломеніє...

Пречиста, зглянься! Бо у молитвах
Не вимовлю ні слова — вся в сльозах
Молюсь Тобі й святому Михайлу,

Щоб розігнав оцю нечисту силу...
Мені — вслухатись в спомини дощу
І шепотіти з плачем: «Не прощу»...

АРХЕТИП ГРІШНИЦІ У КРИСТАЛІ: РАЙНЕР І ЛУ

*Пам'яті Ніли Зборовської —
Лу Саломе для молодих поетів*

Ви впізнавали в присмерку загравах
Руде волосся грішниці пружне,
Вуста жагучі, що лише мене
Так дратували в барвах заяскравих.

Гріх — романтичний для людей цікавих...
Роздертий рот кого не заторкне:
Це грішниці обличчя крейдяне,
Благальне серед ідолів кривавих.

Для мене Ви були як Райнер Рільке,
Але нарешті правду бачу я,
Що Райнером була — для Вас, як ліки.

Лу Саломе у кожного своя.
О Лу, я рідну Австрію лишила:
Віддати їй поезію — несила!

У ЛІЛОВИХ ТОНАХ

Тебе молю, Пречиста: поможи
Мені минути всі самоповтори!
Гора Тавор, а ще Синайські гори
Нехай врятують від тенет олжі.

Як вийти на дорогу — підкажи,
Бо пізнання розсудку хибне й хворе.
Зір випекли мені ті метеори,
Що впали з передсмертної межі.

Та перед зором внутрішнім постане
Розета аметистова — й тумани
Це не затьмарять видиво, о ні!

Ступаєш Ти — і взори фіалкові
Нам стелеш разом з ірисом любові.
Це Твій барвінок у гущавині...

МАРІЇН БАРБАРИС

(народний католицизм — київсько-бразильські мотиви)

Вірі Вовк

Ось гримуарів сплетення пекельні —
Читай, як не лякаєшся сновидь,
Бо в них усе спокусою горить.
Та заклинання падають шалені —

І з'являться чудовиська вогненні:
«Спалю тебе!» — по сельві дух біжить...
О, чи втечеш за цю єдину мить,
Пащеки всі минувши невтоленні?

Та відступає демон-курупіра:
Ти увійдеш в Марії-Діви сад,
Де барбарис шарлаховий і мірра.

Змішався там з перлиною — гранат...
Погідна осінь. Ти приносиш квіти —
Сліпий прозрів, навчаючись любити.

1. Гримуар — заклинання або збірка заклинань (чорна магія).
2. Вогненне чудовисько, яке загрожує спалити, — персонаж бразильського фольклору.
3. Сельва — незаймані ліси Латинської Америки.
4. Курупіра (каїпора) — лісовий демон у міфології не лише бразильських, але й взагалі південноамериканських індіанців. Надзвичайно цікавий образ. Схожий на нашого українського лісовика.

ДУХОВНЕ ПРИЧАСТЯ

(РОЗДУМИ
НАД ВІВТАРНОЮ ГРУПОЮ БЕРНІНІ
«ЕКСТАЗ СВЯТОЇ ТЕРЕЗИ», XVII СТ.)

Розет холодних бачу я серця,
Що теж холодні й вічно мармурові.
Згаси у серці барви пурпурові —
Хай крок мені лишиться до мерця.

У сплетеннях тернового вінця
Не засліпить це золото в обнові.
Зі шматом хліба, зламаним у слові,
Біс входить в Юду — зрадою кінця.

Та попри все, іще стоїть скульптура,
Терези бачу знову я екстаз,
А янголя подібне до Амура...

Стріла мене пронизує не раз,
І в згортках шат нам провіщує світло —
Духовного причастя ціль розквітлу!

Я мала на увазі вівтарну групу доби бароко «Екстаз святої Терези» (капела Карнаро в римській церкві Санта-Марія-делла-Вітторія), створену в 1645 — 1652 рр. Джованні Лоренцо Берніні. Скульптури янгола і св. Терези Авільської (Тереси д'Авіла) зроблені з білого каррарського мармуру. Св. Тереза лежить на хмаринах, а янгол націлює їй у серце золоту стрілу. Обидві скульптури виглядають як живі, а згортки одягу святої ілюзорно реальні.

Николай СТОЛИЦЫН

Евпатория

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ РЕТРОСПЕКЦИИ. НЯНЯ

У! опять — заалела рубашка,
И огнем полыхает живот...
Разметался в беспмятстве Сашка,
Престарелую няню зовет...

«Няня?» — Сашку пугает молчанье;
О, коснулись горячего лба...
Как прерывисто няни дыханье,
Родионовна — слишком слаба.

А ведь Сашке — хотя бы — такая,
Только б — лоб промокнула платком,
Безответная в ласке, сухая,
Что тоскует о Сашке своем...

Вот — горячечный пот промокнула...
И, безмолвно поправив компресс:
«Ох...» — как будто тихонько вздохнула,
Сожаленья и горечи без...

Да! у няни — душа нараспашку,
Ведь — родная, хотя умерла, —
Защищает — сердечного, Сашку,
От обиды и боли, и зла...

Литературный институт конца 90-х.
Вечный студент, что сбегал с лекций —
к памятнику Есенина, и кормя московских
воробьев сладкою булкой, учился Поэзии.
Да! Это — Столицын.

И забылся сияющий Сашка,
Милой памятью, тенью храним:
Что с того, что живот и рубашка,
Если няня любимая — с ним?!

БЕЛЫЙ КИТ

Не хватает глубины
Белому киту:
Чуть нырнул... и сразу дно,
Лучше б — в высоту.

Там — манящие огни,
Мрак и глубина...
Ну, и главное! совсем
Никакого дна...

Он бы воздуха втя-а-анул,
Занырнул туда...
На мгновение одно...
Или — навсегда.

Белый-белый — в черноту,
Слиться с нею чтоб,
Чтоб до кончика хвоста
Продирал озноб...

Чтоб приблизиться ему —
К звездным огонькам,
Ведь поддастся чернота
Мощным плавникам.

Мелок нижний Океан...
Белому киту
Лучше б — в верхний занырнуть,
Лучше б — в высоту!

НЕБЕСНЫЕ ОВЦЫ

Ох, запрокинула башку
Смышленная овца:
Овечье стадо разбрелось
В далекой синеве...

Они — пушисты и белы, —
Сородичи ее...
Лениво движутся они
Неведомо куда.

Она им знаки подает,
Но бляенья овцы
Они не слышат, до того
Далекие они...

Бредут неведомо куда,
Кольшутся бока...
Их ветер трогает едва,
И Солнце золотит.

Они исчезнут без следа,
Уйдут за горизонт...
Овца с тоскою блеет вслед
Сородичам своим.

Небесным овцам до нее,
Конечно, дела нет...
Куда бредут они, зачем
И кто у них пастух?

ГЕЙША САКЕ СОГРЕЛА

Гейша sake согрела...
Робким своим дыханьем;
Ах, господин глотает...
Гейша глотает тоже...

Щеки ее краснеют,
Даже сквозь пудру видно,
Хочется гейше — ласки,
Хочется гейше — плакать.

Вот — господин целует
Гейшу, и сам не знает,
Как будет нежен, сладок
Их поцелуй последний...

Яду в sake насыпав,
Думала гейша — в смерти
Стать с господином — целой,
Жаркой, единой плотью.

«Мы — неразлучны!» — гейша
Чувствует боли в сердце,
Это — не яд пока что,
Это — ее желанье...

Гейша sake согрела...
Скоро sake остынет...
С гейшей, с ее любимым,
Скоро остынет, скоро...

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ РЕТРОСПЕКЦИИ. ТРУБА

Расхристанный, кудрявый,
С расхлябанным стихом...
Сереге не дождется —
Труба под потолком...

Конечно, нависа-а-ает,
Зовет — под потолок,
Мол, напрочь успокою,
Кудрявый дурачок...

Мол, сам тов. Троцкий —
Дотянется едва ль;
Трубе тихонько вторит
Серегина печаль...

А все-таки Серега...
Хотя и сук-кин сын,
Но он же у Расеи —
Единственный... один.

Нельзя ему — с трубою,
Нельзя — и на трубе;
Строчи, изнемогая
В бессмысленной борьбе.

Строчи! дерзай, Серега,
А чертова труба —
Досадная оплошность,
А вовсе не судьба!

УЛИТКА

Улитка прячет рожки...
Как листики дрожат,
С них капелька сорвется,
И — брызги полетят.

А может, и не рожки,
А голову втянуть?..
Остановить на время
Свой бесконечный путь.

Пожалуй, хватит рожек,
Ведь капелька всего...
На брызги разлетится, —
И больше ничего.

А капелька сверкает,
Красивая она...
Красивая настолько,
Что даже не страшна.

Придвинуться поближе
И рожки потянуть...
А в капельке и Солнце,
И бесконечный путь,

И Солнце, и улитка, —
Все в капельке одной,
Такой... такой огромной
И маленькой такой.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ. ВОДА

Ной пока...чнулся: волны
Мерно ковчег качают,
Ноя качают тоже...
Вместе с далеким Солнцем.

Кажется Ною: небо —
Та же вода, но сверху...
Вот и — качнулось Солнце,
Вот и — качнулись тучи.

Все — лишь вода, а ночью
Просто — вода чернеет,
Звезды — как будто рыбы,
Плещутся...

Все — лишь вода, и Ною
Трудно — дышать водою,
Трудно — в воде качаться,
В воду — шептать молитвы.

Больше земли не будет,
Будет — вода сплошная,
Сверху — вода! и снизу,
Только вода — повсюду.

Нет у воды — начала,
Ей — не кончатся вовсе...
Может, и Ной, бедняга,
Рыбою станет вскоре?!

ХОЗЯИН. ЖНЕЦ

Тает ледяное
Сердце у жнеца, —
Он впервые видит —
Общего отца...

От простого френча
Тянет — табаком;
Говорит Хозяин —
С маленьким жнецом?

Говорит негромко,
Глаз не отводя...
Огненные речи —
Бога и вождя...

Жать, не зная страха,
Именем его:
Есть — один Хозяин,
Больше — никого.

Жать чужие жизни...
Вот — удел жнеца;
И, конечно, верить,
Верить — до конца.

О, кивнул Хозяин —
Верному жнецу...
Жнец обычный — важен
Общему отцу!

МЁРТВЫЙ РЫБАК

Рыбацкая лодка —
И взад, и вперед,
А рыба-то в сети —
Никак не идет.

Рыбак все скучает,
А воды реки
Не ведают скуки,
Не знают тоски.

Бегут и — несут
На себе рыбака,
Рыбацкую лодку...
Несут облака...

Несут никуда,
Ниоткуда неся...
Хотя б на мгновенье
Застыть им нельзя.

А лодка, рыбак
И потеряя сеть —
С рекою сольются
Отныне и впредь.

Под Солнцем палящим
И желтой Луной
Рыбак будет вечно
Скучать над рекой...

Татьяна ШЕЙНА

Минск

СЕРПАНТИН

Это скалы, малыш. А по скалам ползёт дорога,
Анакондовым тесным кольцом их тела сжимая.
Кинестетики верят: дорогу нельзя потрогать,
Математики верят: дорога — одна прямая,

Археологи верят: рельеф её одинаков,
Эзотерики верят: все камни на ней — живые.
Это время, малыш: без разметок, следов и знаков.
Каждый шаг по нему мы проделываем впервые.

Путь наш — суть серпантин, утонувший
в густом тумане,
Задающий нам скорость — лети, забывая робость!
А поверишь в его прямоту - серпантин обманет,
А поверишь в его предсказуемость —
рухнешь в пропасть,

А поверишь в его эфемерность —
и лбом уткнёшься
В иссечённый морщинами лоб —
отзеркально-скальный.
А на камни взглянёшь —
и увидишь поток, унёсший
Тех, что общий с камнями язык до тебя искали.

Время — суть серпантин —
всех опасней и всех гуманней.
То, что нас не убьёт —
просто сделает нас большими.
Серпантин убегает — и тает в густом тумане...
...Я молюсь, чтобы путь твой, малыш,
пролегал к вершине.

Серым пеплом, чёрной сажей замело места,
Где сгорает, осыпаясь, зимней ночи ствол...
На безмолвие ловлю я одиночество —
По-другому одиночество не ловится.

Чьи-то помыслы — завистливо-недобрые —
Надрываются воронами горластыми:
Пристают к открытым ранам
грязным пластырем,
Копошатся то в затылке, то под рёбрами,

Лезут в душу с лестью приторно-прилипчивой.
Гнев внутри вскипает магмой — так и хлынул бы
След их вытравить — но ход завален глыбами
То ли вето, то ли просто норм приличия.

За вороньей жадной стаей птицу-Жар ищущу —
Откровений свет загадочно-таинственный —
И случайно обнаруживаю истину,
Наблюдая, как по чёрному пожарищу

Белой кошкой пробирается метелица:
Не страшны ей сажа-пепел — всё равно чиста...
На спокойствие делю я одиночество —
По-другому одиночество не делится.

МЕДИТАТИВНОЕ

1

Зачем — о глобальном зле, о вселенской лжи —
Горланить до хрипоты и лезть на рожон?
Тебя окружает то, что ты заслужил.
Тебя заслужили те, кем ты окружён.

«К себе» — «из себя» — а третьего не дано.
Не можешь определиться — не обессудь.
Чем тише вода, тем отчётливей видно дно.
Чем меньше внутри суеты, тем яснее суть.

Улитки ползут по склонам великих гор.
Улитка горе не скажет: «Ползи ко мне!».
Желаешь постичь астральный аргумент Богов —
Сначала осиль язык тишины камней.

2

Сопричастность истокам: извечное, давнее,
Отражая реальность, приходит во сне.
Мы — всего лишь осколки зеркал мироздания.
Не тускней.

Юрий ШКУРКО

Харьков

АНЕМОНА ИМЕНИ

ну вот такие цветочки
куда там Франциску
звери не врут и
на работу не бегут
каждое дерево знает свое место
только человек
эта немощь бледная
лепечет лепесток
через запад на восток

три стаканчика
закружил
весенний вихрь

отвожу взгляд
от ярких ленточек
прошлогодние листья

ну вот
и весну спугнули
громкие голоса

ВОДА на 80% — новорожденный, до 58% —
в глубокой старости.
мы просто высыхаем.

С ЛОВА РЕКИ

можно и поговорить
чем ты хуже воды?
пусть рыбы услышат и откроют рты
эту музыку ворованную у реки
память мяты и ты один
сидишь у поворота
незаметно высыхают дни
однажды дважды войдя
улетай навсегда
в облачный край

Ей, нелюбимой, верится
В сказки и Рождество,
Только не гнутся линии,
Вере ее назло

Шкалик-неразливашечка,
Сладкое забытье,
Как ни рулит течение,
Так и проспишь на дне

3.

Машенька ждет - ангел придет;
Глянет в лицо, сдует пылью
С блеклых волос, матовых щек.

Машенька ждет - ангел придет;
Голос его — тихий мотив,
Будет знаком ангельский лик.

Машенька ждет — ангел прядет
Нить серебра, нить полотна,
С каждой души будет рядно.

4.

Мамочка-кукушечка, покорми меня.
Над седыми душами вечер января,
За окном качается ветки тонкий мост,
На дорожках елочный слышен зябкий хруст.

Где плутаешь мыслями, наяву твой сон,
Время, время тянется в омуте окон.
Буду нежно, тихонько длань твою качать;
Спи, моя хорошая, золотая мать.

На века повязаны тень и поводырь,
В полынье безумия шепоты воды.
Глаз твоих холодная голубая гладь.
Спи, моя хорошая, вечность буду ждать.

5.

Если спрятаться в шкафу,
Головой уткнувшись в платя,
То не слышно больше плача,
Нужно только потерпеть

Если спрятаться в шкафу,
В коммунальной темной ванной,
То мешать не будешь маме
Допоздна одной сидеть

Пусть чудовища придут,
Не страшней, чем пьяный отчим,
Я, от них спасаясь срочно,
Натяну на ноги плед

Мира узенькая щель,
Розовеет день в окошке,
Но, зато, за дверцей можно
Стать невидимым для бед.

6.

Дай нам память мягких снов;
Дай нам тело сто оков;
Будут ангелы хранить -
Души по миру ходить.

Нас беседой бесы тешат;
Языка плутает леший.
Кто-то вниз, а кто — вперед,
Кто не помнит — тот ведет

Нам сотри тугую память,
Боже, Боже, не оставь нас.
Предначертанность судьбы,
Предсказательность воды —

На кольце кофейной чашки
Символы мешай почаще.
Будет рыжая зола,
Белым пухом два крыла,
Непроторенность дорог,
Недосказанным урок.

ПЕРЕВОДЫ

Елена АМБЕРОВА

Харьков

Н. Н. Munro A Touch of Realism

«I hope you've come full of suggestions for Christmas,» said Lady Blonze to her latest arrived guest; «the old-fashioned Christmas and the up-to-date Christmas are both so played out. I want to have something really original this year.»

«I was staying with the Mathesons last month,» said Blanche Boveal eagerly, «and we had such a good idea. Every one in the house-party had to be a character and behave consistently all the time, and at the end of the visit one had to guess what every one's character was. The one who was voted to have acted his or her character best got a prize.»

«It sounds amusing,» said Lady Blonze.
«I was St. Francis of Assisi,» continued Blanche; «we hadn't got to keep to our right sexes. I kept getting up in the middle of a meal, and throwing out food to the birds; you see, the chief thing that one remembers of St. Francis is that he was fond of

Трішки реалізму Г.Г. Манро (переклад Е. Амберової)

— Сподіваюсь, ви прийшли з повними кишнями ідей стовно Різдва, — сказала Леді Блонз своїй гостеві, що прибула останню; — як старомодне так и сучасне Різдва вже зовсім зжили себе. Цього року я хочу чогось, насправді, оригінального.

— Я гостила у Матесонів останнього місяця, — палко сказала Бланш Бовеаль, — та в нас народилася дуже цікава ідея. Кожен з присутніх гостей мав обрати для себе персонаж й увесь час поводитися відповідно своїй ролі, а наприкінці візиту всі мали вгадати персонажів. Той, хто за голосуванням виявлявся найкращим виконавцем персонажу, отримував нагороду.

— Це лунає потішно, — сказала Леді Блонз.

— Я була Святим Франциском з Ассісі,
— продовжувала Бланш; — ми не мали до-тримуватись своєї справжньої статі. Я постійно

the birds. Every one was so stupid about it, and thought that I was the old man who feeds the sparrows in the Tuileries Gardens. Then Colonel Pentley was the Jolly Miller on the banks of Dee.»

«How on earth did he do that?» asked Bertie van Tahn.

«He laughed and sang from morn till night,» explained Blanche.

«How dreadful for the rest of you,» said Bertie; «and anyway he wasn't on the banks of Dee.»

«One had to imagine that,» said Blanche.

«If you could imagine all that you might as well imagine cattle on the further bank and keep on calling them home, Mary-fashion, across the sands of Dee. Or you might change the river to the Yarrow and imagine it was on the top of you, and say you were Willie, or whoever it was, drowned in Yarrow.»

«Of course it's easy to make fun of it,» said Blanche sharply, «but it was extremely interesting and amusing. The prize was rather a fiasco, though. You see, Millie Matheson said her character was Lady Bountiful, and as she was our hostess of course we all had to vote that she had carried out her character better than anyone. Otherwise I ought to have got the prize.»

«It's quite an idea for a Christmas party,» said Lady Blanche; «we must certainly do it here.» Sir Nicholas was not so enthusiastic. «Are you quite sure, my dear, that you're wise in doing this thing?» he said to his wife when they were alone together.

«It might do very well at the Mathesons, where they had rather a staid, elderly house-party, but here it will be a different matter. There is the Durmot flapper, for instance, who simply stops at nothing, and you know what Van Tahn is like. Then there is Cyril Skatterly; he has madness on one side of his family and a Hungarian grandmother on the other.»

«I don't see what they could do that would matter,» said Lady Blanche.

«It's the unknown that is to be dreaded,» said Sir Nicholas. «If Skatterly took it into his head to represent a Bull of Bashan, well, I'd rather not be here.»

«Of course we shan't allow any Bible characters. Besides, I don't know what the Bulls of Bashan really did that was so very dreadful; they just came round and gaped, as far as I remember.»

«My dear, you don't know what Skatterly's Hungarian imagination mightn't read into the part; it would be small satisfaction to say to him afterwards: 'You've behaved as no Bull of Bashan would have behaved.'»

«Oh, you're an alarmist,» said Lady Blanche; I particularly want to have this idea carried out. It will be sure to be talked about a lot.»

«That is quite possible,» said Sir Nicholas.

Dinner that evening was not a particularly lively affair; the strain of trying to impersonate a self-imposed character or to glean hints of identity from other people's conduct acted as a check on

вставала посеред приймання їжі та годувала птахів; розумієте, головне, що всі пом'ятають про Святого Франциска це те, що він обожнював птахів. Всі були такі дурні, ніхто з них так і не зрозумів нічого, всі вважали мене старим, що годує горобців в Саду Тюільрі. Потім полковник Пентлі був Джолі Міллером з берегів річки Ді.

— Як, дідько, він це зробив? — запитав Берті ван Тан.

— «Він сміявся та співав з ранку до ночі», — пояснила Бланш.

— Як це жакливо для решти з вас, — сказав Берті; — та як би там ні було, він не був на берегах Ді.

— Ми мали це уявити, — сказала Бланш.

— Якщо ви могли уявити все це, ви, з таким же успіхом, могли б уявити худобу на дальньому березі та безперервно кликати їх до дому, як Марі, поверх пісків Ді. Чи ви могли б змінити річку на Ярроу та уявити, що його води накрили вас з головою, та сказати, що ви Віллі, чи хто там був, хто втопився в Ярроу?

— Звісно, це легко насміхатися над цим, — сказала Бланш різко, — але це було надзвичайно цікаво та потішно. Хоча справа з нагородою потерпіла фіаско. Розумієте, Міллі Матесон сказала, що її персонажем була Леді Баунтіфул, і тому що вона була господаркою прийому, звісно, нам усім прийшлося проголосувати за те, що вона виконала свого персонажа краще за всіх. У протилежному разі я б мала здобути цю нагороду.

— Яка влучна ідея для святкування Різдва, — сказала Леді Блонз; — ми, безумовно, маємо зробити це тут.

Сер Ніколас не захопився цією ідеєю.

— Ті повністю впевнена, люба моя, що в тебе є здібності робити такі речі?, — сказав він дружині, коли вони залишилися наодинці. — Це може дуже добре працювати у Матесонів, де вони влаштували урівноважений, старомодний домашній прийом, але в нашому випадку це зовсім інша річ. Наприклад, ця торохтійка Дюмонт, яку ніщо на світі не зупинить, до того ж, ти знаєш, що з себе представляє Ван Тан. Потім, цей Сіріл Скаттері; він збожеволів, з одного боку на своєї родині, а з іншого — на своєї угорській бабусі.

— Не бачу нічого, щоб вони могли зробити такого, що могло б мати якийсь вплив, — сказала Леді Блонз.

— Ми ніколи не знаємо, чого слід жакатися, — сказав Сер Ніколас. — Якщо б Скаттері прийшла на думку ідея зображати буйвола з Башана, я б не хотів бути поряд.

— Звісно, ми не дозволимо зображати біблейських персонажів. До того ж, я не знаю, що такого дійсно жакливого робили буйволи з Башана; вони лише підійшли та дивилися, роззявивши рота, наскільки я пам'ятаю.

the natural festivity of such a gathering. There was a general feeling of gratitude and acquiescence when good-natured Rachel Klammerstein suggested that there should be an hour or two's respite from «the game» while they all listened to a little piano-playing after dinner. Rachel's love of piano music was not indiscriminate, and concentrated itself chiefly on selections rendered by her idolised offspring, Moritz and Augusta, who, to do them justice, played remarkably well.

The Klammersteins were deservedly popular as Christmas guests; they gave expensive gifts lavishly on Christmas Day and New Year, and Mrs. Klammerstein had already dropped hints of her intention to present the prize for the best enacted character in the game competition. Every one had brightened at this prospect; if it had fallen to Lady Blonze, as hostess, to provide the prize, she would have considered that a little souvenir of some twenty or twenty-five shillings' value would meet the case, whereas coming from a Klammerstein source it would certainly run to several guineas.

The close time for impersonation efforts came to an end with the final withdrawal of Moritz and Augusta from the piano. Blanche Boveal retired early, leaving the room in a series of laboured leaps that she hoped might be recognised as a tolerable imitation of Pavlova. Vera Durmot, the sixteen-year-old flapper, expressed her confident opinion that the performance was intended to typify Mark Twain's famous jumping frog, and her diagnosis of the case found general acceptance. Another guest to set an example of early bed-going was Waldo Pluble, who conducted his life on a minutely regulated system of time-tables and hygienic routine. Waldo was a plump, indolent young man of seven-and-twenty, whose mother had early in his life decided for him that he was unusually delicate, and by dint of much coddling and home-keeping had succeeded in making him physically soft and mentally peevish. Nine hours' unbroken sleep, preceded by elaborate breathing exercises and other hygienic ritual, was among the indispensable regulations which Waldo imposed on himself, and there were innumerable small observances which he exacted from those who were in any way obliged to minister to his requirements; a special teapot for the decoction of his early tea was always solemnly handed over to the bedroom staff of any house in which he happened to be staying. No one had ever quite mastered the mechanism of this precious vessel, but Bertie van Tahn was responsible for the legend that its spout had to be kept facing north during the process of infusion.

On this particular night the irreducible nine hours were severely mutilated by the sudden and by no means noiseless incursion of a pyjama-clad figure into Waldo's room at an hour midway between midnight and dawn.

«What is the matter? What are you looking for?» asked the awakened and astonished Waldo,

— Люба моя, ти не знаєш, що угорська уява Скаттера змогла б припустити для своєї ролі; для мене було б маленьким задоволенням сказати йому після: «Ти поведився так, як жоден буйвіл з Башана ніколи б не поведився б.

— О, ти такий панікер, — сказала Леді Блонз; — я надзвичайно хочу, щоб ми втілили цю ідею. Це, безумовно, буде багато обговорюватися.

— Це цілком можливо, — сказав Сер Ніколас.

Банкет у той вечір не можна було назвати надзвичайно веселим; напрута від старань зобразити добровільно обраного персонажа чи, збираючи по крупницях деталі поведінки інших людей, ідентифікувати їх персонажів, заважала природній веселості подібних збирань. Всі відчули загальне відчуття подяки й мовчазної згоди, коли після банкету доброзичлива Речел Кламмерстейн запропонувала зробити перепочинок на годину чи дві, щоб відпочити від «гри» та послухати гру на фортепіано. Любов Речел до фортепіанної гри не була невибагливою, та зосереджувалась, переважно, на музичних творах, що виконували її обожнювані нащадки, Морітц та Агуста, які, треба віддати їм справедливість, грали надзвичайно добре.

Родина Кламмерстейн користувалася заслуженою популярністю в якості гостей на Різдво; вони щедро дарували коштовні подарунки на Різдво та Новий Рік, й Місіс Кламмерстейн вже натякнула про свій намір подарувати нагороду найкращому виконавцю свого персонажу в цьому змаганні-грі. Кожен розквітнув від цієї перспективи; якщо б випало б на Леді Блонз, як господиню дому, забезпечити нагороду, вона б, обміркувавши, вирішила б, що маленький сувенір ціною в 20-25 шилінгів повністю відповідає обставинам, тоді як, якщо нагорода прийде з джерел родини Коммерстейн, вона, напевно, може коштувати декілька гіней. Час закінчення артистичних зусиль підійшов к кінцю, і Морітца з Агустою забрали від роялю. Бланш Бовеаль пішла рано. Покидаючи кімнату, вона зробила декілька важких стрибків, сподіваючись, що їх можна буде прийняти за стерпну імітацію Павлової. Віра Дюрмот, шістнадцятирічна базіка, виразила упевнену думку, що цей виступ був призначеним символізувати відому стрибаючу жабу Марка Твена, та її оцінка цього випадку зустріла загальне схвалення. Іншим гостем, що надав прикладу раннього лягання у ліжку, був Уальдо Плаблі, що проводив життя згідно регульованої по хвиликах системі розкладів та гігієнічних процедур. Уальдо був пухлим, ледачим парубком двадцяти семи років, чия мати ще на початку його життя вирішила, що він є надзвичайно витонченим, та завдяки зайвому пестуванню та утриманню його в домі, зуміла зробити з нього фізично м'яку та

slowly recognising Van Tahn, who appeared to be searching hastily for something he had lost.

«Looking for sheep,» was the reply.

«Sheep?» exclaimed Waldo.

«Yes, sheep. You don't suppose I'm looking for giraffes, do you?»

«I don't see why you should expect to find either in my room,» retorted Waldo furiously.

«I can't argue the matter at this hour of the night,» said Bertie, and began hastily rummaging in the chest of drawers. Shirts and underwear went flying on to the floor.

«There are no sheep here, I tell you,» screamed Waldo.

«I've only got your word for it,» said Bertie, whisking most of the bedclothes on to the floor; «if you weren't concealing something you wouldn't be so agitated.»

Waldo was by this time convinced that Van Tahn was raving mad, and made an anxious effort to humour him.

«Go back to bed like a dear fellow,» he pleaded, «and your sheep will turn up all right in the morning.»

«I daresay,» said Bertie gloomily, «without their tails. Nice fool I shall look with a lot of Manx sheep.»

And by way of emphasising his annoyance at the prospect he sent Waldo's pillows flying to the top of the wardrobe.

«But why no tails?» asked Waldo, whose teeth were chattering with fear and rage and lowered temperature.

«My dear boy, have you never heard the ballad of Little Bo-Peep?» said Bertie with a chuckle. «It's my character in the Game, you know. If I didn't go hunting about for my lost sheep no one would be able to guess who I was; and now go to sleepy weeps like a good child or I shall be cross with you.»

«I leave you to imagine,» wrote Waldo in the course of a long letter to his mother, «how much sleep I was able to recover that night, and you know how essential nine uninterrupted hours of slumber are to my health.»

On the other hand he was able to devote some wakeful hours to exercises in breathing wrath and fury against Bertie van Tahn.

Breakfast at Blonzecourt was a scattered meal, on the «come when you please» principle, but the house-party was supposed to gather in full strength at lunch. On the day after the «Game» had been started there were, however, some notable absentees. Waldo Plubley, for instance, was reported to be nursing a headache. A large breakfast and an «A.B.C.» had been taken up to his room, but he had made no appearance in the flesh.

«I expect he's playing up to some character,» said Vera Durmot; «isn't there a thing of Moliere's, 'Le Malade Imaginaire'? I expect he's that.» Eight or nine lists came out, and were duly pencilled with the suggestion.

сварливу людину. Дев'ять годин повноцінного сну, який має передуватися складними вправами дихання та іншими гігієнічними процедурами були необхідними правилами, що Уальдо сам собі нав'язав, також там були незлічені маленькі дотримання, яких він вимагав від тих, хто хоч у якомусь сенсі був зобов'язаним виконувати його вимоги; особливий чайник для відварювання його раннього чаю завжди урочисто передавався покоївкам будь-якої домівки, в якій йому доводилося зупинятися. Ніхто ніколи так й не оволодів механізмом цієї дорогоцінної посудини, але Берті ван Тан був відповідальним за легенду, що її носик має бути поверненим на північ під час процесу вливання.

В саме цю особливу ніч його обов'язкові дев'ять годин мінімального сну були спотворені раптовим, та ні в якому разі не безшумним, вторгненням в його кімнату одягненої у піжаму фігури, десь між полуніччю та світанком.

— Що трапилося? Що ви шукаєте? — запитав пробуджений та вражений Уальдо, повільно впізнавши Ван Тана, який, здавалося, поспішно шукав щось загублене.

— Я шукаю вівцю, — була відповідь.

— Вівцю? — скрикнув Уальдо.

— Так, вівцю. Ви ж не вважаєте, що я шукаю жирафів, чи не так?

— Я також не розумію, чому ви вважаєте, що знайдете це в моєї кімнаті, — заперечив Уальдо розлючено.

— Я не можу сперечатися з цього приводу в такий час ночі, — сказав Берті та поспішно почав обшукувати комод. Сорочки та натільна білизна полетіли на підлогу.

— Тут немає вівці, кажу ж вам! — заверещав Уальдо.

— Це лише ваші слова, — сказав Берті, змахуючи більшість білизни на підлогу; — якщо б ви не приховували чогось, ви б не були таким збудженим.

К цьому часу Уальдо був вже упевненим, що Ван Тан збожеволів, та зробив схвильоване зусилля пожартувати над ним.

— Повертайтеся до свого ліжка як добрий хлопець, — благав він, — та ваша вівця повернеться з ранку.

— Вважаю, — сказав Берті похмуро, — без їхніх хвостів. Яким же дурнем я буду виглядати с купою менських овець.

Та щоб підкреслити свою роздратованість цією перспективою він закинув подушку Уальдо на шафу.

— Але чому без хвостів? — запитав Уальдо, у якого зуби стукотіли від страху та гніву й холоду.

— Мій дорогий хлопчику, невже ви ніколи не чули балади про Маленького Ку-Ку? — запитав Берті, фirkнувши. — Це мій персонаж в грі, розумієте. Якщо б я не натякнув про мою загублену вівцю, ніхто б не зміг би зрозуміти, хто я;

«And where are the Klammersteins?» asked Lady Blonze; «they're usually so punctual.»

«Another character pose, perhaps,» said Bertie van Tahn; «'the Lost Ten Tribes.'»

«But there are only three of them. Besides, they'll want their lunch. Hasn't anyone seen anything of them?»

«Didn't you take them out in your car?» asked Blanche Boveal, addressing herself to Cyril Skatterly. «Yes, took them out to Slogberry Moor immediately after breakfast. Miss Durmot came too.»

«I saw you and Vera come back,» said Lady Blonze, «but I didn't see the Klammersteins. Did you put them down in the village?»

«No,» said Skatterly shortly.

«But where are they? Where did you leave them?»

«We left them on Slogberry Moor,» said Vera calmly.

«On Slogberry Moor? Why, it's more than thirty miles away! How are they going to get back?»

«We didn't stop to consider that,» said Skatterly; «we asked them to get out for a moment, on the pretence that the car had stuck, and then we dashed off full speed and left them there.»

«But how dare you do such a thing? It's most inhuman! Why, it's been snowing for the last hour.»

«I expect there'll be a cottage or farmhouse somewhere if they walk a mile or two.»

«But why on earth have you done it?»

The question came in a chorus of indignant bewilderment.

«That would be telling what our characters are meant to be,» said Vera.

«Didn't I warn you?» said Sir Nicholas tragically to his wife.

«It's something to do with Spanish history; we don't mind giving you that clue,» said Skatterly, helping himself cheerfully to salad, and then Bertie van Tahn broke forth into peals of joyous laughter.

«I've got it! Ferdinand and Isabella deporting the Jews! Oh, lovely! Those two have certainly won the prize; we shan't get anything to beat that for thoroughness.»

Lady Blonze's Christmas party was talked about and written about to an extent that she had not anticipated in her most ambitious moments. The letters from Waldo's mother would alone have made it memorable.

[<http://www.online-literature.com/hh-munro/1902/>]

а зараз ходіть до своїх сонних хникань як хороший хлопчик, або я розлучусь на вас.

«Залишаю це твоєї уяві», — писав Уальдо у довгому листі до своєї матері, «зрозуміти скільки годин сну я зміг повернути собі тієї ночі, а ти знаєш, як важливі для мого здоров'я дев'ять годин непорушного сну».

З другого боку він зміг присвятити декілька з безсонних годин вправам з дихання, видихаючи гнів та лють проти Берті Ван Тану.

Сніданок в подвір'ї родини Блонц був розкиданим у часі та базувався на принципі «Приходьте, коли вам заманеться», але вважалося, що всі гості зберуться к ленчу. Однак наступного дня після того, як започаткували гру було декілька видатних відсутніх. Про Уальдо Плаблі, наприклад, повідомляли, що він пестував свій головний біль. В його кімнату принесли ситного сніданку та залізничного путівника, але він не з'явився.

— Вважаю, що він зображує якийсь персонаж, — сказала Віра Дюмонт; — Хіба нема такого у Мольєра? «Уявний хворий»? Вважаю, це його персонаж.

Надійшло вісім чи дев'ять переліків, з написаними належним чином припущеннями.

— А де Кламмерстейни? — запитала Леді Блонз; — Вони, звичайно, такі пунктуальні.

— Ще одне зображення персонажів, можливо, — сказав Берті Ван Тан; — «Загублені племена».

— Але їх тільки троє. До того ж, вони хочуть пообідати. Хтось бачив кого-небудь з них?

— Хіба ви не брали їх на прогулянку в своєму авто? — запитала Бланш Бувеаль, адресуєчись до Сіріл Скаттерлі.

— Так, я відвезла їх до Слогбері Муру одразу ж після сніданку. Місіс Дюмонт також поїхала з нами.

— Я бачила, як ви з Вірою повернулися, — сказала Леді Блонз, — але я не бачила Кламмерстейнів. Ви залишили їх у містечку?

— Ні, — різко відповіла Скаттерлі.

— Але де вони? Де ви їх висадили?

— Ми залишили їх в Слогбері Мур, — спокійно сказала Віра.

— В Слогбері Мур? Як! Це ж більше ніж в тридцяти милях від сюди! Як вони збираються повернутися?

— Ми не зупинялися, щоб обміркувати це, — сказала Скаттерлі; — ми попросили їх вийти з машини на хвилинку, прикинувшись, що машина застрягла, а потім ми понеслися від них геть на повній швидкості й залишили їх там.

— Але як ви наважилися зробити такі речі? Це неймовірно безжалісно! Як! Всю останню годину йде сніг.

— Я вважаю, що там знайдеться котедж чи фермерський будинок, якщо вони пройдуть пішки милоу чи дві.

— Але чому, дідько, ви зробили це? В питанні пролунало почуття обуреного замішання.

— Це змогло б пояснити, що позначають наші персонажі, — сказала Віра.

— Хіба я тебе не попереджав? — сказав сер Ніколас дружині трагічним тоном.

— Це стосується Іспанської історії, ми не маємо нічого проти того, щоб дати вам цю підказку, — сказала Скаттерлі, радісно накладаючи собі салату, й тоді Берті Ван Тан зайшовся сміхом.

— Я зрозумів! Фердінанд та Изабелла, що депортують євреїв! О, як це чарівно! Ці двоє, безумовно, одержали перемогу; ми не маємо нічого, щоб могло перевершити їхню досконалість.

Про Різдвяну вечірку у Леді Блонз говорили та писали так багато, як вона не очікувала навіть під час найбільш амбітних моментів свого життя. Навіть тільки листи від матері Уальдо могли б зробити цю подію незабутньою.

Елена БУЕВИЧ

Черкассы

ПРОСЫПАЮСЬ, ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ

*Стихи современных сербских поэтов
в переводах Елены БУЕВИЧ*

Данило ЙОКАНОВИЧ

ГРАЧАНИЦА

Как тебя из слов построить, Грачаница,
чтобы умилиться, а не отчаяться?

Чтобы никогда не терять из виду
со стены глядящую Симониду.

Чтобы подсобили святые сербские
понести Грачаницу с собой, в сердце и

чтоб по всей земле изможденным жаждою
нёс свою Грачаницу — каждый, каждому...

ЛИЛИЯ

Кувшинка
всплывшая
со дна
улыбка
утопленника

Его причины
и мои
просчёты
под темной
водой

ОБ УХОДЕ

Идёшь на свет
а за тобою
тень
разматывается
как
ковёр

Картинно живописую
твой уход
а ты думаешь
ушла
это всего лишь
встать
и уйти

Тень за тобой
разматывается
до сих пор...

Слободан МАРКОВИЋ

ОДНАЖДЫ В ГОРОДЕ

Однажды в городе, неведомо каком,
ты обретёшь уютный, тёплый дом,

где вид из окон сказочно бездонн,
а комнаты лелеют детский сон.

А я? Не спрашивай, ответ мы не дадим.
Там я уже не буду молодым.

И если вдруг мы встретимся с тобой,
всё будет по-другому, боже мой!

Однажды в городе — неведомом, ночном,
засветится окном твой тёплый дом.

Джордже НЕШИЧ**ОКНО,
В КОТОРОМ ТЕЧЁТ ДУНАЙ**

Когда распустится вязь земная,
и пораженьям наступит край,
хотел бы стать я, не исчезая,
окном, в котором течёт Дунай.

Чтоб сквозь меня устремлялись взгляды
дорожкой лунной, чей путь далёк —
по водной шире, по синей глади,
на берег Бачки, где тополёк.

Чтоб вечерами спускались зори,
запотевало стекло окон,
и детский пальчик чертил узоры
на сон грядущий, на мирный сон.

Хотя б на вечер побыть мне дай
окном, в котором течёт Дунай!

Светислав СТОЯНОВИЧ**КОСОВО МОЁ**

каждый день тоскую по тебе
каждую ночь

днем — ты моя луна
ночью — ты мое солнце

в первый раз ты явилось мне
во сне наших предков

второй раз
мое сновидение
вошло в каждый наш
храм православный

с тех пор
нахожу тебя на иконах
моего святителя
«на мех ободранного*» Феодора Вршацкого

свеча зажженная тебе
освещает мой путь

узнаю его —
предки стоят по краям
указывают
как мне найти
свое место
в бесконечной колонне
сербов-крайпуташей*

** Святой Феодор Вршацкий был епископом (Северная Сербия, Воеводина) и одним из предводителей Банатского восстания. Владыка погиб мученической смертью — темишоарский паша приказал содрать с него, живого, кожу — «ободрать на мех».*

*** Крайпуташаи — придорожные памятники, посвященные солдатам, похороненным в далеких странах или тем, чьи могилы неизвестны.*

хочу
во сне
держатъ тебя за руку
и хочешь ты
во сне
меня поцеловать
а утром
это все уже не помнится
одно лишь:
кто-то есть
огромнее
небес

Никола ПАРИПОВИЧ**ПОЭТИКА
ГАВРИЛЫ ПРИНЦИПА**

За Балканскую юную кровь —
В липкий старческий сон империи

За певучий наш юг —
В задумчивый север

За лирический пыл —
В вашу логику

Ради жизни —
В небытие

Стреляю!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Усни в моей берлоге, как на корнях мох —
так в безударном слоге звук, тая, изнемог.

Уединившись втайне, не слышит мир мудрец,
Так спаянные, в спальне, уснем мы, наконец.

Покачиваясь в лад, как звоночек у крыльца,
с чудесною догадкой о том, что нет конца.

Деян ДЖОРДЖЕВИЧ

ПРОСЫПАЮСЬ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ЛЮБИТЬ...

Просыпаюсь
ради взгляда в синь,
ради головокружительного окоёма,
в котором пропадаю.
Неужели?
Просыпаюсь
ради того, что вырисовывается
и что можно стереть.
Просыпаюсь
ради твоих шагов,
к которым прислушиваюсь,
потому что знаю —
ты придешь,
ради ладоней,
покрывающихся капельками пота
от одного лишь помысла.
Просыпаюсь
со стихом,
с твоим голосом,
со страхом,
что больше не приснишься,
просыпаюсь,
чтобы тебя любить.

Душица МРДЖЕНОВИЧ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Усни чтоб тебе приснился
твой сербский
город
лишь ночь сокроет все
что ты видела
прежде

приснятся тебе тротуары,
фонтаны и парки
и льющийся шелест берез
ласкающий душу
будто молитва

приснится июльская тень
что смиряет тревогу
порог, за который ты ступишь,
кровать, на которой проснешься
под звон колокольный
в том городе
утром

и вспомнишь с улыбкой
свой сон
давний-давний

Столько тревог
остались в наших глазах
незамеченными.

Мы загнали свои желания
в тесное пространство
грудной клетки

и содрогается...
Изображая жизнь.

Радмила ЛАЗИЧ

МЕТАФИЗИКА СУМЕРЕК

Поздно учить своё сердце.
Азбука страдания затвержена наизусть.
Проверяю ее на себе.
Жизнь знает больше, чем Сивилла...

Время остановилось. Есть ли блаженство
в проходящем?
Действительность напоминает свитер,
траченный молью —

это стихи.
Но жизнь все равно плетётся,
Как порченная девчонка,
Удачно выскочившая замуж,
Но хранящая в сердце
Язвы воспоминаний —
Летопись медных труб, огня и воды...
Всё это напрасные и нездоровые попытки,

Дмитрий ЖУКОВ*Харьков*

Перед вами, собственно говоря, вовсе не переводы. Автор совершенно свободно пишет и по-русски, и по-английски. Вам же предстоит просто сравнить английские и русские стихи Дмитрия Жукова.

OUR FINE DREAM

This hopeful sky and land of sorrow
 Are like the two halves intertwined:
 Which one of us is light?
 Which one of us is night?

It doesn't matter anyway,
 As we aren't poles asunder
 You're my sunshine,
 You're my twilight sky!

I like this rain
 When we're sauntering alone
 Admiring the songs of drops.
 We know that tomorrow
 Will welcome us again
 And all vain sorrow
 Will go away, just go away!

Each day we go against
 The raging river's current.
 And every night
 We keep on wandering around
 In the night of total darkness.

ЗЕМЛЯ — БОЖЬЯ ПЕЧАЛЬ

В сердце застыла печаль,
 В глазах застыл пейзаж.
 Мне полюбился он давно
 И в нём я возрождался всякий раз,
 Когда надежда угасала в сердце;
 Душа же разрывалась от тоски.
 Из боли, словно меч,
 Я выкован руками бога
 В той кузне, названной людьми —
 Небесный Свод.
 Я — меч в руках господних!
 Из горней стали моё сердце,
 Что бьётся всякий раз,
 Когда его могучая рука
 Сжимает гневно рукоять.
 И бьёт! И бьёт!
 О сталь! О сталь
 Ломается печаль и боль
 И бога, и меча.
 И разгорается в душе костёр опять,
 И снова битва разливается огнём
 В измученных руках.
 И бьёт рука о сталь,

Our boat of life heads towards
To the indiscernible tomorrow.
In search of paradise
We stake our love and lives.

What lies ahead is still concealed,
But none of us concede defeat.
And none of us will ever lose our way
As we don't go astray.

We're the halves of one and whole!
We'll never lose our faith
In what's ahead of raging stream.
And trail of falling cherry-petals
Still shows us the way.

Together we approach
Our cherished dream.
Each time a gentle kiss of light
Caress your graceful face
I know again:
Our dream is not so senseless
And naïve...

Our way is paved
With joyous asking to the gods.
Our dream will never die,
As I'm always by your side.

SYMPHONY OF DEATH

Dreams turn to ashes,
Hopes tragically die...
Winds bring the desert's grains
And cover extra mile.

The piano keys
Announce final verdict.
The gulf yawns bad
Revealing aching void.

The sky sobs violently,
The winds against the oceans clash!
As someone strikes the final chords,
The greater castle down falls!

Within its walls a greater king,
And all his loyal servants
Abandoned him.
He's now all alone...

The rendezvous with death is close.
The imminent and desperate duel!
The heart pumps fast,
The breath gets frequent!

И взор пылает болью и тоской
Меча и бога-кузнеца.
А звёзды падают с небес дождём безумным
И гаснет всё, когда господняя рука
Пронзает плоть земли.
Безумное, восставшее дитя,
Опомнись же, очнись!
Ты ярость бога пробудила
И навлекла ужасную беду.
Проси прощения, проси...
Пощады попроси!
Раскайся и моли. Не лги
Ни мне, ни Богу.
Бог в гневе — сущий сатана!
Он в гневе станет хуже бури,
И армий злых и кровожадных.
Покайся же, и наказание прими.
Пусть карой станет даже смерть,
Земля, не бойся, не страшись!
Ведь смерть тебя очистит, возродит,
И ты предстанешь чистой перед Богом.
Ты вновь, Земля, предстанешь
Девственной, безгрешной и прекрасной.
Такою ты была однажды,
Такою станешь вновь!
Лишь только попроси, покайся...

ВЕТЕР, СЛЁЗЫ, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Голос мой светом золотым рассвета разольётся
И разнесётся ветром сильным
и свободным по земле родной,
И пронесётся ветер над пустыней
горячей и сухой.
И там, где караван брёл в поисках воды,
И там, где зёрна золотые просыпались —
они остались ждать...
Их ветер сильный и свободный подобрал
заботливой рукой,
И дорогие сердцу зёрна золотые
прочь забрал из гибельного края.
Заботливой рукой уложит ветер
нежно золотые зёрна в землю мягкую,
И как заботливый отец укроет тёплым одеялом.
Раздастся громом громким голос
в небе ясно голубом,
И щедро тучи слёзы радости прольют
на землю, жаждущую влаги.
Взрастит земля, заботливая мать,
те золотые зёрна,
Что сеял ветер, а небо щедро орошало влагой.
Взойдут детьми с очами голубыми
и золотыми волосами,
Взойдут, поднимутся на горы и пойдут лесами.

Александр КОНОПЛЯ

пос. Буды, Харьковская обл.

Конопля Олександр народився в селищі Буди (Харківська область). Закінчив фізико-технічний факультет Харківського політехнічного інституту. Працює у ВАТ «Турбоатом» інженером. Окремі вірші публікувалися у часописах «Нева», «Крещатик», «Берега Тавриды», «Славянин», «Склянка Часу», «Ренессанс», «Лава» та ін. Автор поетичних збірок: «Спрятанный рас-свет», «Богородице», «И шагаю с молитвою к дому», «I це життя просте і справжнє». Вірші пише російською і українською мовами. Прозаїчні твори публікувалися у журналі «Лава», на сайтах «СТИХИ. ПРО», «Оми-лия», «Свой вариант». Член Міжнародного клубу православних літераторів «Омилия».

ІЗ АНДРІЯ ЛИННИКА

Містерія Зими

Безумне мигтіння сніжинок,
Танок мерехтливих примар,
Ліхтар, наче зігнутий інок,
Що в келії тихо дріма.

І вітру захриплого пісня,
Завії стрімка течія.
Нема в цій містерії місця
Людині. Та бозна, хто я...

Замети мигтять і синіють,
Гойдаються лапи гілок.
І ось вже здається, що ніби
Примара я! ...Скрізь намело...

А місяця око червоне
З-під хмари-повіки горить.
Загроза якась невгомона
Від місяця — душу ятрить.

А холод міцнішає нишком.
Навколо — нема ні душі.
Лиш гавкне собака — облишив
Чекати людей і машин.

Завії гуляють, пустують, —
Нарешті прийшов їхній строк.
Зима цим уміло керує, —
Суворий, жорсткий містагог.

Подивися, зимовий полудень
Білий прапор здійняв над полем.
Полустанок — окраїна світу —
Весь у саяві снігів і світла.

Обійнявшись, удвох стоїмо ми
Серед снів безодні зимової,
В океані сліпучого снігу,
В дивнім сріблі, що летиться ніжно.

І можливо, одні ми у світі...
 Стихло все, тільки мріє вітер.
 Все завмерло у величі строгій...
 Як знайти до весни нам дорогу?
 Із Леоніда Шептовицького

Пам'яті затока

Женемо і стогони, і смуток.
 Залишаємо легкий вантаж —
 Ту затоку, скрізь де незабутні
 Парасольки із медуз... Міраж.

І пливеш по них ти криголамом,
 Розпихаючи шари слизькі...
 Школа поруч із дитинством славним.
 У щоденниках деньки стрімкі,

І лише одні п'ятірки-перли
 (Двійки виривали назавжди).
 І, як найсмачніші із цукерок,
 Поряд із матусею роки...

Жінка найдорожча — наче квітка.
 Друзі є. І жодних ворогів.
 Злість і заздрість — їм лишу з привітом.
 А собі — любов без зайвих слів.
 І затоку, сонечком зігріту...

ІЗ АНАТОЛІЯ РУЗАНОВА

Потепліло. Шпаки прилетіли.
 І зоря бурштиново ясна.
 Бродять в білім березовім тілі
 Знову благосні соки. Весна!
 За хатами і справа, і зліва,
 Там, де любі для серця поля,
 Урожаєм хвилястого хліба
 Вже пробуджена марить земля.
 Вдалині, за туманною ранню,
 Сипле квітень з долонь на бігу
 Звеселілих струмків клопотання
 І лісочка захопленій гул.

Батьківщина

Старий пейзаж: дорога, луки...
 Які ж безгрішні та ясні
 На тлі небесного малюнка
 Ці риси стомлено-прості.
 Шепчу ім'я її священне,
 І пам'ятаю повсякчас
 Ціну довіку незміренну,
 Якою сплачено за нас.

Про тих, хто бивсь за наше сонце,
 Про тих, що в полі полягли,
 Звід із блискучою россою
 Дзвенить, схилившись до землі.
 І дорогі ці звуки серцю,
 І сяйний шлях твого життя,
 Коли, як матінка, відверто
 Вітчизна дивиться моя.

Небо сіріє безмежне.
 З півночі хмари пливуть.
 Лілії сніжні бентежать
 Став уві сні й наяву.
 Скільки відтінків чудових
 Осінь на листя кладе!
 Скоро у вітті ізнову
 Брага прозора завмре.
 Скоро у млі снігопаду
 З сивих билинок птахи
 Склонуть кривавиці ягід —
 Теплого літа сліди.

ІЗ АНДРІЯ КОСТИНСЬКОГО

Стрілки

— Я б хотів бути годинниковою стрілкою,
 щоб навколо мене бігали,
 а я поважно пересувався
 і при цьому філософствував.

— Я б хотів бути хвилинною стрілкою,
 щоб бути між
 годинниковою та секундною
 і знати, що в них на душі.

— Я б хотів бути секундною стрілкою,
 адже лише її чутно у тіканні,
 і тільки завдяки їй
 помітно, що час рухається.

Коробка

У порожню коробку
 з-під нового взуття
 склади свої старі образи.
 Якщо їх багато,
 то клади акуратно,
 щоб умістилося побільше.
 Замотай щільно скотчем,
 щоб вони задихнулись,
 і згори пострибай,
 тільки б вони не глузували
 із твоїх намагань.

Нехай їм у картонній труні
буде так само некомфортно,
як тобі в їхній оболонці.

Молитва

Прошу тебе, Господи!
Дозволь мені
побачити вранці
красу світанку,
створеного Тобою,
рівнозначного заходу,
створеного Тобою,
моїми очима,
повними кольору,
створеного Тобою,—
вони п'ють
та заморожують
небо в зіницях;
небо тане
слізьми тоді,
коли йому
так само боляче в мені,
як душі моїй у ньому.
Чи кожна сльоза рівна зорі?
Чи обидві Ти однаково бачиш?
Господи, прошу Тебе!
Дай мені сили
так само провести день,
як і зустрів його.
Збери за день
всі мої усмішки
та збережи на той день,
коли туга
знебарвить світ навкруги.
А якщо я за день
жодного разу не усміхнувся,
сприйми це
за мою хитрість —
немов би я
накопичую усмішки
для шторму,

який штурмує
цитадель ненависті,
сподіваючись
рознести її каміння
до рівнинності.
Прошу, Господи, Тебе!
Почути мене
серед мільярдів голосів,
побачити мої
молитовно складені долоні
і мене,
що стоїть на колінах
і віддзеркалює,
як у воді,
першу літеру
мого величезного гріха —
гордині.
Ти чуєш
навіть думки,
які прослизують
поміж словами молитви.
Так поміж каменями
лється вода:
Жива вона чи мертва —
про це стає відомо
не одразу.
Тебе прошу, Господи!
Білому снігу,
зеленому листю,
строкатим квітам,
чистим водам
радію я!
Не позбавляй же мене
радості бачити,
чути,
сприймати
Твої справи,
слова,
дива
у моїй душі.

ПРОЗА

Александр КРАМЕР

Любек, Германия

Родился на Украине, в Харькове. Последние 15 лет живёт на севере Германии, в Любеке. Окончил политехнический институт, заводской инженер. В 1988 году был в Чернобыле в качестве командира авторемонтного взвода. Пишет еще с харьковских времен. В Харькове появились и несколько первых поэтических публикаций. Прозу начал писать в Германии. Публиковался в русскоязычных журналах разных стран. В 2009 г. несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013 г. в сборник рассказов «Десятьдомиков».

Aleksandr Kramer
Kupferschmiedestr. 3-9
23552 Lübeck
Deutschland
Email: axkramer@googlemail.com

НЕКТО

НЕКТО ПЕТРОВ

Жил был некто Петров. Шел однажды Петров по осеннему парку и вдруг видит: сидит на скамейке симпатичная такая девица и читает огромный том Шопенгауэра (в переводе, конечно). Подсел к ней Петров осторожно и голосом нежным стал объяснять ей свои внезапные чувства. Девица слушала его внимательно, но недолго. Потом неожиданно взмахнула длинными своими руками и полетела над парком, роняющим желтые листья. Бедный Петров сначала окаменел от неожиданности, потом понемногу пришел в себя, взял со скамейки брошенный том Шопенгауэра, положил его, черный, среди разноцветных листьев, осторожно поднялся и медленно пошел дальше по пустынным аллеям.

Шел он, шел — и видит: сидит на скамейке другая симпатичная девица. И опять им внезапно овладели прекрасные чувства. И подсел он к девице, и стал излагать их нескладно. А девица варила борщ и качала ребенка, а Петров объяс-

нял ей про чувства, пока и эта девица не взмахнула руками и не улетела. Он остался с ребенком, борщом и осенним парком, но уже не удивился, как прежде, а только затих надолго в печали. Напечалившись вдосталь, поднялся, стоя съел борщ, взял на руки ребенка и пошел восвояси.

Шел он долго. Устал. И присел на скамейку. Ребенок спал себе тихо. И Петров задремал потихоньку. А когда очнулся, то видит: сидит рядом с ним симпатичная такая девица и голосом нежным изъясняется путано в своих нахлынувших чувствах. Послушал Петров ее немного, потом положил ей на колени ребенка, внезапно взмахнул руками, взлетел в синее небо и подался в дальние страны.

Жил был в дальних странах некто Петров. Но это уже совсем другая история.

СОВСЕМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

Жил да был в дальних странах некто Петров. Гнезда он себе не свил и жил один, бобылем. Утром Петров вставал, ел свой завтрак и шел на работу; днем он съедал свой обед и работал дальше; вечером ужинал и ложился смотреть телевизор. А потом засыпал. Назавтра все повторилось.

Но однажды Петрову все надоело, и он решил вспомнить прошлое. И отправился в парк.

В парке было много народа. И конечно же, осень. Петров бродил по осеннему парку среди красоты и веселья и незаметно для себя потерялся. Он терялся все глубже и глубже, пока не перестал в какой-то момент быть Петровым.

Постепенно над парком сгустились ранние сумерки. Веселые шумные люди разошлись по домам. Парк опустел. Опустела и квартира Петрова. В ней остался непрожитый день и несъеденный ужин.

Утром редкие прохожие, которые шли через парк на работу, видели странного человека. Он сидел на скамейке, разговаривал сам с собой и махал руками, как птица.

НЕКТО СИДОРОВ

Жил-был Сидоров — некто Сидоров, разумеется. Был Сидоров внешности самой преординарной, — так что и описывать, собственно, нечего, разве что форсистую английскую трубку и вид несколько удрученный, будто чего потерял... Но для всех окружающих это было не важно, потому что не важен был сам Сидоров и они его с его трубочно-печальной незамечательной внешностью и не замечали.

Возраста Сидоров был тоже довольно скучного: вот-вот должен был перебраться за его статистическую середину, но к этому скучному времени он был не готов совершенно — впрочем, и не готовился.

Однажды проснулся Сидоров утром, умылся, съел всегдашнюю вареную колбасу, попил, как обычно, растворимого кофе и, как и положено, пошел на работу. По дороге он вдруг подумал, что успеет, благо — рядом совсем — еще на базар — купить кусочек говядины с косточкой, чтобы было из чего вечером обед приготовить. Сошел он с трамвая и трусцой побежал на рынок.

Прибежал в мясные ряды и стал подходящий кусок высматривать да прицениваться; но дело у него плохо шло: день еще начинался только, покупателей было море, и уступать потому решительно никто не желал. Тут Сидорова уже сильно время подперло; повесил он нос еще ниже обычного и стал суетливо мимо прилавков к выходу пробиваться, когда слышит: «Мужик, а мужик, с трубкой который, да тебе говорю, тебе! Оглох что ли?! Иди, говорю, сюда!», — конопатый старик лет шестидесяти махал ему из-за прилавка и улыбался во весь рот, как рождественский дед. Сидоров сначала опешил от неожиданности, а потом, была не была, стал обратно проталкиваться.

— Во, молодец, — обрадовался старик, когда Сидоров назад к прилавку протиснулся, — ты что ли без бабы живешь, что одиночкой в рань такую по рынку шатаешься? Знаешь, я, брат, тоже один раньше маялся, а пятого дня женился вот, понимаешь. Слушай, давай я тебе мясца дам кусочек. Только ты выпей грамульку со мной за здоровье моей Лизаветы Михайловны — и лады.

Ну, выпил на радостях Сидоров со стариком водки граммов тридцать, завернул ему дед мяса

отменного, и подался Сидоров на работу — удачей слегка ошарашенный, но ужасно довольный.

Не прошло и часа с тех пор, как рабочий день начался, вызывают Сидорова к начальнику их подразделения, Петру Афанасьевичу. Струхнул Сидоров несколько, что тот, во-первых, запашок водочный свободно учуять может: хоть он и жевал рекламный «Орбит» все время, но все же... Во-вторых, причина такого вызова была ему не ясна. Потому он вошел в начальнический кабинет весь слегка взбудораженный и настороженный, что и невооруженным глазом за версту видно было.

— Да вы садитесь, садитесь и не нервничайте так, ради бога. Я вам хорошую новость хочу сообщить, просто очень хорошую. Вы же знаете, что Ясницкий наш с первого августа уходит на пенсию, а вы у нас четырнадцать лет уже, нареканий нет на вас и не было никогда, — а все старший и старший. Так вот, принимайте его дела и с того же дня, то есть с первого августа, заступайте ведущим вместо него. Вы что так разволновались, — улыбнулся начальник доброжелательно, — идите, спокойно работайте, все будет в порядке.

Сидоров и вправду после этого разговора сильно разнервничался, раздергался, да прямо так, что работать был дальше совершенно не в силах: сердце у него трепыхалось от непонятого ужаса, в мозгу крутился тайфун странных предположений и домыслов, а общее состояние было, как у рыбы, выброшенной на берег. Справиться со всеми этими стихийными бедствиями одновременно было Сидорову неведомо, и он даже порозовел слегка от нахлынувших внезапно душевных переживаний.

Еле-еле дождался Сидоров конца рабочего дня, чуть не первым опрометью выскочил из конторы и в состоянии радужно-возбужденном помчался по городу, не в силах сейчас возвратиться домой, в грязный подъезд, в унылую комнату, готовить... И тут он вдруг вспомнил, что мясо забыл в холодильнике на работе, но ничуть не расстроился, а даже развеселился оттого, что есть повод не готовить сегодня, а можно устроить себе такой маленький праздник, зайти куда-нибудь перекусить, растратив немного денег в счет будущей высокой зарплаты...

Центр города бурлил, как всегда, разноцветным народом, раздражал обоняние чудесными запахами еды, цветов, косметики, парфюмерии... Все вокруг было нарядно так, празднично... А настроение Сидорова внезапно переменялось. На одно только, крошечное совсем, мгновение сильно ёкнуло сердце: так долго в жизни его ничего совершенно не происходило, а тут тебе вдруг и мясо, и повышение... будто струйка ветерка ледяного проникла за шиворот... И все тут же прошло, отпустило, вернулось настроение расчудесное, восхитительное...

После премиленького ресторанчика, где Сидоров пообедал и даже рюмочку кальвадоса себе позволил, решил он замечательный праздник немного продлить и сходить еще в кинотеатр, что был прямо рядом совсем, на углу. И пошел. Купил он билет себе в кассе и только протянул билет контролеру, как его ослепили неожиданно блицы, защелкали фотокамеры, потянулись к нему микрофоны десятка корреспондентов:

— Вы на этом! замечательном фильме! стотысячный посетитель!

— Скажите нашим читателям! несколько слов!

— Мы хотим вас поздравить! и подарить! постоянный! абонемент! на все без исключения! фильмы этого года!

— Поздравляем! Приятного вам просмотра! Вместо восторга и ликования корреспонденты и посетители кинотеатра к полному своему изумлению увидели нечто необъяснимое. Странный счастливчик сначала застыл, как коброй укушенный, и на лице его ужас был — невообразимый; потом внезапно с тупым упорством, чуть ли не с бешенством он начал расталкивать всех, отчаянно рваться прочь, пока не освободился, вихрем выбежал вон, юркнул в метро и исчез на глазах у всех остолбеневших свидетелей этого необъяснимого происшествия.

Он долго бродил по каким-то узким и пыльным улочкам на окраине города, с подозрением поглядывая на всех без исключения встречных: не выкинут ли еще чего. На душе у него скребли кошки, а когда он, внезапно, нащупал в кармане проклятый абонемент, так муторно ему стало — просто невыносимо. А главное, он понять не мог, что это, черт побери, вокруг него происходит! Не бывает так! Быть не должно!

Наконец, ближе к вечеру, он в конце-концов слегка успокоился: мало ли, чего только не происходит — и не торопясь, пешком отправился к дому.

Перед самым его подъездом сидела на лавочке худенькая шатенка лет тридцати. Когда Сидоров поравнялся с лавочкой, она встала, легким движением коснулась его руки... но сказать ничего не успела. Абсолютно без всякого повода Сидоров стал орать что-то нечленораздельное, потом в диком ужасе начал рваться, как из силка, хоть его никто не держал совершенно; оттолкнул, чуть не убив, оторопевшую женщину и понесся, вопя, на бешеной скорости в дом... вверх по лестнице... в квартиру... заперся мгновенно на ключ — от женщин, от стариков, от начальников, корреспондентов... ото всех на свете, от себя самого...

Совсем поздно вечером, когда стали зажигаться на небе первые тихие звезды, Сидоров удрученно, с трудом, будто воз земли нагрузил, поднялся на девятый этаж, по узкой железной лесенке вылез через люк на плоскую крышу, подошел к ее самому краю и бесстрашно сел на карниз, свесив ноги в сумеречную пустоту. Сидя, не

спеша раскурил он свою фасонистую английскую трубку, стал пускать в небо дым и искры вниз сбрасывать. Потом достал он мобильник, вызвал одновременно милицию и скорую помощь, прошептал несчастным голосом в трубку, что кто-то на Мирной восемь на крыше сидит и, видно, оттуда спрыгнуть нацелился, и стал терпеливо ждать: ему было так плохо, так невыносимо... ему надо было поговорить, хоть с кем-нибудь всем поделиться. Ну, хоть кому-то пожаловаться.

НЕКТО ИВАНОВ

1

Жил да был Иванов. У Иванова был дом. А в доме был кот. Так и жили до времени.

В тех краях, где жил Иванов, сплошь и рядом туманы стояли. И осень стояли всю, и зиму стояли, и даже весны немного прихватывали, и черт бы их все побрал. Иванов к туманам тем никак не мог приспособиться. Мало того, терпеть их просто не мог и можно даже сказать, изо всех своих сил ненавидел. И пока он жил в доме один, совсем худо ему приходилось. И задумал тогда Иванов затеять с туманами битву. Но только не внешнюю, бесполезную битву, а внутреннюю: задумал туманы он вышвырнуть прочь из своей повседневности. Осени Иванов дожидаться не стал, а еще в самом начале лета...

Пошел Иванов на базар, где котов продают, И кота он купил...

А котенок сидел крошечный в пуховом платке, и цвет шерсти такой был чистый, особенный... а уж пушистый... И на морде потешной — пятнышко белое — будто вдруг набежало откуда тихое облачко и замерло в раскаленных и безветренных небесах...

И назвал Иванов его «Гаер»! за обжигающий цвет, и стали эти двое жить неразлучно.

Когда Гаер подрос, начали они вместе гулять в осеннем тумане.

Да, забыл вам сказать, что дом Иванова стоял на краю лесопарка. Осенью и зимой из окон его только и видно было, что туман да деревья в тумане. Бывало, конечно, что разные люди появлялись-гуляли, но это нечасто совсем. А вот туманы — туманы да, это сколько угодно. Иногда стояли они высоко, аж до самого неба, но часто и низовые бывали, такие, что голова под чистым небом гуляет, а ноги в каше белой плугают — не видать их совсем. В такие дни Гаер был сильно сердитый всегда, потому что туман хоть и низовой, но ему с его ростом голову все равно под чистое небо не высунуть было; тогда ругался он

сильно, пока Иванов его на плечо к себе не подсадит и они манером таким в равных условиях не окажутся.

А в высоком тумане гуляли они всегда так: впереди Гаер важно идет — освещает дорогу, а Иванов бредет следом — туман разгребает и ворон да галок подсчитывает, чтоб было чем ум, угнетенный туманом, занять. А еще, кроме того что Гаер и Иванов воздухом на пару дышали, наслаждались они всякими запахами: листья опавшие нюхали, кору деревьев, к туману тоже приносивались — он, знаете, всякий бывает и очень по-разному пахнет, потом еще иногда грибной аромат попадался или там ягодный... Так и гуляли.

2

Однажды, тою же осенью, как заведено, вышли Гаер и Иванов тихим туманным днем на прогулку. Дошли не спеша до дубовой аллеи и стали двигаться вдоль когда-то зеленых садовых лавочек в направлении парковых аттракционов. Когда смотрят — сидит одиноко какая-то женщина: воротник ее лисий издали видно было. Вдруг как выскочит из тумана веретенообразный субъект, да как начнет перед лисим воротником руками размахивать, головою вертеть и вензеля ногами выписывать... Остановились гуляльщики, смотрят в удивлении полном, что дальше-то будет. Гаер крепко к ноге Иванова прижался и подмигивать стал — занервничал, значит. А субъект поразмахивал руками недолго, волчком крутанулся — и в тумане исчез. Но только Гаер вперед осторожно двигаться стал, возник из тумана веретенообразный опять, стал хватать сидящую за руки, тащить ее даже пытался...

Та, что сидела, говорила что-то гневно сначала, а потом стала смеяться, да громко так, резко, даже им, в отдаленном стоящим, слышно было, потом женщина встала и, вроде ведомая за руку, пошла за субъектом диковинным следом, но шагов через десять жестко вырвалась, повернула назад и снова на лавочку села. А веретенообразный согнулся перед ней в четыре погибели, руки развел, рывкнул что-то невнятное и — опять растворился в тумане, теперь уже без остатка.

Когда Гаер и Иванов к лавочке подошли, а это — юная дама сидит: лицо в воротник лисий упрятала, скукожилась вся, нахнюпилась... Плохо, видать, человеку. Гаер животное деликатное, строгих правил, к тому же к чужим — да вы что! да ни боже мой! А тут вдруг взобрался, бесстыжий, к ней на колени, свернулся в огненный шар и такое завел замечательное мурчание... Улыбнулась она тихонько, руку на золотую голову положила и ну Гаера за ухом почесывать. Тут Гаер вообще такое устроил, будто на конкурсе оркестровых котов выступает, а Иванов присел рядом на лавочку и молчит, не знает, что делать.

3

— Давайте руку, идемте, вы ведь замерзли совсем. На лавочке сыро.

— Да куда я пойду?

— Если хотите, то к нам, тут не далеко совсем; чаю поьем, согреетесь; Гаера только на землю спустите, он, хитрюган, и сам дотопаёт как-нибудь.

— Да мне не тяжело совсем. А почему его Гаер зовут?

— Рыжий какой, не видите разве?

— Хорошо, только к вам неудобно, давайте лучше погуляем немного, а мурлыка пусть на руках у меня побудет, он теплый такой, приятный.

— Смотрите, рискуете, вмиг в рабстве окажетесь, он — хитрая личность.

— Да я не боюсь нисколько. Ну ладно, идемте, сыро и вправду.

4

Парк с аттракционами находился всего в двух шагах. Там не было никого. Только забытые всеми аттракционы замерли в сырой тишине...

Будто детство

Застыло на полном скаку...

Иванов иногда подрабатывал по выходным в этом парке, и знал здесь все полностью и целиком. Потому, чтобы слезы прогнать, которые ни с того ни с сего на глазах у нее выступали, предложил осторожно:

— Хотите, я вас на чем-нибудь тут покатаю?

— Хочу. А что, можно?

— Нельзя, наверное. Но мы на свой страх. Что, рискнете?

— Конечно, только сначала, пожалуйста, листьев давайте насобираем, и мы будем с Гаером на карусели кататься и листья разбрасывать. Ладно? Будет красиво.

5

Сперва покатали Иванов ее с Гаером на лошади, потом на качелях... А потом она увидела подвесную дорогу. Кабинки-домишки висели хоть и высоко, но даже в тумане видны хорошо были снизу, потому что яркие были — голубые, зеленые, красные... А еще они чуть под ветерком несильным покачивались, будто гирлянда огромной рождественской елки: красиво так было — слов не подобрать, как красиво...

— Скажите, а можно наверх в кабинку подняться?

— Нельзя, вы же знаете.

— Тогда давайте поднимемся. Хоть на минутку!

Давайте?!

6

В кабинке было сыро, сумрачно и неуютно. Но она отчего-то вдруг развеселилась ужасно, в окошки стала выглядывать, потом листья собранные по всему полу рассыпала, лисий свой воротник отцепила, на стенку повесила и принялась танцевать осторожно с Гаером на руках, повторяя все время шепотом, точно песенку: «высоко, высоко, высоко, высоко, высоко...»

И стали они с Ивановым жить вместе и, конечно же, Гаер, куда ж им без Гаера. А мех рыжий, лисий так на стене и остался, и Иванов с Гаером часто им любовались.

7

Жил да был Иванов. У Иванова был дом — красный-прекрасный — высоко-высоко, и туманы теперь Иванова не все доставали, а только те, что до самого неба. Но ведь не все же!

Андрей ПОЛЯКОВ

Сумы

АН-24, ИЛИ ДО 18.00 ЧИТАТЬ СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ (Отрывок. Журнальный вариант)

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Анна Ахматова

ПОХМЕЛЬЕ

Ан стоял на самом верху дюны. Песчаные волны, подгоняемые раскалённым ветром, разбивались на мелкие искры прямо у его ног. Солнце катилось по самому горизонту — на него можно было смотреть, слегка прищурив глаза.

— Да, — подумал Ан. — Вот тебе и «Кин-дза-дза» пришла. Пустыня. Но как он сюда попал, не знал. Не понимал. Не помнил. В правой руке молодой человек, на вид которому было немногим больше двадцати лет, сжимая недопитую бутылку коньяка, а в левой — пачку дорогих сигарет.

— Этого ещё не хватало, — пронеслось в голове со скоростью проходящего мимо поезда. — Где я?

Почему один? Какими ветрами занесло? И откуда в пустыне поезд? Надо бросать пить! А, может, и вправду бросить пить прямо здесь, навсегда, бросить, как выбрасываются из окна вагона — бесповоротно и глупо, не дожидаясь наступающей тьмы и пустынного леденящего душу холода. Бросить туда за горизонт и начать новую светлую и целомудренную жизнь, начать навечно, не задумываясь больше трёх секунд, чтобы не передумать?

Ан поднёс к глазам бутылку: «Хороший коньяк, дорогой... И откуда у меня только деньги взялись?»

Внутри бутылки будто что-то сверкнуло. Быстрым движением он протёр зеркальную поверхность. Увиденное взорвало его сознание. В глубине бутылки светилась Луна, от которой по поверхности напитка бежала голубоватая дорожка, над которой маленькой мушкой летал Джин.

— Я наверное сплю или пишу роман...

А может?.. Да, вряд ли такое вообще может быть! Проклятый коньяк! — пробурчал, недоумевая и, размахнувшись, что было сил, бросил бутылку в низколетящее солнце.

По нему побежали круги, как по воде, а потом всё замерло. Показалось, что и время остановилось. Очень хотелось пить. Ан с трудом проглотил сухую колючку слюны и закричал от ужаса...

...и тут я увидел себя на дне какого-то дворика, окружённого высокими бетонными домами. Ночные тени у моих ног вили гнёзда. Над головой гамаком провисло небо. Казалось, протяни руку и можешь без особого труда сорвать несколько звёзд. По всему периметру двора на бельевых верёвках от порыва ветра раскачивалось толи выстиранное бельё, толи мелкий ласковый дождик, пронзающий душу до самой глубины своей жёсткой неотвратимостью.

Хорошо было здесь, вдалеке от суеты и прочей житейской чепухи.

Загадочный дворик освещал единственный фонарь на детской площадке. Подойдя поближе, увидел в песочнице алюминиевый волчок. Отрянув от песка, «раскочегарил» игрушку. Та вырвалась из рук и стала вращаться с бешеной скоростью. Хотел её поймать, чтобы вернуть на место, споткнулся, полетел вниз, но не упал. Необъяснимая сила приподняла над землёй. Но тут раздался телефонный звонок ... снова и снова... Гудки нервные и нетерпеливые, как мячики отскакивали от стен многоэтажек, продолжая звать и звать.

И уже ничему не удивляясь, я поднял трубку. Звонила Люба, Любушка, Любовь. Услышав её, пытался найти нужное слово для приветствия,

замешкался на мгновение, и эту тишину услышала моя первая половинка, как иногда серьёзно её называл.

— Ты что, не рад мне, не рад моему звонку, — сдержанно спросила она.

Мне показалось, что голос Любы дрогнул, она стала дышать чаще, выдавая волнение. Пришлось успокаивать и говорить, что испытываю радость не от дребезжащего звука допотопного телефона, а от нежнейшей мелодии её голоска. И обрадовался бы ещё сильнее, если бы смог поцеловать её маленькую ручку, сжимающую телефонную трубку в то мгновение, когда её хозяйка задаёт мне (хотел сказать: дурацкие вопросы) такие милые вопросы. Голос Любы поднялся с колен, встал со мною вровень и заглянул в глаза моего сердца. Они не врал.

Я действительно был рад слышать голос человека, находящегося так далеко, где-то на другом конце земли, но помнящего и любящего меня.

— Ты там, наверное, не скучал? — мягко спросила Любовь.

Врать надо уметь. А я умел не только врать, но и выкручиваться. Ни один вопрос не мог заставить меня врасплох, если, конечно, он не касался ядерной физики или моих сокровенных тайн. Я выпалил сразу, почти не раздумывая, что скучать было некогда, так как всё время думал только о ней. Люба осталась довольна — это было не только слышно по игривым ноткам в её голосе, но даже каким-то непостижимым образом видно сквозь пространство, разъединяющее нас. Разговор плавно перешёл на другую тему — о деньгах и её скором приезде. Ждать оставалось совсем недолго, чему я искренне обрадовался. С Любовью меня связывало не только желание быть вместе, хоть наши взгляды чаще не совпадали, чем приходили к общему знаменателю. Мы часто спорили, иногда ругались. Казалось, что обида — дочь непонимания — это навек, но стоило только представить, что именно этого человека не будет рядом, как всё делалось маленьким, отодвигалось на второй план, забывалось, растворялось в воздухе, исчезало из памяти и выветривалось из дома. Нас связывало магнитное поле любви! Откуда оно взялось, ни я, ни хозяйка моего сердца с ключами от всех желаний, не помнили. Может, мы его придумали сами или нам его подарили при рождении. Хотя, Любаша уверяла, что мы однажды читали чьи-то стихи вслух и нашли этот образ. О поэте забыли сразу, а вот его чувство осталось и стало жить с нами. И где б мы не находились, далеко ли, близко ли, как бы ни убежали в разные стороны, магнитное поле любви возвращало нас в объятия друг друга. Бывало и так: дороги заматали снега; звёзды закрывали грозовые тучи; налетевший ветер поднимал пыль до самого неба; ночь без любимого человека превращалась в вечную тьму и муку. Бывало и так! И тогда приходило великое

отчаяние и сильно сдавливало горло... «И вот ни крикнуть, ни вздохнуть, — я позвоню кому-нибудь...», — всплывали в такие минуты где-то в глубине сознания известные строчки. А куда звонить, если вместо дорог — снега, вместо звёзд — тучи, вместо мира — пыль, а вместо радости — вечная тьма и мука, лишившая всякой надежды на скорую встречу. И вот тогда, когда уже надеяться было не на что, на выручку приходило магнитное поле любви. Оно не выпускало нас из своих крепких объятий и на смену отчаянию приходило понимание, что не суждено было нам упасть на чужбине, упасть и пропасть навсегда, пропасть, как парусу вдали морской, пропасть, как воину в неизвестности, пропасть, как шагнуть в пропасть. Эти объятия были спасательным кругом. Поняв это, я написал самое короткое и самое любимое стихотворение:

Обнял тебя, как будто домой возвратился!

Пока я размышлял, Люба продолжала щебетать о какой-то, как мне казалось, незначительной чепухе. Но эта чепуха её радовала, поэтому я и не перебивал её настроение. Время от времени собеседница входила в такой раж, что начинала повизгивать от удовольствия. Повизгивая в ответ и завидуя ей неизвестно в чём, я думал о том, когда всё это началось, откуда и какими ветрами занесло Любовь в мою судьбу. «Откуда? Откуда?», — стучали в голове кузнецы, выковывая непостижимый для моего понимания вопрос. Ведь не бывает в жизни так, чтобы раз и навсегда? А, может, так и устроена жизнь — раз и навсегда! Одним дают богатство, другим власть и только потом раздают то, что осталось — души и сердца? И пока нам не дали их, мы не знаем о себе ничего, не узнаём даже самих себя, отразившись в зеркале витрины. А потом долгими бессонными ночами пытаемся вспомнить своё же лицо, промелькнувшее в толпе, взгляд, заставивший нас споткнуться на ровном месте, чувство, рождённое вспышкой молнии — ещё не разгаданное, но уже предощущаемое, как у Блока: «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»

Давно, ещё до знакомства с Любовью, было и у меня ощущение, что встреча, главная встреча с чем-то большим и важным ещё впереди. Случайные девчонки, как бабочки порхали вокруг, те, что посмелее, садились на руки, не боясь опалить свои крылышки и обжечь бархатные лапки. Другие, что поумнее, улетали сразу, а некоторые дурочки оставались. Я ловил их без труда, усыпляя ласковым красноречием доверчивое сознание, а потом накалывал хрупкие существа на булавку и аккуратно помещал пойманные создания на мягкие подушечки своего удовольствия. Но были и такие, что проносились мимо необузданными вспышками молний. В памяти их черты остались размытыми огненными пятнами вечнолетающими в неоглядную даль.

— Что это ты притих, стихи пишешь или спишь? — услышал я в трубке.

— Да... нет... Голос твой слушаю, и тебя вспоминаю!

— Получается?

— Да, вот вспомнил то, что можно только придумать. Может, я и тебя придумал? Твои руки... Глаза... Когда я впервые тебя увидел, то сначала увидел не тебя, а твой взгляд. Он не пронзил меня, как писали в старину, он ослепил меня. Вспыхнул так, что весь мир куда-то исчез. Вокруг было темно, и только ты сияла как свеча, делая тьму ещё глубже. А потом из глубины зазвучал твой голос. Да и сейчас мне кажется, если я закрою глаза и протяну руки в пустоту, то там, в глубине бесконечного ничего я обязательно найду тебя, такую же, как тогда в наш первый день знакомства.

— Ты всегда умел рисовать словами, — услышал я. — На эту наживку и поймал меня. А как стихи, пишутся?

— Муть всякая:

Жил да был Крокодил.
Он Чуковского родил!

Что ты смеёшься? Это серьёзные, правдивые стихи о нашем детском Стивене Кинге, писавшем о злых существах, ненавидящих друг друга:

Нам акула Каракула нипочём, нипочём,
Мы акулу Каракулу кирпичом, кирпичом,
Мы акулу Каракулу кулаком, кулаком,
Мы акулу Каракулу каблуком, каблуком!

Помнишь?

— Конечно, помню, с детского сада и не только это. А насчёт серьёзных стихов ты пошутил?

— Пошутил, но я их напишу, ты же знаешь!

— Да, знаю. Я верю в тебя. Но тебе пора прекратить играть роль, написанную самому себе.

— Но ты же знаешь, что лучшего актёра для этой роли не найти?

— Ну и что? Забудь слова и всё.

— Не хочу, вошёл во вкус, — засмеялся я. — Действие развивается стремительно, роковой треугольник, гипотенуза печали. В первом акте хочется водки, во втором пива, в третьем джинс с тоником. Всё как в жизни! Если в первом акте на столе лежит пачка сигарет, то в третьем сигарету обязательно кто-то стрельнёт. Зрители то замирают, вслушиваясь в каждое слово, то вздрагивают, под натиском эмоций! Плачут! Смеются! Играют вместе со мной в любовь и ненависть! То сидят, как загипнотизированные, то следят, как я подхожу к рампе и говорю с темнотой зала, раскрываю ей душу, корчась в диких судорогах от желания продлить мгновение самоистязания и стриптиза чувств. А потом темнота начинает хлопать тысячами ладоней. В зале зажигается свет, и тут я вижу, что он пуст. Никого!

— Странная пьеса!

— Моя! И написал её, ты права, для самого себя специально и назло всем. А предчувствие, что это именно так и есть всё чаще и чаще не даёт мне спать ночами. Мне кажется, что дождь размыл мою память, смыл все чувства. Мне странно слышать, что некоторые люди называют этот дождь временем. Почему? Я не могу понять, и моя душа мечется из одного чёрного угла моей небольшой квартиры в другой, такой же чёрный и безнадежный. Мне до боли в груди хочется вскочить и включить свет, а потом лечь, закрыть глаза и погрузится в самого себя, в то, чего больше нигде нет. Во вселенной много чёрных углов, можно бегать веками, а себя так и не найти. Единственное место, где меня можно отыскать — здесь, на Земле. Я не только знаю это, я чувствую это. Недавно родились две строчки, продолжение которых не знаю:

Земля моя, ты мой причал,
мой храм, воздвигнутый в пустыне!

Я сначала даже испугался. Это так не похоже на меня. Я реально, а не в какой-то там витрине, не узнал самого себя! Представляешь, брёл по свету, повстречал случайно на Земле себя, и не узнал! Дикое чувство! А ещё говорят, надо посмотреть на себя со стороны. Только, вот, как найти эту самую сторону? Но иногда мне кажется, что всё-таки смогу её найти. И знаешь, что увижу?

— Что? — еле слышно выдавила из себя Люба.

— Увижу маленький, незаметный почти, поджавший ноги, сидящий в кресле с телефонной трубкой в руке сгусток энергии. Я не думаю, что этой энергии хватит, чтобы осветить весь мир, но чтобы согреть руки уставшему путнику должно хватить. А ещё я думаю, что именно этот путник и стрельнёт сигаретку в третьем акте, после того, как монолог главного героя утихнет навсегда, и тишину разорвут крики: «Браво!»

— Жуткая пьеса! — выдохнула телефонная трубка.

— Ну, так уж и жуткая? — не согласился я. — Да и что мы, всё обо мне и обо мне. Я хочу о тебе! Хочу сказать, что очень рад слышать твой голос, предощущать тебя всё больше и больше. Я могу и не выдержать. Сойду с ума от одиночества. Ты приедешь, а я даже соображать не буду, что ты возвратилась.

— Не говори глупостей! Типун тебе на язык! Ведь я тоже скучаю до безумия, скучаю так, что ещё немного и начну бросаться на людей как взбесившаяся собака либо кинусь писать стихи. Первую строчку я уже написала:

С деревьев ночью птицы улетели...

— А дальше и не надо ничего писать, и так грустно! Боюсь, что дальше уже будет больно!

— Наверное, ты прав. Знаешь, мне жаль, что

ты прячешься за своими шуточками, как провинившийся мальчишка прячется за шкафом от родителей. Забивается в норку, когда боится чего-то большого — темноты или своих мыслей, своих настоящих чувств. Самого себя настоящего, а не шута, за которого ты хочешь, чтобы все тебя принимали.

— А я и не боюсь. Просто за шкафом мальчишке всегда есть, чем заняться. А насчёт шута, вспомни, что говорил шут королю Лиру: «Один в дурацком колпаке, другой без колпака...» Я это хорошо запомнил!

— Ты-то помнишь, а вот человечество пытается забыть злую шутку гения!

— Делая вид, что эти слова к нему не относятся.

— Точно! Ладно, философ, скоро будем вместе. Наденем свои колпаки и пойдём по улице, взявшись за руки. И знаешь, что я тогда тебе скажу?

— Что?

— Полюби наконец-то себя! Дай шанс герою своей пьесы увидеть в зале зрителей. Они будут все в колпаках — шут ведь прав. Жаль, что «сильные» мира сего думают иначе. Помни, что жизни суть проста, как сказал поэт: «Его уста. Её уста...» Всё! Целую и кладу трубку! И не забудь — тебе завтра в газету! Да смотри, не опоздай — главный этого не любит!

...На следующий день Ан пошёл в редакцию «Нескладухи». Был вторник. Геннадий Иванович проводил редколлегию. Около десяти журналистов сидели в переполненной душной комнате, пожирая глазами начальство, пускающее из глубины своего самолюбия мыльные пузыри дутого авторитета. Геннадий или Ген-ий был молод, в расцвете творческих сил. Умел говорить красиво и длинно. Глядя на кроликов, сидящих перед ним, чувствовал себя, как минимум, крепостником, вершителем судеб, отцом благодетелем, а уж потом — работодателем, соратником, товарищем и другом. Любил напоминать, что человек каждый день должен выдавливать из себя по капле раба, но повторяя слова классика, так и не заметил, как сам превратился в рабовладельца. Кроме того, не упускал возможность прочитать мораль своим подчинённым, ткнув их мордой в то дерьмо, что накопилось в его душе за неделю. Лекция по воспитанию чувств лилась нескончаемым потоком на головы провинившихся журналистов, сидевших с низко опущенными головами и от нахлынувших переживаний пытавшихся либо сломать себе все пальцы, либо сожрать все ногти, либо провалиться сквозь землю со второго этажа на первый прямо в ад общественной приёмной какого-то местного депутата. Оправданий у провинившихся дебилов не было, кроме одного — молодости. Все они только вступили в трудовую жизнь, гены трубили о любви, сердце алкало наслаждений,

а душа ждала чудес. Чувствуя их энергетику, Ген-ий старался избегать смертных приговоров, ограничиваясь лишь пожизненным заключением в стенах своего деспотизма. Он частенько тренировал память подчинённых, повторяя, что здесь все принадлежит ему, что добился всего сам и что не позволит сгноить плоды непосильного труда. Помолчав, добавлял, что ему легче взять на работу нового безработного журналиста, готового лизать ему руки, чем смириться с непониманием и неприятием его требований — вовремя сдавать тексты и соблюдать элементарные правила человеческого общежития.

Ан ступил на тропу журналистики как раз в тот момент, когда Ген-ий посылал в традиционное место ненормативной лексики молодого парня за то, что тот среди рабочего дня в туалете решил успокоить свои нервы, покурив травки.

— Пошёл ты, Сёма! Ты что, и впрямь идиот? — утверждал и вопрошал он одновременно, глядя на растрёпанного воробья, пойманного в сети своего гнева. — Ты что, не понимаешь, что скажут наши читатели, а главное рекламодатели, если пронюхают о твоей выходке или хотя бы унюхают твою травку, зайдя к нам, пусть лишь и в поисках туалета? Мало того, что по вечерам вы редакцию превращаете, чёрт знает во что, орёте тут, врубаете музыку на всю катушку, так вы ещё и под статью попасть хотите? Адвокат и так из судов не вылезает, защищая на-а-шу гражданскую позицию. Но вам, дебилам, этого мало, вы решили испытать на себе ментовскую ласку?

Я представляю статью в газете наших конкурентов: «Опиум для народа или два года условно». Если ты ещё раз выкинешь что-то подобное, я тебя больше никуда посылать не буду, я туда тебя лично засуну! Ты меня понял?

— Понял, — промямлил парень, проглотив свою гордость.

Заметив в дверях Ана, Геннадий Иванович сменил гнев на милость и переменял тему:

— К нам пришёл попробовать свои силы студент, будущий педагог и поэт по совместительству, так что смотрите, дурному не учить и сразу не сжирать. Надеюсь, заявление не забыл написать?

Ан мотнул головой, мол, не забыл и уселся в уголке на тумбочку, так как все стулья были заняты. Всю редколлегию он проскучал, не понимая ничего в лидах и подзаголовках. Развеселился только тогда, когда услышал из уст Ген-ия короткое: «всё».

— Всё! — сказал тот. — Теперь пить будете только со мной. У кого без моего ведома увижу в руках хотя бы пиво — сразу с вещами на выход. Я выговора в трудовую книжку писать не стану! Новеньких это тоже касается, — и он посмотрел сквозь Ана куда-то в воображаемую даль, — жажда утолять будете с моего разрешения! А теперь сладенькое! У нашего Ивана Макаровича, сегодня день рождения. Так, что Ваня, давай!

И Макарыч дал!

Домой Ан возвратился глубокой ночью. Спать лёг не раздеваясь. Утром, выйдя в астрал, нашёл себя в туалете, свернутым калачиком вокруг унитаза. Пошёл в ванную умирать, но выжил. Было около десяти часов утра. Внутренний голос напомнил, что в редакции его ждали к девяти. Ан лишь махнул рукой, и спорить не стал.

Часа через два поднялся на второй этаж «Нескладухи», над дверями которой красовалось алое полотнище с белыми словами: «Бытие определяет наше создание!» В голове большой симфонический оркестр исполнил «Шутку» Баха и Ана озарила догадка:

— Так вот почему «Нескладуха»! Злая шутка Ген-ия!

К его удивлению, на рабочем месте находился только Макарыч — зам или правая и верная рука главного редактора. Выглядел он лет на сорок. Невысокий. Мускулистый. Лицо мужественное. В глазах читался глубокий интеллект. Губы тонкие, как шкурки тонконарезанного лимона. Поэтому когда улыбался, собеседник непроизвольно начинал кривиться. По этой причине или какой-то другой, но однажды Макарыч практически перестал говорить, забился в угол своего кабинета, превратившись в нелюдимого трудоголика и пыхтя покотил сизифов камень тяжёлого журналистского труда на самый верх человеческого равнодушия, по дороге стараясь пробудить в читателях совесть, заснувшую под вековым льдом самой непреступной горной вершины в мире, именуемой душой обывателя.

И чем чаще Макарыч запирался в своём кабинете на ключ, тем сильнее будоражил он журналистское воображение. Сначала все — все сотрудники газеты хихикали за его спиной, а насмеявшись вдоволь, решили продлить себе удовольствие, придумав начальнику №2 замысловатую кличку — Верная правая рука неженатых индейцев! После чего угомонились и перестали прислушиваться к шорохам кабинета. Верная правая рука свой кабинет любил. Следил за чистотой и цветами в горшках, украшавших подоконник и многочисленные полочки на стенах. Но больше всего «друг индейцев» ценил тишину и ненавидел праздные разговоры.

На приветствие Ана, кивнул головой и демонстративно уставился в монитор, над которым как бледное восходящее солнце заблестела в контражуре макушка его лысеющей головы. Стажер улыбнулся и задал дурацкий вопрос:

— А что мне делать?

Верная правая рука оторвался от Интернета:

— Писать!

— Я понимаю, что писать, но что?

Зам приподнялся и повторил:

— Журналисты в основном пишут статьи.

Коллега-новобранец состроил из себя конченого идиота, и переспросил:

— Какие статьи?

Начальство встало во весь свой невысокий рост и прошипело:

— Хорошие!

Ан решил погибнуть от руки интеллигентного человека, и подошёл вплотную:

— Я понимаю, что хорошие, но кто мне даст редакционное задание?

— Бог подаст!

Новичок не выдержал издевательства и сделал замечание:

— Вы, как опытный человек, могли бы подсказать что-нибудь, а не кривляться, как мальчишка по-взрослому. Мы с вами сейчас в одной лодке, а вы делаете вид, что уже давно сошли на берег. Причём на другой, а не тот, на который мы собирались высадиться.

— Пошёл ты! — подвёл Макарыч итог их беседе.

В это день Ан узнал, что такое «богатство ненормативной лексики». Только в попу(лярное) место его посылали раз триста — уборщица, которой он случайно перевернул ведро с водой в коридоре; главный бухгалтер, которому эта вода вылилась на дорогие туфли; корректор, очки которого Ан случайно сбросил со стола на пол; дизайнер, на клавиатуру которого начинающий идиот случайно облокотился локтем, тем самым облегчив компьютеру задачу по уничтожению всех творческих дизайнерских наработок за месяц.

— Пошёл ты, пошёл! — жужжала редакция, задыхаясь от негодования.

Прекратилось дружное возмущение только после того, когда Ан не выдержал и заорал во весь голос:

— Хорошо, пойду, только скажите, в чью!

На крик прибежал Ген-ий. Поняв в чём дело, «доливать свой огонь» в кипящее масло не стал.

— Я тебе чиркну адресок, сходишь! — пошутил он. — Скоро конец рабочего дня, ты что-нибудь сделал?

— Да, поругался с Верной правой рукой.

— Это чепуха, с ним все и всегда ругаются, но если тебя Макарыч полюбит...

И тут комната взорвалась смехом.

Геннадий Иванович прокашлялся и продолжил:

— Ну, в смысле как человек человека, как коллега коллегу...

И тут комната взорвалась смехом во второй раз.

Продолжение следует...

Анжела РАФАИЛОВА (АРСЕНОВА)

Харьков

озарений... Искать и хранить — до последней предутренней усталости сна, умиротворения и покоя... В лодочке тонкого, в ясном звонком луче рассвета — с чистотой и верой, благодарностью, улыбкой, надеждой.

Тебе посвящаю этот чудесный вечер — с его странным сумасшедшим ярким одиночеством — новым, звонким..Посвящаю, потому что со всех сторон прорезывается слепящее резко - пьянящее счастье...

На берегу праздника стоит с простуженным сердцем и сухими глазами... С ветром в задумчивых волосах, с чайками резкими в мыслях. Песок осыпается предательски, чувствует босыми ступнями осколки погибших миров... Крабики бегут быстро по песку — им улыбается... Рыбки стайками прошивают мокрый песок — им улыбаются....Океан смотрит глазами в душу ей — улыбается....

Одиночество мира прислушивается к ней — под детскими мягкими рёбрами — одиночеству улыбается...

СНОВА ЖИТЬ

Иногда самое трудное для меня — проснувшись посреди нового мира — снова жить — полно-самодостаточно, на окраине отстранённой весны, в зыбкости смыслов, в одинокости пути... Сметь и быть — в полноте завершённости мироздания, которому и дела нет до прозрачной капли, жаждущей океана. С детства спокойно-жестоко-ласково прозревать — ты и есть океан, ты смысл, ты любовь. Ты — радость... Спокойно-мужественно-просто-ласково — быть... Ведь дольше века длится день — успеть. День прожить как жизнь — торжествовать над вечностью утрат, торопиться, разбиваясь иногда. Снова идти... Посмотреть в глаза, прислушаться... Всегда радоваться... Слушать дождь сквозь стекло, выбежать под тёплый ливень... Вымечтать его — босиком пройти половину пути — под задумчивыми розовыми вишнями...

МИРА ПОЛНОТА

Растерянность полноты потрясающего мира, внезапное, запинаящее разум откровение просторов берегов, бескрайней тихой весны с вечной щемящей птичьей многоголосицей... Хорошо прикинуть к одинокой таинственной жизни, опекающей хранящей в испытаниях горестей и восторга. Вобрать, приумножить душевный мир откровений, открытий, отчаянья слёз и

...Когда он увидел её в холодном сумраке харьковского перрона, она словно вспыхнула в нём. Как будто она уже была в нём — до времени... И в срок проявилась, стала собой — его частью... Это было опасной игрой-становиться одним целым — на расстоянии разбросанных миров, когда согласились жить отдельной жизнью... Ведь кто-то заботливый вязал на спицах свитер, который они носили по очереди — восторженно и зло любя друг друга на руинах их нового будущего....

И кто-то Всегдашний наблюдал, как она устраивала свой мир — спокойно-заботливо переставляя Свет и Сумерки, смахивая фартуком крошки со стола — засматривалась к вечеру на пролетающие кометы... Солнечный ветер слушала пальцами, улыбаясь воспоминанию приснившейся любви: у тебя пальцы не музыкальные... Она была сдержанной мирной пустыней — своя вселенскому шуму и морской тишине, добру и злу, улыбке и гримасе, рычанию и клёкоте... Золотая песчинка, влекомая поиском ракушки... Приснившаяся Ему, заточённая Замыслом, задуманная Жемчужиной...

Он зашёл к ней за солью... Гостя набожных соседей — светлая лёгкая на подъём, с насмешливыми смелыми глазами и мягкой поспешной речью... Завтра я забегу к вам за сахаром... Нет.. Но почему?.. Потому что на заре я ухожу в монастырь... (По мотивам Антонио Антониони).

Снова встречай, миг, день, новь... Сбитые колени, локоть шершаво-розовый, саднящий, белые колготки в жирной грязи... Новое дыхание в перерывах прерывистого дыхания... Снова идти, забывать ошибку, не оборачиваться на обманчивые чужие костры... Своим путём, тревожно-ветрено-сырой весной — улыбаться себе... Спрашивать звёзды, деревья и птиц — эта ли дорога к условленному Маяку... Себе навстречу.

СОЛНЦЕ ЕГО ИМЕНИ

Это так должно было быть непременно: полтора месяца легкомысленной переписки... Слов, за которыми она старательно прятала своё опустошение, фраз, впитавших бодрый тон... Кричащих каждой своей сутью о том, что она подошла к краю и ей нужна его помощь. Она выбрала его интуитивно, случайно, неосторожно вдохнув его душу, приняла привычки, отдавая безраздельно свои сокровенные мысли. Вытalkingвая его за пределы своей судьбы, и снова впуская. Это так было предрешиено и непоправимо — отдать свою жизнь в его руки, ненадолго, на чуть-чуть, когда осталась посреди разорённого дома бытия, в новой пустыне своего одиночества... И спастись им. Быть так недолго вместе, тешась мудростью всё поломать, отпустить в свой срок... Но кто-то уже вязал на спицах тёплые вещи... И она рассеянно наблюдала, как сплетаются и перемежаются в мирных руках нити их жизней. Так что, если она прислушивалась к себе, в солнечном сплетении восходило и садилось новое солнце с его именем...

ХОДИКИ

Я как снегопад, засыпала тебя, прости... Засыпаю... Сном обнимаю. И храню в тёплом доме с колышущимися занавесками...

Храню сон твой.

И слушаю твоё дыхание.

И ходики слушаю. И улыбаюсь.

Скрип двери, счастье и восторг общения....

Обнимаю тебя теплом свежего дома, вечернего снега в окне,
ночной дороги в мирной беседе, покое...

СЛУШАТЬ СЧАСТЬЕ

— А ты любишь сидеть у костра?

— Где-то к 12 ночи я устаю... Я люблю спать в деревне, в сенях на перине, на больших душистых подушках и тихо слушать чистые простыни, и как счастье течёт сквозь душу...

ВО ДВОРАХ

Заблудилась во дворах... На другом краю мира её обыскали... Не найтись же?

БЫТЬ БОГОМ

Посмотрела на флору Саржина Рая сверху — и увидела, что травы и цветки моего мира сделаны из тебя. Страшно быть Богом?

НА ЛЕТУ

Я на лету, как птица в тумане-мгле (лишь бы не в крошечности — на маяк!!!) лечу — светло-безнадежно, свято веря в солнце... Не могу не верить... Свято верить... Лететь на свет...

(фрагмент финала)

Звучит тема «Приближение бури»

*Издалека слышатся раскаты грома.
В небе освещается образ
Христа в терновом венце.
Лир в испуге подхватывается, отходя от
кошмарного сна...*

Молния. Гром. Град. Наводнение.

*На 3-м плане-уровне невозмутимо прохаживает
пингвин, презрительно
поглядывая то на публику, то на исполнителей.*

Лир Темно и страшно, гулко, ветер злой!
И кажется, поплыли берега!
Эй, Шут, ты где?!

Шут Я здесь — я все еще с тобой
И неизменный твой слуга!

Лир В стране разлад, шатания и смута.
Дочь предает отца. О, скорбная минута!

Шут Минута?! Нет, уже, [майн Херр], года!
Конца не видно... кабы не навсегда?..
Жди! Перекроют кислород —
не то, что газ!
Армагеддон теперь у нас:
Восток на Запад — брат идет на брата!!

Везде разор, бесплодные дебаты!..
Проблему развязать не могут языков,
Чтобы общаться без обиняков..
Наш Харьков — далеко не Вавилон,

Но с двуязычием давно сроднился он.

Лир Прошу тебя, без смеха, это — важно!

Шут Я не шучу, ты человек отважный —

Раздерибанил всю державу по кусочкам...
э всю Державу по кусочкам!

Лир Я счастья ведь хотел моим
любимым дочкам!..

Шут Оправдываться не перед кем здесь,
Да поубавить стоило бы спесь!..
Теперь как ни ТЯНИ — или ГОНИ
с Майдана всех —
Но БОКОМ выйдет дяди Сэма смех,
Который не смеется априори,
С улыбкой вечной отвечая: «Sorry!».
Нет смысла продолжать нам споры,
Ведь на глазах у судей шоры,
И первый вор кричит: «Держите вора!».
Но, как сказал знакомый мне пацан,
Сам не влети в расставленный капкан.

Что дальше будет?!

Шут Женщина с косою
И в белом, или в черном...

Лир Ты о чем?!

Шут Я? Так, о птичках...
Слетайтесь, Кутюрье!
Эх, в уши бы затычки,
Не слышать чтоб брюзжания его!

Лир Ну, не темни!

Шут Не знаешь сам чего?
Кто раскидал всю территорию
по дочкам —
Тем породивши множество анклавов?
Так это ж ведь не ягоды — цветочки!
А все несчастья — от паденья нравов.

(Снимает шутовской колпак)

Не возродить нам девственных лесов,
Когда табун коней и сотня казаков
Сквозь ковыли степей неслись
быстрей ветров.

Там, где шумит Днепро.
От Святослава поднялась Держава —
И полетела над землей святая слава.
Он преподнес стране бесценный дар —
Дотла спалил Итиль — оплот хазар,
Тем приумножив начатое Ольгой,
Остался верным княжескому долгу.
Так поднималась Киевская Русь,
Где медленно несла свое течение Рось,
Славутичу даря в объятьях перси-волны.
Кормили житные поля и реки,
рыбой полны...

Так Украины выткалось начало,
Что вроде бы беды не предвещало.
Но сказано в святом писанье так:
На князя не рассчитывай, казак!
И если бы не Чингисхан,
То Киев бы сплотил вокруг себя каган.
И сел бы там намного раньше царь,
Но был бы он не русский, а хазар.
Когда мечом славяне покоряли,
Хазары золотом и серебром их брали.
И находясь во власти этих чар,
Тонул в сомненьях русский Валтасар.
Не час, не день, не год решал Владимир,
Чтоб процветал его любимый Сивер.
Какую веру выбрать за основу,
Страдал и мучился в сомненьях снова.
Монархия всегда — планета сферы,
Где царствует звезда единой веры!
Воспитанный славянкой в христианстве,
Он был язычником в войне —
что в пьянстве.
Пьянила кровь его, как брага или мед,

Тогда же не было на это разных квот.
Сын Святослава русский был «казак»,
По бабке славянин —
на четверть лишь варяг.
Как варвар, мщенья предан был обету, —
За что и, овладев, убил потом Рогнеду.
Так, усмиривши спесь аристократки,
Отвергнувшей его, как царь
призвал к порядку.

Но, продолжая Валтасаров пир
И в жены взяв из Византии Анну,
Он промыслом Божественным нежданно
Постиг душою благодатный мир;
И как единый православный царь,
Воздвиг над Русью князь Святой алтарь...
Под натиском племен
и чтоб в живых остаться,
Славяне стали к Северу спасаться, —
Где зиму можно по-медвежьи спать
И силы понемногу собирать.
С Великим Новгородом стала

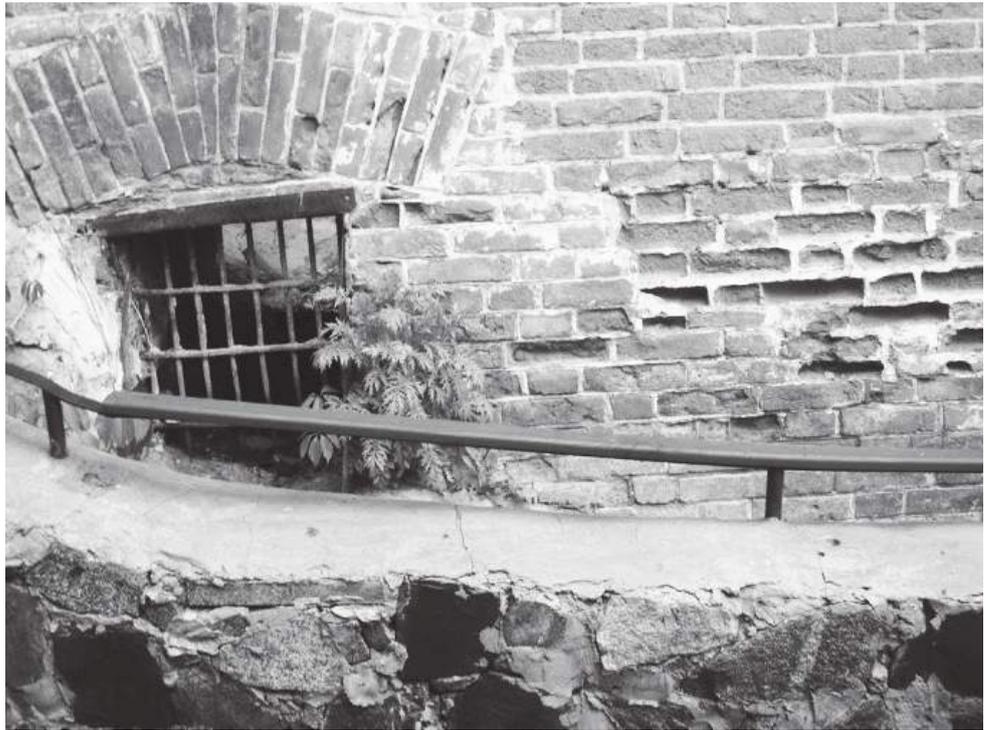
связь тесней,
Москва — развязкою
торговых всех путей.
Так завоевывали русичи пространство —

И в мир несли победу христианства.
Как ни молились Лаврские святые,
Но Киев не спасли
от пращ и стрел Батыя, —
Предательством орде сдана с
толица славов.

И только триста лет спустя
Спасался Киев Магдебургским правом
От шляхтичей, хазар, монголов и царя.
Казак же жил себе на воле —
От Хортицы до чиста поля.
Так за порогами Днепра встал остров,
мощный плот

В волнах истории и вольницы оплот.
Здесь мир узнал об украинском вече,
Про славу казаков и Запорожской Сечи.
Для войска Святослава был форпостом
Когда-то этот легендарный остров.
Здесь он и побеждал, и был убит —
И жизнь язычника во славу прогремит!
Он жил в седле и крепок был как дуб,
И с гордостью носил
седой ковыльный чуб.

Так что традиции казачества по праву
Корнями вглубь идут
ко князю Святославу.
Неумолимо мчится время, друг, увя, —
Строками раньше мы
добрались до Москвы,
Где в царской Думе «старший брат» сидел
И по-боярски в шубы он пыхтел,
Не думая, — на то есть царь, —
А Дума для того, чтобы урвать хабар.
Ну в точности, как наши дяди,
Застравшие в Верховной Раде.

СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Станислав МИНАКОВ

Харьков

ЕВГЕНИЙ ВУЧЕТИЧ И ЕГО ТВОРЕНИЯ

К 40-летию со дня кончины выдающегося советского скульптора

Всемирно знаменитый скульптор, народный художник СССР Евгений Викторович Вучетич ушел из жизни 40 лет назад, 12 апреля 1974 г., в Москве, где и жил долгие годы.

Он оставил в разных странах произведения грандиозные не только по беспрецедентным размерам, но и по художественно-образной силе, в фигурах эпической образности запечатлев величие и великость народного горя и подъема национального духа.

Совершенно очевидно, что в нынешней Украине, где временно власть захватила либерально-нацистская хунта, не отметят дату 40-летия со дня кончины Е. Вучетича, уроженца Екатеринослава (ныне Днепропетровск). Удивительно еще, в контексте памятникового вандализма, прокатившегося в начале 2014 г. по стране (снос монументов Ленину, Кутузову, Советскому солдату и т.д.), в условиях фашизации умов и сердец, что в Киеве остаются высятся два монумента, к которым имел непосредственное отношение великий скульптор.

Но многие из тех на Украине, кто помнит, что осенью текущего года исполняется 70 лет освобождения СССР от немецкого фашизма, не забывают также о том, что по незавершенному проекту Вучетича после его кончины была возведена в городе-герое Киеве над Днепром 80-метровая 450-тонная фигура Родины-матери, ключевая в созданном позже «Национальном музее истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Речь идет о самой большой на Украине монументальной статуе, торжественно открытой 8 мая 1981 г. к 36-летию Великой Победы. Она изготовлена из отдельных стальных блоков-секций, спаянных между собой, каждая из которых весит 25–30 тонн. В одной руке скульптура держит щит с гербом СССР весом в 13 тонн, в другой — 16-метровый меч, весом в 9 тонн. Согласно прогнозам специалистов, фигура должна простоять более 150 лет. На торжества ее открытия приезжал Генсек КПСС Брежнев, министр обороны Устинов, партийные руководители Москвы и Ленинграда — Гришин и Романов. Принимал их главный коммунист СССР Щербицкий. Вроде бы Леонид Ильич подарил тогда Киеву выполненную в бронзе копию известной скульптуры Вучетича «Перекуем мечи на орала», моделью для которой послужил киевский богатырь — олимпийский чемпион по вольной борьбе Борис Гуревич.

Евгений Викторович Вучетич - советский скульптор, народный художник СССР

А в Мариинском парке Киева, где майданные вандалы еще недавно рубили вековые деревья, у самых стен Верховной Рады, стоит, слава Богу, памятник генералу Ватутину, освободителю Киева от немецко-фашистских захватчиков. Его создавал сам Вучетич в 1948 г., еще до своих главных шедевров — фигуры Родины-матери на Мамаевом кургане, памятника советскому воину-победителю в Трептов-парке Берлина и других.

Трептов парк в Берлине

Это ведь выдающийся советский полководец Николай Федорович Ватутин, генерал Красной Армии, во время Великой Отечественной войны командовал 1-м Украинским фронтом и принимал непосредственное участие в освобождении Киева от немецких оккупантов в первые дни ноября 1943 г.

То, что разработчик и участник Белгородско-Харьковской, Полтавско-Черниговской и Ровно-Луцкой военных наступательных операций, освободитель столицы Украины от немецко-фашистских захватчиков был похоронен именно в Киеве, глубоко символично. Нам внятно, почему имя Ватутина, одного из главных освободителей Украины от нацистских захватчиков, носят улицы в шестнадцати (!) городах Украины — Харькове, Луганске, Полтаве, Сумах, Кременчуге, Запорожье, Днепропетровске, Житомире,

Виннице, Хмельницком, Николаеве, Одессе, Севастополе.

Место для захоронения героя-освободителя было выбрано в киевском Мариинском (тогда Советском) парке, возле Императорской резиденции. Тут до 1934 г. стояла церковь в честь святого благоверного князя Александра Невского. И в этом тоже видна ратная преемственность, провиденциальность, неотменимая даже нашим собственным вандализмом и избирательным безпамятством.

Место было выбрано для постройки храма в честь св. князя Александра Невского после гибели Государя Александра II Освободителя, от рук террористов-народовольцев.

Могила генерала Ватутина украшена его фигурой в полный рост, выполненной из гранита. Установлена — на постаменте из лабрадорита, который, в свою очередь, опирается на мозаичный стилобат. Общая высота скульптуры 8,55 м. Постамент украшен надписью на украинском языке: «Вірний син Більшовицької партії, талановитий полководець Червоної армії, що командував Першим Українським фронтом, генерал армії Ватутін М. Ф. 1901—1944». Архитектор проекта — Я. С. Белопольский, красочное мозаичное панно выполнил С. А. Кириченко. На лицевой стороне постамента высечены слова благодарности: «Генералові Ватутіну від українського народу». Очевидец возведения памятника Ватутину писал: «Над гранитным изваянием на небольшой, хорошо просматриваемой площадке, под открытым навесом добросовестно трудилась группа каменотесов. Рабочая площадка находилась во внутреннем дворе восточного одноэтажного флигеля Мариинского дворца, примыкая к его торцу, обращенному в сторону Днепровских склонов. Ажурные металлические решетки, смонтированные в ограду внутреннего дворика, не создавали никаких помех желающим наблюдать за процессом создания скульптуры. Вся работа была видна как на ладони. При желании особо любопытные заходили и во дворик. Создание комплекса на могиле Ватутина по времени совпало с восстановительными работами частично поврежденного во время войны Мариинского дворца. ... В сентябре начались строительные работы по сооружению постамента, который затем облицевали плитами полированного черного лабрадорита. На боковых сторонах постамента были выполнены барельефы. Одновременно подготавливалось железобетонное основание для набора красочного мозаичного панно и продолжалось изготовление скульптуры Ватутина. Группа художников приступила к подбору смальты для мозаичного ковра. Далее последовало установление скульптуры на пьедестал памятника».

Памятник Н.Ф. Ватутину в Киеве.
Скульптор Е. Вучетич, архитектор
Я. Белопольский

Майор Вучетич, легко контактировавший с окружающими, особо выделялся на строительной площадке. Благодаря прессе имя скульптора стало широко известно именно тогда. Вучетич в тот период уже работал и над проектом памятника-ансамбля павшим советским воинам в берлинском Трептов-парке, венчавшегося монументом советского Солдата-освободителя со спасенным ребенком на руках.

Торжественное открытие памятника генералу-освободителю Ватутину состоялось 25 января 1948 г. На церемонии присутствовали партийные и государственные руководители Украины и Киева, из Москвы прибыл заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Политбюро ВКП (б) В. Молотов, представители военных и гражданских организаций, участники Великой Отечественной войны, члены семьи Николая Федоровича и много благодарных киевлян. В начале 2000-х при реставрационных работах Мариинского парка мозаика панно памятника Н. Ф. Ватутину была частично повреждена. Но мастера Санкт-Петербурга прислали нужную смальту, и поврежденные участки были восстановлены. Сегодня снова необходим ремонт панно. Специалисты отмечают, что мозаика опять настолько разрушена, что местами оголена арматура основания.

Но сегодня на Украине, увы, временно у власти наследники бандеровцев, — именно тех, кто лишил жизни 43-летнего генерала Красной Армии Николая Ватутина.

Был также период, когда в некоторых украинских СМИ со ссылкой на газету МО РФ «Красная звезда» появилась информация, что сотрудники секретариата президента Украины предложили живущей в Праге Елене Николаевне Ватутиной, единственной дочери генерала, забрать прах отца из Мариинского парка и перезахоронить где-нибудь в другом месте. Было понятно, что речь шла о подразумевавшемся демонтаже и самого памятника. Е. Ватутина сформулировала свои впечатления так: «Они мне прямо и сказали: “Вы же понимаете, если бы он был не Ватутиным, а Ватутенко, тогда — другое дело”. Я вам скажу честно: цветы от Ющенко генералу Ватутину не нужны. Пусть он оставит это. И этим солдатам, где горит Вечный огонь — им тоже это не нужно. Они не за это воевали — чтобы сейчас вот такое вот было! Совсем не за это. Я думаю, что и ветеранам всем очень обидно».

Вучетича критиковали (и до сих пор критикуют) за гигантоманию, за «тоталитаризм», за тягу к созданию скульптурных произведений небывалого размера. Можно лишь догадываться, какую боль за Отечество и сострадание к своему народу носил в сердце скульптор Евгений Вучетич, если его эмоции выражались в столь грандиозных творениях. Грандиозных не только по беспрецедентным размерам, но и, в самом деле, по художественно-образной силе. И хочется заметить критикам: может быть, только в таких по размаху фигурах и можно запечатлеть огромность народного горя, выплеснувшегося за четыре года Великой Отечественной войны. Не забудем также об эпохе, выпавшей на его долю; какое внимание совершенно резонно уделяли монументальной пропаганде советские вожди.

Но сегодня, если смотришь, например, на Мамаевом кургане на фигуру Родины-матери, взметнувшей ввысь руку с карающим мечом, то видишь небеса и вспоминаешь фильм про святого благоверного князя Александра Невского, сказавшего устами артиста Черкасова: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет! На том стояла и стоит русская земля!» Мы, советские люди, смотревшие фильм, тогда не знали, что слова про меч сценарист фильма взял из Евангелия от Матфея: «Взявшие меч, мечом погибнут».

Сам скульптор так комментировал свою приверженность образу меча: «Я только трижды обращался к мечу, — один меч подняла к небу

Родина-мать на Мамаевом кургане, призывая своих сыновей изгнать фашистских варваров, топчущих советскую землю. Второй меч держит острием вниз наш Воин-победитель в берлинском Трептов-парке, разрубивший свастику и освободивший народы Европы. Третий меч человек перековывает на плуг, выражая стремление людей доброй воли бороться за разоружение во имя торжества мира на планете».

Историческая же последовательность была иной. Сперва был воздвигнут Воин-победитель (1946—1949, совместно с архитектором Я. Б. Белопольским), Родина-мать возводилась на Мамаевом кургане в 1963—1967 гг., с тем же Белопольским и группой) а мускулистая, антично-подобная фигура перековывателя меча на плуг, оригинал которой установили у штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, а копия теперь стоит в Москве у того здания Третьяковской галереи, что на Крымском валу, создана в 1957 г. Менее известен факт, что существует и третья, и тоже авторская, копия этой работы — в казахстанском Усть-Каменогорске, перед Центром семейного отдыха «Mesto».

Эта не совсем обычная для русского уха фамилия, Вучетич, — получена прославленным скульптором от отца — черногорца, принимавшего участие в Гражданской войне на Белой стороне. Матерью его была Анна Андреевна, урожденная Стюарт, имевшая французские корни. Евгений Вучетич родился 28 декабря 1908 г.

Памятник ансамбль Мамаев курган.

Вучетич учился ремеслу ваяния в хороших учебных заведениях разных городов СССР. С 1926-го до 1930-го — в Ростовской художественной школе, в 1931—1933 гг. — в Ленинградском институте пролетарских изобразительных искусств (который стал с 1932 г. именоваться Ленинградским институтом живописи, скульптуры и архитектуры). И уже в 1937 г. получил золотую медаль Всемирной художественно-промышленной выставки в Париже. Похоже, французы оценили прежде всего художественные достоинства произведения, вне политических пристрастий: отмеченная скульптурная группа молодого советского ваятеля называлась «Климент Ворошилов верхом» (1936).

В 1943—1960 гг. В. Вучетич работал военным художником Московской Студии военных художников им. М. Б. Грекова. Можно сколь угодно критиковать художника за политическую ангажированность, упрекать в том, что работал, дескать, на «тоталитарную власть», все это будут лишь лукавые словеса. Фактами остаются высокие образцы искусства, созданные в земном материале, но являющиеся свидетельствами высокого духа. Нам всем не следует забывать и о том, что официальными «батальными» художниками были и Айвазовский, и Верещагин, и некоторое время Поленов, и многие другие. И все они были участниками боевых действий, офицерами-орденоносцами; мало кто помнит, что Айвазовский получил даже адмиральский чин, а Верещагин, погиб 110 лет назад на броненосце «Петропавловск» вместе с адмиралом Макаровым.

Вучетич, безусловно, был явлением своего времени. Он изваял целую галерею скульптурных портретов вождей — В. И. Ленина (в Пензе, Волгограде, Алма-Ате, на Волго-Донском канале и др.) и И. В. Сталина, а также политических деятелей, крупных советских военачальников (А. М. Василевского в г. Кинешме Ивановской области; И. С. Конева в д. Лодейно Подосиновского района Кировской области; М. Е. Катукова в с. Большое Уварово Коломенского района Московской области; В. И. Чуйкова в с. Серебряные Пруды Московской области; А. А. Новикова в Костроме; Р. Я. Малиновского в Одессе), героев войны (генерала армии Н. Ф. Ватутин в Киеве; генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова в Вязьме; освободителя Орла генерала Л. Н. Гурьтева; рядового Александра Матросова в Великих Луках), героев труда.

Широко известный монумент Е. В. Вучетича (архитектор Г. А. Захаров) Ф. Э. Дзержинскому, установленный в 1958 г., более 30 лет украшал одноименную площадь (ныне — Лубянская) перед зданием КГБ СССР и центральным «Детским миром» в Москве. Памятник «железному

Феликсу» в народе именовался «карандашом», однако, вне сомнений, был, даже при отсутствии пластических изысков, неординарным художественным произведением и «держал» большое пространство площади. В августе 1991 г. на волне ложно понятой демократизации толпа при помощи строительного крана свергла с пьедестала монумент первому чекисту. Известное дело: легко уничтожить внешние символы, и крайне затруднительно победить врага внутри себя. Позже памятник Дзержинскому, как и ряд других московских монументов советской эпохи, был перевезен в Парк Искусств «Музеон», находящийся рядом со зданием Центрального дома художников на Крымском валу, где в 1990-е годы открылся единственный в России музей скульптуры под открытым небом. Памятник находится без ухода и разрушается.

Не остались в стороне от внимания художника и образы деятелей отечественной культуры. В частности, в городе Белинский Пензенской области и в самой Пензе установлены памятники критику В. Г. Белинскому, а на Новодевичьем кладбище в Москве есть выполненные Вучетичем надгробья писателю Ф. В. Гладкову и живописцу А. М. Герасимову.

Посмотрим на самые значимые, известные шедевры Е. Вучетича, по-прежнему остающиеся важными узлами, неотъемлемой частью нашей национальной памяти.

В центральной части берлинского Трептов-парка на большом лугу установлен монумент Воину-освободителю, открытый 8 мая 1949 г. Считается, что прообразом памятника является подвиг Николая Масалова, уроженца с. Вознесенка Тисульского района Кемеровской области, спасшего немецкую девочку во время штурма Берлина. По свидетельству маршала Чуйкова, впоследствии подтвержденному историками, 30 апреля 1945 г. участник Сталинградской битвы и сражения на Курской дуге сержант Масалов во время боя в нескольких километрах от рейхстага на улице, примыкавшей к «Ландверканалу», услышал детский крик. Солдат обнаружил в полуразрушенном здании трехлетнюю девочку, которую, прикрывая своим телом, под пулями вынес в безопасное место.

Некоторые наблюдатели полагают, что монументальный солдат похож на командующего 3-й гвардейской армией, тогда еще генерала В. Чуйкова, однако достоверно известно и что Е. Вучетич встретился и с Н. Масаловым, а в качестве прототипа бронзового солдата наиболее

часто упоминаются имена двух советских бойцов, спортсменов — Ивана Одарченко и Виктора Гуназа. По воспоминаниям И. Одарченко, сначала, при позировании, у него на руках действительно сидела немецкая девочка, а потом русская — трехлетняя Света, дочь коменданта Берлина генерала Котикова.

А изначальный посыл был таков. После Потсдамской конференции К. Ворошилов предложил в берлинском Трептов-парке, где похоронены от пяти до семи тысяч советских воинов, павших при штурме Берлина, поставить памятник И. Сталину (бронзовый генералиссимус должен был держать земной шар). Однако Сталин выбрал другой эскиз Вучетича. Уверяют, что именно он предложил заменить автомат ППШ в руке солдата на меч. По его же идее солдат должен был рубить мечом фашистскую свастику, что мы и видим на памятнике.

А меч, который Вучетич вложил в руку бронзового солдата, является копией двухпудового меча псковского князя Гавриила, вместе с Александром Невским сражавшегося против «псов-рыцарей».

«Памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом», так официально называется композиция, с учетом высоты холма и цоколя основания имеет общую высоту около 30 метров. Весит 12-метровая фигура 72 тонны, в основании расположен мавзолей. Неподалеку расположена также фигура коленапреклоненного воина.

Небезынтересно, что по государственному договору между СССР и ФРГ от 1990 г. немецкая сторона взяла на себя обязательства по уходу и реставрации памятников и других захоронений советских воинов на территории Германии. Финансируется программа правительством ФРГ, а ответственным за организацию работ является сенат Берлина. С 2003 г. по 2004 г. памятник был демонтирован, находился на реставрации в Москве, а потом восстановлен.

Памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» был открыт в октябре 1967 г. Сразу после открытия мемориальный комплекс именовался просто «Курган славы». Название же «Мамаев курган» впервые можно обнаружить в высказывании автора мемориала.

Н. С. Хрущев, утверждая проект памятника-ансамбля, потребовал, чтобы скульптура Родины-матери была выше американской статуи Свободы. В итоге Вучетичу пришлось отказаться от первоначального проекта скульптуры — сравнительно невысокой фигуры Родины-матери со

свернутым знаменем в руке. В результате высота скульптуры Родина-мать — 52 метра, а длина меча 33 метра.

Родина-мать венчает огромный холм над площадью Скорби в Волгограде. Курган — насыпной, высотой около 14 метров, в нем захоронены останки 34 505 воинов — защитников Сталинграда. На вершину холма к Родине-матери ведет серпантинная дорожка, вдоль которого расположены 35 гранитных надгробий Героев Советского Союза, участников Сталинградской битвы. От подножия кургана до его вершины серпантин состоит ровно из 200 гранитных ступеней высотой 15 и шириной 35 см — по числу дней Сталинградской битвы, завершившейся с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Кроме фигуры Родины-матери у кургана расположен комплекс мемориальных скульптурных композиций, а также зал памяти.

По окончании грандиозных работ Е. В. Вучетич признавался: «Сейчас ансамбль завершен. За этим — пятнадцать лет поиска и сомнений, печали и радости, отвергнутых и найденных решений. Что нам хотелось сказать людям этим памятником на историческом Мамаевом кургане, на месте кровавых битв и бессмертных подвигов? Мы стремились передать, прежде всего, несокрушимый моральный дух советских воинов, из беззаветную преданность Родине. Памятник героям Сталинградской битвы — это памятник величайшему историческому событию. Это памятник массе героев. И потому мы искали масштабные, особо монументальные решения и формы, которые, на наш взгляд, позволили бы наиболее полно передать размах массового героизма. ... Поэтому такое содержание не могло быть воплощено в обычном типе памятников, представляющих однофигурную или многофигурную композицию на постаменте. Именно памятник-ансамбль как высшая форма монументального искусства раскрывал смысл и значение Сталинградской битвы».

К 50-летию Победы было открыто воинское мемориальное кладбище, на котором перезахороняют останки защитников Сталинграда, которые до сих пор продолжают находить поисковые отряды. В 2005 г. у мемориального комплекса на Мамаевом кургане появился храм Всех Святых. После 2008 г. на Мамаевом кургане открыт выставочный зал, посвященный сражению на кургане. В 2008 г. мемориальный комплекс Мамаева кургана победил в финале общенародного конкурса «7 чудес России».

Занимательный факт: бои в районе Мамаева кургана вели немецкие войска под командованием генерала Вальтера фон Зейдлиц-Курцбаха, который после сдачи в плен советским войскам

возглавил антигитлеровскую организацию «Свободная Германия».

Как-то на периферии общественного сознания в силу ряда причин остается грандиозная военная операция, проведенная советскими войсками на завершающем, то есть атакующем-разгромном этапе Сталинградской битвы. 23 ноября 1942 г. в районе г. Калач-Советский войска Юго-Западного фронта во взаимодействии с войсками Донского фронта завершили оперативное окружение противника, что привело к последующему разгрому 330-тысячной группировки немецко-фашистских войск, прорвавшихся к Волге. В ходе этого окружения прошел беспрецедентный в военной истории танковый рейд по тылам противника.

Отдадим должное Вучетичу: событие оказалась в поле зрения скульптора. И теперь у нас есть памятник. Он уступает в художественном плане шедеврам Вучетича, но мы не заем об условиях (бюджете, ситуации и т.п.) создания монумента. Важно, что памятник есть.

Отдадим скульптору Вучетичу дань — как сыну большой единой Родины, которому был отпущен дар и возможность запечатлеть, прежде всего, силу скорби и величие подвига нашего народа в Великой Отечественной войне.

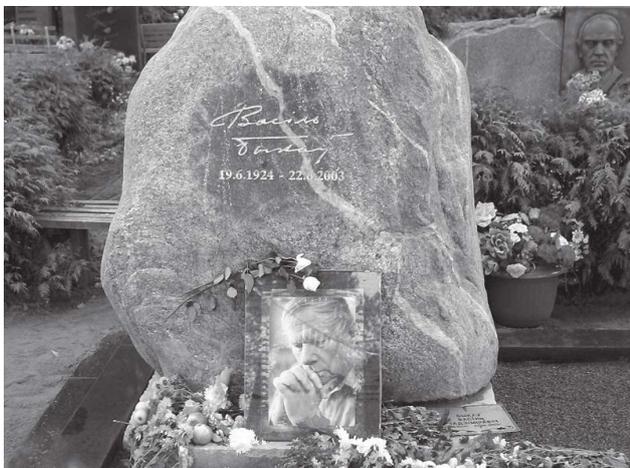

Памятник ансамбль Мамаев курган.

НАСТОЯЩИЙ БЫКОВ

19 июня, в канун исторического, трагичного, болевого для всех нас дня 22 июня, исполняется 90 лет со дня рождения известного белорусского прозаика Василя Быкова, военными повестями которого в свое время зачитывался весь Советский Союз, которые переводились на все языки мира (на русский автор переводил их сам). Не утратили они актуальности и теперь, как не растворяется «ни во что» великая литература. Бог в своих заглавных сохраняет всё, даже если человечество входит, как это происходит сегодня, в фазу нового одичания, варваризации, утраты духовности, раскультурирования.

Еще более символично, что скончался Василь Быков именно в день 22 июня. Произошло это в 2003 г. С декабря 2002-го Герой Социалистического Труда, народный писатель Беларуси жил в Чехии (а до этого в Финляндии и ФРГ), перенес операцию по удалению раковой опухоли желудка, и в период послеоперационной реабилитации скончался в реанимационном отделении онкологического госпиталя в Боровлянах, под Минском (на Родину писатель, конфликтовавший с новой белорусской властью, вернулся за месяц до своей кончины). Похоронен на Восточном кладбище в Минске, в честь писателя названы улицы в Белостоке, Гродно, а также поселке Ждановичи.

Памятный знак на могиле народного писателя Беларуси В. Быкова

Василь Владимирович Быков родился в 1924 г. в деревне Бычки Ушацкого района Витебской области. В 1942-м парню исполнилось восемнадцать, понятно, что это было временем призыва в Красную Армию. К тому моменту Василь успел поучиться на скульптурном отделении Витебского художественного училища и окончить, в связи с идущей войной, Саратовское пехотное училище. В звании младшего лейтенанта, присвоенном ему осенью 1943-го, В. Быков отправился на передовую. И прошел за полтора года бои за Кривой

Рог, Александрию, Знаменку. Молодой командир воевал на Втором и Третьем Украинских фронтах, прошел по территории Румынии, Болгарии, Югославии, Австрии, был дважды ранен. В частности, во время проведения Кировоградской наступательной операции получил ранение в живот и в ногу (по ошибке был записан как погибший; родители получили похоронку). Молодой офицер был награжден орденом Красной Звезды, после войны получил орден Отечественной войны I степени.

Василь Быков в Румынии, 1944 г.

О том, что всё в его судьбе было непросто, свидетельствует и такой факт: изначально война застала молодого В. Быкова на Украине, где он принимал участие в создании оборонительных рубежей. Во время отступления на восток, в Белгороде, он отстал от своей колонны и был арестован и даже чуть не расстрелян, будучи принятым за вражеского шпиона.

Творческий человек, первые свои сочинения Быков опубликовал уже в 1947-м, 23-летним. Но свою литературную биографию писатель отсчитывал с рассказов, созданных в 1951 г. Разумеется, тематическую, содержательную, эмоциональную и духовную основу произведений молодого фронтовика составили произведения, связанные с самыми яркими событиями его жизни — он запечатлевал будни, думы, судьбы солдат Великой Отечественной войны.

Как это знакомо по творчеству молодых русских офицеров — М. Лермонтова, Л. Толстого и других! Как это близко нам по произведениям советских фронтовиков, сопоколенников В. Быкова — прозаиков К. Воробьева, Е. Носова, В. Астафьева, поэтов А. Тарковского, А. Межирова, П. Шубина, Д. Самойлова, Ю. Левитанского, многих-многих других, в том числе и сложивших свои молодые головы в битве за свободу Отечества.

Правдивому В. Быкову пришлось непросто в атмосфере требований цензуры к лакировке. Писателя изрядно критиковали в прессе, даже упрекали в «осквернении советского лада». Тем не менее, его честная фронтовая проза — видимо, провиденциальным образом — пробивалась к читателям. Известность В. Быкову принесла повесть «Третья ракета», вышедшая в 1962 г. В 1960-е годы были опубликованы его повести «Альпийская баллада», «Мертвым не больно», а в 1970-е — «Сотников», «Обелиск», «Пойти и не вернуться», «Дожить до рассвета» (удостоенная Государственной премии СССР за 1973 г.). В сущности, именно этот прозаический быковский «пул» ввел писателя в ряд выдающихся мастеров военной прозы XX в. Начиная с повести «Дожить до рассвета» Быков сам переводил свои произведения на русский язык, они стали органической и очень существенной частью русской литературы, русского литературного процесса. Быковские притчеобразные, носящие нравственно-философский характер повести знаменовали в литературе новый этап художественного осмысления трагических событий войны.

Творческий и личностный авторитет позволил В. Быкову с 1972 по 1978 гг. руководить Гродненским отделением Союза писателей БССР. В 1980-м писатель был удостоен звания Народного писателя Беларуси, а в 1986-м — Ленинской премии, за повесть «Знак беды».

Писатель В. Быков и его читатели

В контексте нынешних событий на Украине злободневно звучат слова В. Быкова из его публицистического полотна «Колокола Хатыни»:

«Немцы очень скоро поняли, что этот небольшой и миролюбивый народ выселить с его территории не удастся ни при каких обстоятельствах, как не удастся и онемечить, и оккупанты взяли чудовищный курс на его ликвидацию. Сознывая ежеминутную опасность, грозившую фашистам из лесов и деревень лесной стороны, они в своем страхе дошли до иступления и готовы были убивать каждого. И если они не убили всех, то лишь потому, что не в состоянии были сделать это физически. Ведь чтобы убить всех, прежде надо было их победить. А это оказалось сверх возможностей гитлеровцев, и они убивали, мстя за свои неудачи на фронте и в боях с партизанами, убивали тех, кто помогал или только мог помочь партизанам. Три года непрерывно погибали люди, и это была тяжкая плата народа за свою независимость, которая обошлась Белоруссии в два миллиона двести тридцать тысяч человеческих жизней. Погиб каждый четвертый. [...] за три года войны они сумели стереть с лица белорусской земли 209 городов и городских поселков, 9200 деревень».

Нам важно не забыть и эти слова писателя: «На белорусской земле в огне партизанской войны закалялась великая дружба братских советских народов. В одном партизанском строю плечом к плечу сражались с врагом белорусы и русские, украинцы и евреи, азербайджанцы и грузины, литовцы и таджики. Нередко случалось, что, оказавшись свидетелями невиданной самоотверженности народа, на его сторону переходили люди из стана врага, представители народов Европы, обманом втянутых в войну. Так, именно в Белоруссии приняли свое прекрасное и роковое для себя решение двадцать итальянских солдат, отказавшихся стрелять в мирных жителей и за это расстрелянных фашистами. На нашей земле совершали свои подвиги легендарной храбрости чех Ян Налепка и немецкий антифашист Фриц Шменкель. Сотни словаков, венгров, румын, пригнанных фашистами на нашу землю с оружием в руках, обратили это оружие против своих угнетателей».

Некоторые произведения писателя, такие как повести «Третья ракета» (1962), «Дожить до рассвета», были экранизированы.

Нельзя не остановиться на самой выдающейся быковской экранизации, получившей всемирный резонанс — осуществленной режиссером Ларисой Шепитько, уроженкой Артемовска Донецкой области, выученицы школ Львова и Киева, которую некоторые называли «русской березкой Украины». Впечатлительный А. Довженко сказал ей, своей ученице во ВГИКе: «Я в вашем лице увидел всю красоту своей Родины». Символично: фильм «Белорусский вокзал», снятый А. Смирновым в 1970 г., руководство «Мосфильма» перво-

начально планировало поручить Л. Шепитько. Однако жалеть о замене не приходится: с одной стороны, Смирнов снял всенародно чтимый, памятный фильм, а с другой — Лариса сохранила в себе потенциал «военной» темы для своего шедевра мирового уровня, «Восхождение» (1977), снятого ею по пронзительной и глубокой повести В. Быкова «Сотников». Сценарий был написан самой Шепитько вместе с Ю. Клепиковым.

Путь на Голгофу. Кадр из фильма «Восхождение»

Фильм оказался грандиозным по воздействию как на отечественного зрителя, так и на зарубежного. Универсальность и смелость художественного языка, наповал разившего тогдашних блюстителей безбожной идеологии, все-таки превозмогла цензурные препоны. Черно-белая лента, выглядывшая почти как документальное кино о войне, ставила высочайшую нравственную проблематику, опираясь и сюжетно и визуально на библейскую первооснову (сцены с зимней, русской Голгофой и шествием на нее Христа, несущего Крест), на евангельскую тему предательства и верности, воплощенную прекрасным актерским треугольником — Б. Плотников (в роли Сотникова, озвучен А. Демьяненко), В. Гостюхин (бывший партизан Рыбак), А. Соловьев (гестаповский следователь Портнов). Тут в актив пошло все: и музыка А. Шнитке (потом он напишет музыку к недоснятому Шепитько фильму «Прощание» по повести В. Распутина), и работа художника Ю. Ракиши (памятного также по фильму 1975-го года «Дерсу Узала» японца Акиро Куросавы), и операторские находки В. Чухнова и его помощника П. Лебешева.

На фильм «Восхождение» вылился премиальный дождь из престижных международных наград (начиная с «Золотого медведя» в Западном Берлине в 1977 г.), создатели фильма проехали с ним по многим странам, а актеры, в нем сняв-

шиеся, сразу оказались широко востребованы в отечественном кино.

Фильм оказался настолько силен и пронзителен, настолько неожидан в своем ракурсе подачи военной, партизанской темы, обильно присутствовавшей в нашем искусстве, что практически, как и сама повесть В. Быкова, перевернул сознание соотечественников.

Главный герой, плененный советский офицер Сотников говорит допрашивающему его и склоняющему к сотрудничеству предателю, следователю гестапо Портнову: «Я не предаю. Есть вещи поважнее собственной шкуры...» Показательна ответная реплика Портнова: «Где они? Ну что это? Из чего состоит?... Это чушь! Мы же конечны. Со смертью для нас заканчивается все. Весь мир. Мы сами. Не стоит... Ради чего? Пример для потомков? Но героической смерти у вас тоже не будет. Вы не умрете, вы сдохнете как предатель. Не выдашь ты — выдаст другой, а спишем все на тебя; ясно?» В условиях безбожной парадигмы предлагаемая перспектива в самом деле безысходна: остаться в памяти людей, при любом исходе, предателем Родины. Однако Портнов не видит Божьего суда и хочет Сотникова утянуть за собой в бездну. Не видным выход мог быть и миллионам советских людей, существовавших в безбожном миропонимании.

Однако духовный подвиг авторов этой истории состоит в том, что в безбожной реальности художник (сначала писатель, а затем режиссер) заводит речь о Божьем суде — как о самой реальной реальности.

И отметим: если для советского читателя и кинозрителя, как ни крути, воспитанного на высоких художественных образцах и традициях, эти повесть и фильм были хоть и образно непросты, то для нынешних поколений, привыкших жевать телесериальную мякину, развлекательные шоу, пошлость и мерзость современных телеэкранов, этот фильм, пожалуй, усвоению уже и не подлежит. Может быть, поэтому уже четверть века его не показывают на телеэкранах.

А ведь следует напоминать про этот шедевр — жемчужину из сокровищницы отечественного кинематографа. Стоящий в ряду с такими заслуженно любимыми всем советским народом полотнами, как «Судьба человека», «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Иваново детство», «Отец солдата», «Верность», «А зори здесь тихие», «Они сражались за Родину», «Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны» и многих, многих, многих других.

Шепитько четыре года добивалась разрешения на экранизацию повести В. Быкова. Вспомни-

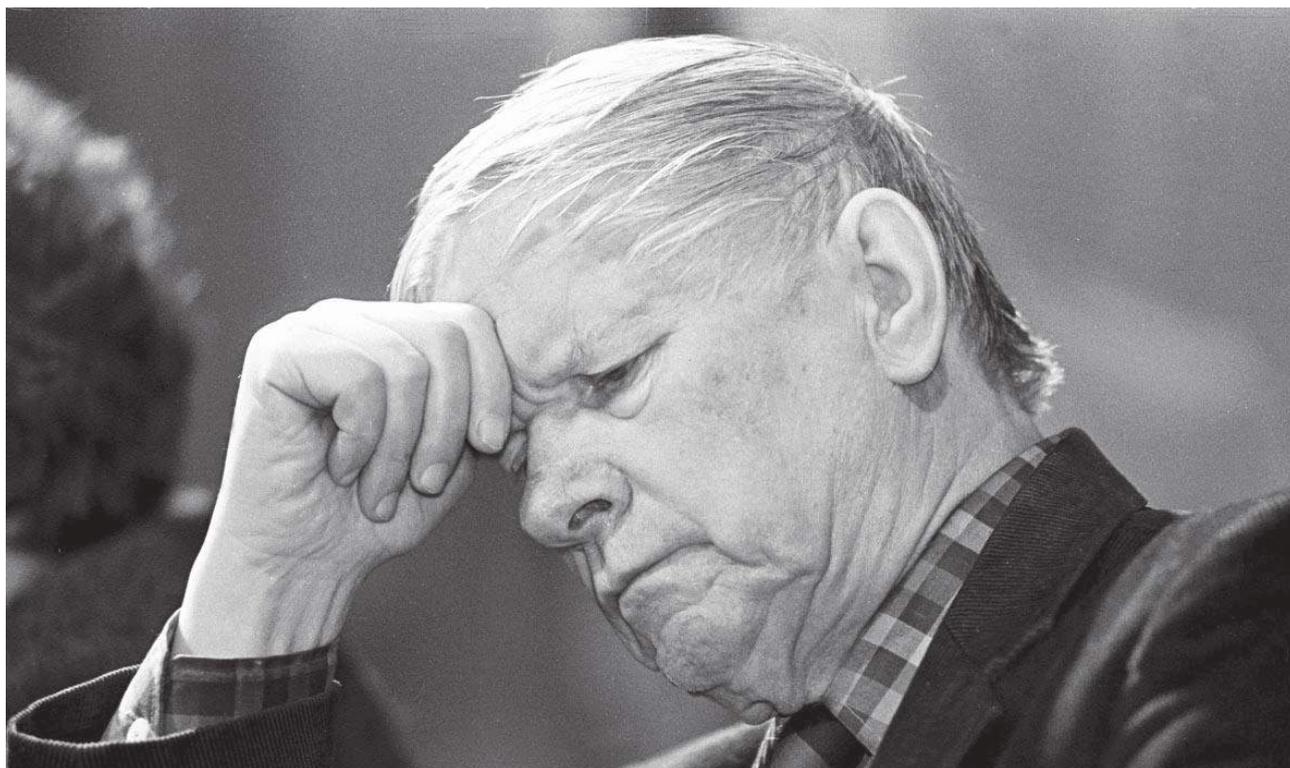
нают, что съемки «Восхождения» проходили в сорокаградусные морозы, во владимирском древнем Муроме и его окрестностях, которые не только для режиссера и актеров, но и для всей съемочной группы превратились в Белоруссию зимы 1942 г.

В. Гостюхин рассказывал, что после съемок обессиленную Ларису ему приходилось относить в гостиницу на своих плечах. Эту «религиозную притчу с мистическим оттенком», как окрестило фильм идеологическое руководство, спасло личное вмешательство 1-го секретаря ЦК Компартии Белоруссии Петра Машерова, человека трагической судьбы, которого здесь помянем принципиальным добрым словом. Эта личность тоже служит примером того, как можно оставаться человеком — даже и в нечеловеческих обстоятельствах, и какова бывает за это личная расплата (история с автокатастрофой, в которой погиб Машеров, остается до сих пор темной).

Советские чиновники, пожалуй, не ошиблись в идеологической оценке фильма «Восхождение». Но не предвидели коммерческого успеха фильма на Западе. Картина принесла немалый доход Советскому Союзу: она была закуплена для проката почти в сорока странах мира, показывали ее на всех континентах с ошеломляющим успехом, ей рукоплескали Париж и Нью-Йорк. На Западе вокруг работы Шепитько развернулись философские и научные дискуссии о сущности человека, о законах его поведения, о его предназначении и духовных возможностях, о высшем смысле и истинных ценностях. «Я уходила с просмотров с мокрыми плечами, потому что люди устраивали массовые рыдания», — вспоминала Л. Шепитько.

Нравственный императив был руководящим как для самого автора повести «Сотников», так и для его главного героя, идущего за Родину и «други своя» на оккупантский нацистский эшафот: «Все сделалось четким и категоричным. И это дало возможность строго определить выбор. Если что-либо еще и заботило его в жизни, так это последние обязанности по отношению к людям, волею судьбы или случая оказавшимся теперь рядом. Он понял, что не вправе погибнуть прежде, чем определит свои с ними отношения, ибо эти отношения, видно, станут последним проявлением его «я» перед тем, как оно навсегда исчезнет».

Анна МИНАКОВА

Харьков

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ РУССКОЙ МУЗЫКИ

*К 175-летию со дня рождения
М. Мусоргского*

«Крест на себя наложил я и с поднятой головой, бодро и весело пойду против всяких к светлой, праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадой, его горем и страдой», — так говорил Модест Петрович Мусоргский.

Сегодня его наследие не устаревает, но напротив, приобретает все новую и новую актуальность в ходе истории. Темы, волновавшие композитора и получавшие мощнейшее воплощение в его творчестве, наверное, всегда будут особенно острыми на наших землях.

21 марта (9 по ст. ст.) исполняется 175 лет со дня рождения великого русского композитора. Этот самобытный талант, взрожденный на почве истинно народной культуры, не до конца оцененный современниками, стал одним из ярчайших представителей русского искусства. Его можно назвать одним из тех творцов, кто аккумулирует и сохраняет в своих сочинениях «русский ген».

«...Не познакомиться с народом, а побрататься жаждется, — говорил Мусоргский. — Черноземная сила проявится, когда до самого днища ковырнешь...»

Модест Мусоргский родился 21 марта 1839 г. в селе Карево Псковской губернии, в семье помещика. В 1856 г. будущий композитор окончил курс в бывшей Школе гвардейских подпрапорщиков, недолго служил в лейб-гвардейском Преображенском полку, затем в главном инженерном управлении, в министерстве государственных имуществ и в государственном контроле.

Памятник М. П. Мусоргскому на Псковщине

Получив блестящее образование, молодой Мусоргский имел успех в обществе. И трудно было угадать в светском юноше будущего глубоко русского художника. А. П. Бородин, соратник композитора по «Могучей кучке», так вспоминал свою первую встречу с коллегой в 1856 г.: «Модест Петрович был в то время совсем мальчонка, очень изящным, точно нарисованным офицериком; мундирчик с иголки, в обтяжку; ножки вывороченные, волосы приглажены, припомажены; ногти словно выточенные; манеры изящные, аристократические; разговор такой же, немного сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами; некоторый оттенок фатоватости, но очень умеренный. Вежливость и благовоспитанность — необычайные, дамы ухаживали за ним. Он садился за фортепиано и, вскидывая кокетливо ручками, играл весьма сладко, грациозно отрывки «Трубадура» и «Травиаты», а кругом его жужжали хором: «Charmant, deliciux!»

Пройдет несколько лет и М. Мусоргский приобретет иные черты, он будет уже не похож на того офицера. Мировоззрение молодого человека изменится в корне, когда он попадет в Москву. Читая одно из его писем композитора

М. Балакиреву, мы буквально становимся

Модест Мусоргский - офицер Преображенского полка

свидетелями стремительных изменений личности: «... Колокольни и купола церквей так и пахнули древностью... Кремль, чудный Кремль — я подъезжал к нему с невольным благоговением. Красная площадь, на которой происходило так много замечательных катавасий... Василий Блаженный так приятно и вместе с тем так странно на меня подействовал, что мне так и казалось, что сейчас пройдёт боярин в длинном зипуне и высокой шапке. Под Спасскими воротами я снял шляпу, этот

народный обычай мне понравился». «Я был космополит, а теперь — какое-то перерождение; мне становится близким всё русское...».

В 1863 г. Модест Петрович попал в творческую среду «Могучей кучки», и стал ее членом. Этот музыкальный кружок, собранный Балакиревым, по сей день является одним из значительнейших явлений русской музыки. Знакомство и тесное общение с единомышленниками дало толчок развитию таланту молодого композитора. В компании замечательных, разнопланово одаренных личностей — Римского-Корсакова, Бородина, Кюи, Балакирева и музыкального критика Стасова — Мусоргский открыл для себя (как он сам признавался) новый, неведомый ему до сих пор мир.

Мусоргский настолько проникся родной культурой и историей, что оказался гораздо глубже укорененным в русскую традицию, чем его коллеги, тоже черпавшие вдохновение в народном творчестве и искавшие пути развития русской музыки. Мы видим, что по истокам своего стиля Мусоргский архаичнее всех современных ему композиторов. В его творчестве находят преломление пласты исконно русской музыкальной культуры — крестьянская песня, древнерусское церковное пение, колокольный звон. Эта линия оказалась очень плодотворной для русской музыки: по стопам Мусоргского пошли великие С. Рахманинов и Г. Свиридов.

К слову, глубокий мыслитель Георгий Свиридов отмечал: «В высшей степени показательно, насколько сильно привлекала и одновременно мучила его тема падения царств. Вместе с тем, с не меньшей силой проступает и ещё одна важнейшая для творчества Мусоргского тема — самозванство. Соотношение власти законной и незаконной, праведной и неправедной. Погружаясь мыслью во времена сравнительно отдаленные и чутьем художника сопоставляя их со временем, когда жил он сам, Мусоргский каждый раз как бы заново предвидит и заставляет нас вместе с ним переживать не просто правление какого-то беззаконного узурпатора власти, но неотвратимость наступления целой эпохи самозванцев. А вместе с такой эпохой — снова смуту народную и душевную, оцепенение, ужас и некий праисторический террор».

Тема эта ярче всего была проявлена Мусоргским в грандиозном «Борисе Годунове», самой популярной в мире русской опере. Сам композитор определял жанр своего сочинения как «народная музыкальная драма» (это относится и к «Хованщине»). Наряду с правдивым воспроизведением духовного мира человеческой личности композитор стремился постигнуть и передать коллективную психологию народных

масс. «...В человеческих массах, — писал он, — как в отдельном человеке, всегда есть тончайшие черты, ускользающие от хватки, черты, никем не тронутые...».

Мусоргский обратился также и к непростой православной теме — образу русского юродивого, ставшего одной из главных фигур в опере «Борис Годунов». Композитор вслед за Пушкиным, автором одноименной драмы, наделил его провидческим и высоким нравственным даром. «Нельзя молиться за царя-Ирода, Богородица не велит», — высказывает Юродивый царю Борису.

А. Головин. Портрет Ф. И. Шаляпина в роли Б. Годунова в одноименной опере М. П. Мусоргского. 1912

Существует две авторские редакции «Бориса Годунова»: в связи с тем, что цензура отклонила первый вариант оперы, Мусоргский был вынужден существенно переработать сюжет и драматургию. Премьера «Бориса» состоялась в 1874 г. на сцене Мариинского театра в Санкт-Петербурге. После 15 спектаклей опера была снята с репертуара. Спустя более 20 лет после премьеры «Борис Годунов» вернулся на сцену, но в измененном виде: Римский-Корсаков счел инструментовку и композицию автора неудачной и создал свою редакцию.

Сам Римский-Корсаков спокойно и взвешенно оценивал проделанную работу по редактированию оперы:

«Своей обработкой и оркестровкой «Бориса Годунова» я остался несказанно доволен. Яростные почитатели Мусоргского немного морщились, о чём-то сожалели... Но ведь дав новую обработку «Бориса», я не уничтожил первоначального вида. Я не закрасил навсегда старые фрески. Если когда-нибудь придут к тому, что оригинал лучше, ценнее моей обработки, то мою обработку бросят и будут давать «Бориса» по оригинальной партитуре».

Настоящая популярность к опере пришла в 1898 г., когда в роли царя Бориса выступил Шаляпин. Авторская редакция «Бориса Годунова» была восстановлена в 1928 г. Ленинградским театром оперы и балета.

Впоследствии появилась еще одна редакция «Бориса Годунова» — ее осуществил не кто иной, как большой поклонник Мусоргского Д. Шостакович. Сейчас на сценах мира можно увидеть оперу в любой из этих редакций, а споры, какая из них «лучше», до сих пор ведутся среди музыковедов, музыкантов и любителей оперного искусства.

Очень драматичные драмы Мусоргского не похожи ни на красочные сказки Римского-Корсакова, ни на благородный былинный эпос Бородина, ни, уж конечно, на лирическую сердечную Россию Чайковского. Он хотел живописать правду — как он ее понимал. «Создать живого человека в живой музыке» — так определял Мусоргский цель своего творчества.

Неспроста он высоко ценил и любил творчество А. С. Даргомыжского, от которого очень многое воспринял и которого называл «великим учителем правды». Именно Даргомыжский особенно пристально работал с речевой интонацией и словом, поэтому романсовые и песенные интонации в его сочинениях нередко уступали место речитативу. Мусоргский также широко использовал речитатив и достиг небывалых высот в искусстве имитации живой человеческой речи музыкальными средствами.

Если в произведениях Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова народные темы воплощались в «окультуренном», благопристойном виде, как лубочные картинки, то Мусоргский первым показал в музыкальных сочинениях «бесмысленный и беспощадный» русский бунт. И даже в фортепианном цикле «Картинки с выставки», где, казалось бы, само название говорит нам о некоем переносе в нереальную плоскость (цикл написан под впечатлением посещения выставки погибшего художника В. Гартмана, друга Мусоргского), образы композитора предельно выпуклы и реалистичны.

Для Мусоргского необычайно важной была тема обездоленного, одинокого и обманутого «маленького» человека. Созданные им образы — будь то сельский дурачок из романа «Светик Савишна», или несчастная сиротка, просящая подаяние, или измученный крестьянин, замерзающий в глухом лесу («Трепак») — органично становятся в ряд с персонажами Гоголя и Достоевского. Они порой находятся почти у грани, где человеческое стирается, и непонятно, послужили ли этому их личностные обстоятельства, или в большей мере вина лежит на социуме, который породил такие лики. Мусоргский показывает нам человека, достойного сочувствия и прощения. Особое значение как выражение народного горя и печали приобрел у Мусоргского жанр колыбельной («Калистрат», «Колыбельная Ерёмушке», «Спи, усни, крестьянский сын»).

Музыковед Б. Асафьев писал: «Скорбной была жизнь этого человека, наделенного потрясающим дарованием живописать в звуках стихию человеческого горя, страдания терпеливой покорности пьяного угара и тихой кротости. Ни один звук не вырывался у Мусоргского, не коснувшись сердца. Всю тяжесть горя и скорби, которую он носил в душе своей, он начал рассеивать в вине. Мусоргский — человек с чистой, светлой, наивной душой. Звук для него был той средой, где он мог изливать своё страдание и страдание других».

Исследователи отмечают, что идеи прогресса

цивилизации были глубоко антипатичны Мусоргскому. Он неоднократно высказывался, что развитие цивилизации без сопутствующего или даже опережающего ее духовного развития общества должно привести человечество к «воистину адской бездне». Пророчески звучат строки из письма композитора к поэту А. А. Голенищеву-Кутузову от 18 марта 1875 г.: «Если не произойдет громкого переворота в складе европейской жизни, буфф вступит в легальную связь с канканом и задушит нас остальных. Способ легкой наживы очень родственно уживается со способом легкого сочинительства (буфф) и легкого разврата (канкан)... Господи, сколько жертв, сколько болей поглощает эта чудовищная акула — цивилизация!» Глядя на окружающую действительность, мы видим, что произошло именно то, чего прозорливо опасался композитор.

Еще одним шедевром Мусоргского стала драматическая опера «Хованщина», идея и план которой были предложены критиком Стасовым. Работать над «Хованщиной» Мусоргский начал в 1875 г., однако закончить ее не успел. И снова помог Римский-Корсаков, который инструментовал «Хованщину» и приспособил для сцены. Опера была исполнена в 1886 г. в Петербурге силами любителей, а затем поставлена Московской частной русской оперой С. И. Мамонтова (1897). Исследователь Л. Болеславский замечает, что образ Досифея из «Хованщины» композитор начал писать с протопопа Аввакума, «Житие» которого было впервые опубликовано в 1861 г., но потом стал вносить в образ новые краски, сделал его более мягким, лиричным, однако не в ущерб стойкости и обличительной силе. В опере немало и задушевных страниц, основанных на народном мелесе: «Исходила младёшенька», «Возле речки на лужочке», «Поздно вечером сидела», «Плывёт лебёдушка»...

Работая над «Хованщиной», Мусоргский задумал и третью народную драму — о Пугачевском восстании, которая вместе с «Борисом» и «Хованщиной» составила бы своеобразную трилогию на тему о русском бунте. Либретто композитор собирался писать на основе «Капитанской дочки».

Вершину камерно-вокального творчества Мусоргского составляют три цикла: «Детская» (этот цикл композитор написал на свои слова), «Без солнца» и «Песни и пляски смерти». О «Детской» знаменитый французский композитор-импрессионист К. Дебюсси сказал: «Никто не обращался к лучшему, что в нас есть, с большей нежностью и глубиной». Импрессионисты вообще пристально отнеслись к открытиям Мусоргского, как в сфере речевого интонирования, так и в сфере колористики. То, что казалось

консервативной публике в музыке Мусоргского странным и неуклюжим, импрессионисты взяли «на вооружение» и развили новаторские идеи русского гения. «...Русские дадут нам новые импульсы для освобождения от нелепой скованности. Они помогут нам лучше узнать самих себя...», — говорил Дебюсси. А Равель даже сделал оркестровую версию «Картинок с выставки», которая имела успех, и по сей день часто исполняется.

А. Головин. Портрет Ф. И. Шаляпина в роли Б. Годунова в одноименной опере М. П. Мусоргского. 1912

Читая письма Мусоргского второй половины 1870-х, знакомясь с воспоминаниями и заметками современников, мы видим, сколь беспросветно печальными были последние годы жизни композитора. Его тяготило одиночество — вопреки множеству дружеских контактов; его выматывала чиновничья служба, которую он расценивал как бессмысленную и гибельную для творчества. И — несмотря на службу — он был совершенно не обеспечен материально, подчас оказываясь на грани нищеты. А после отстранения от службы в 1880 г. композитор выживал благодаря средствам близких друзей, которые собирали деньги, чтобы выплачивать Мусоргскому что-то вроде пенсии. Сочинение музыки шло все труднее. Подорвав вследствие болезненного пристрастия к алкоголю и без того слабое здоровье, Мусоргский сочинял с большими перерывами. И вот на этом фоне рождалось самое светлое, радостное произведение Мусоргского — опера «Сорочинская ярмарка». Она была задумана в 1874 г., вскоре после начала работы над «Хованщиной». Эта опера также не была окончена.

В 1879 г. Мусоргский совершил турне по Украине и Крыму с известной в то время певицей Дарьей Леоновой, ученицей Глинки (она же приютила композитора в своем доме в последние месяцы его жизни). Модест Петрович не только аккомпанировал, но и играл сольно. Первые концерты состоялись в Полтаве и Елисаветграде. Под впечатлением южной природы Мусоргский написал фортепианные пьесы «Гурзуф», «Байдары», «Буря на Черном море», а также сочинил специально для спутницы «Песенку Мефистофеля о блохе», которая стала впоследствии знаменитой в исполнении Ф. Шаляпина.

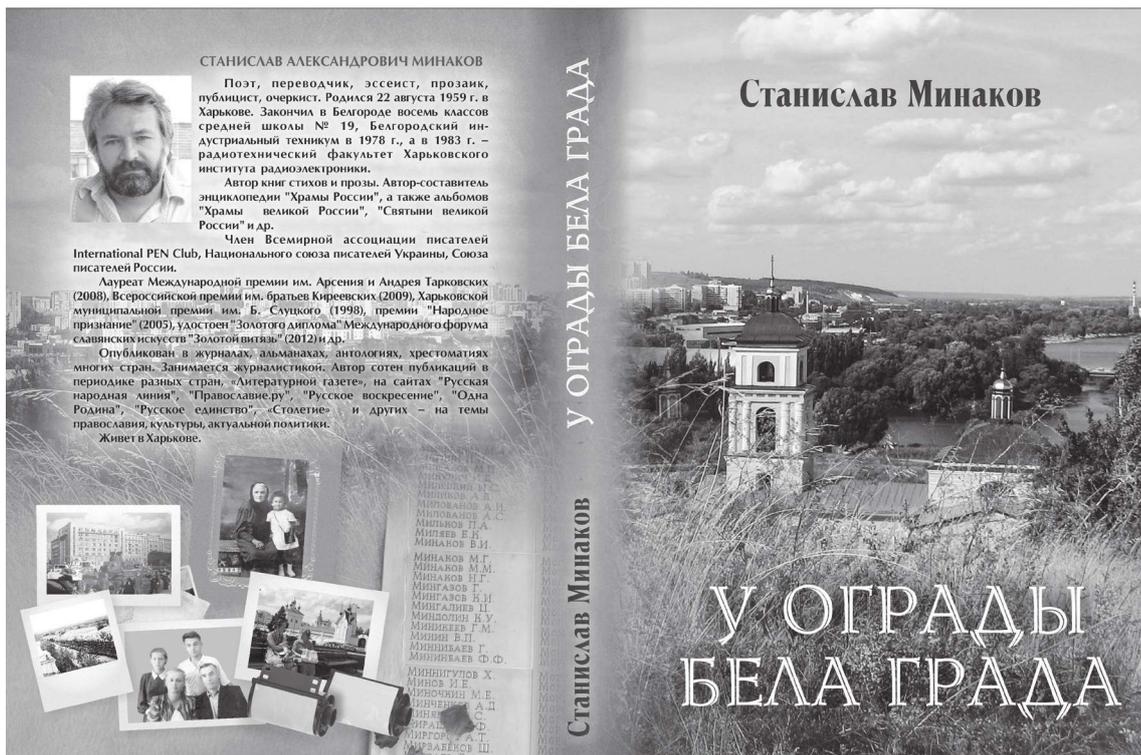
Модест Петрович скончался 28 марта 1881 г. в больничной палате Николаевского военного госпиталя.

Похоронен Мусоргский на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Новаторское значение творчества Мусоргского лишь немногими было оценено при его жизни. «Мусоргский принадлежит к числу людей, которым потомство ставит монументы», — сказал о композиторе В. Стасов. Да, прекрасный, величественный, богатырский памятник великому русскому композитору установлен на его родине. Там же, на Псковщине, в селе Карево, находится дом-музей композитора. Исследовательница творчества Мусоргского Р. К. Ширинян отмечала: «Трагический парадокс: одарив мир бесценными духовными сокровищами, Мусоргский ушёл из жизни нищим и бездомным. Но вот примерно через сто лет после смерти композитор вновь обрел свой дом в местах, где родился, прожил десять первых лет, увидел и почувствовал красоту родной земли, душу и долю своего народа. Земли, на которых располагались имения отца и матери Мусоргского, объявлены заповедными. С каревского холма, где стоял дом отца, люди видят то, что видел глаз будущего композитора: бесконечную водную гладь, раздолье земных просторов, ту цельную и многообразную красоту русской земли, которую “переложил на песню” русский народ, которую услышал и Мусоргский».

Слова композитора Ю. Шапорина как нельзя лучше подытожат наше приношение великому русскому композитору: «Поистине “универсальным ключом” к художественной правде владел он. И к какому жанру он ни обращался, везде сказал свежее слово, везде оставил нам непревзойденные образцы высокого искусства. Мусоргский — гордость и слава нашего народа, Илья Муромец русской музыки. Такого, как он, художника до него не было, и досель поставить рядом с ним некого».

ОСТАНОВКА НА «РОДИНЕ»

СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ МИНАКОВ

Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Родился 22 августа 1959 г. в Харькове. Закончил в Белгороде восемь классов средней школы № 19, Белгородский индустриальный техникум в 1978 г., а в 1983 г. – радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники.

Автор книг стихов и прозы. Автор-составитель энциклопедии "Храмы России", а также альбомов "Храмы великой России", "Святые великой России" и др.

Член Всемирной ассоциации писателей International PEN Club, Национального союза писателей Украины, Союза писателей России.

Лауреат Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (2008), Всероссийской премии им. братьев Киреевских (2009), Харьковской муниципальной премии им. Б. Суцкого (1998), премии "Народное признание" (2005), удостоен "Золотого диплома" Международного форума славянских искусств "Золотой витьязь" (2012) и др.

Опубликован в журналах, альманахах, антологиях, хрестоматиях многих стран. Занимается журналистикой. Автор статей, публикующихся в периодике разных стран. "Литературной газете", на сайтах "Русская народная линия", "Православие.ru", "Русское воскресение", "Одна Родина", "Русское единство", «Столетие» и других – на темы православия, культуры, актуальной политики. Живет в Харькове.

У ОГРАДЫ БЕЛА ГРАДА
Станислав Минаков

Станислав Минаков

У ОГРАДЫ
БЕЛА ГРАДА

В издательстве «Константа» вышла книга поэта, публициста, переводчика, прозаика, очеркиста Станислава Минакова «У ограды Бела града» (Белгород, Россия, 2013).

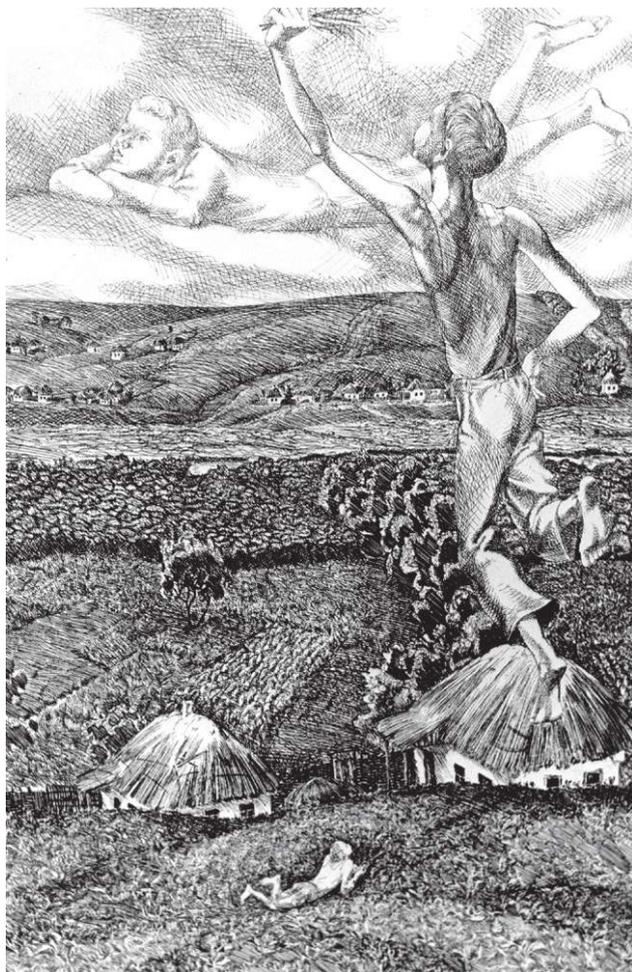
Статьи, очерки, дневниковые записи, вошедшие в этот сборник, связующей нитью охватывают историю семьи писателя, историю его города, точнее, двух «его» городов — Белгорода и Харькова, захватывая тем самым и историю нашего Отечества. И это не просто «статьи, очерки, записки, дневники, стихи» автора, связанные биографически или географически.

Основой первого раздела книги являются воспоминания С. Минакова о его отце, который во многом стал духовной опорой писателя. Александр Тихонович Минаков ослеп в 33 года в результате тяжелой работы в детские годы в оккупированном фашистами Харькове, и, в частности, сказался удар прикладом немецкого автомата по затылку мальчишке. История жизни родителей писателя С. Минакова — это пример любви и терпения, пример подвига, какой можно встретить, пожалуй, лишь в житиях святых. «Я буду твоими глазами», — сказала молодая жена ослепшему супругу. И была ими 43 года. В течение этих лет Александр Тихонович выполнял всевозможную работу, какую только может выполнить слепой человек. Вокруг семьи Минаковых собралось множество друзей, которые находили для себя самих поддержку и утешение в этом, казалось бы, безутешном человеке. Соприкосновение с домашним миром истинной любви позволит будущему писателю

процитировать слова митрополита Антония Сурожского из проповеди в Неделю о слепом: «... многие люди могли бы начать прозревать, если, встречая нас, они встречали бы людей, в глазах которых, на лице которых они могли бы увидеть сияние подлинной, трезвой любви; такой любви, которая не сентиментальна, но зряча, любви, которая способна видеть и понять».

В своих размышлениях автор книги подходит к убеждению, что эта болезнь близкого человека была дана «чтобы на нём явились дела Божии» (Ин. 9:3). Ибо сколько людей в наше время живут походя, в слепоте к миру и к ближним.

И судьба Александра Минакова — это ли не пример того, как много может человек, открывший в себе источник жизни. «Аскетизм, физическая ущербность, призванность для окормления окружающих душ» — вот признаки, в силу которых записки об отце названы С. Минаковым «Счастливая жизнь мученика Александра». Наряду с воспоминаниями об отце автор улавливает музыку своего времени: чем жили его современники и соотечественники, как выстраивалась жизнь переживших военное горе семей советских людей, и как выправлялись они и вырастали в единую огромную Родину. Вспоминает автор свою «самую лучшую на свете школу», дворовых друзей, и даже кинотеатр «Родина» и фильмы, которые тоже сыграли немалую роль в воспитании нескольких поколений людей — думающими и ответственными за своё, а также наше будущее. «Кинотеатра больше нет, но белгородцы по-прежнему, едучи на маршрутках

1 раздел. Косенков. Возле хаты на бугре. Офорт

по главной магистрали города, просят водителей: «Остановите на «Родине»! Я тоже решил остановиться «на Родине» и собрать эту книгу...», — доверительно обращается к нам писатель.

Книга Минакова продолжает русскую классическую повесть, влюбившихся нам традициях «Семейной хроники» Сергея Аксакова и «Жизни Арсеньева» Ивана Бунина.

Неотъемлемым предметом авторских размышлений является история Отечества. К примеру: участие Белгородского полка в Полтавской битве, философское осмысление танкового сражения под Прохоровкой в 1943 году, сложившееся в поэму-поминовение «Петров день», которая также вошла в эту книгу.

Основой же писания, как и бытия, для Минакова является духовный стержень нашей жизни. А как иначе, если в двух шагах от перекрестка, где в Белгороде прошли детские годы писателя, под спудом советского времени располагалась «пещерка» святителя Иоасафа Белгородского, которому здесь на протяжении 156 лет, с 1755 по 1911 гг., поклонялись как простые крестьяне, так и российские монархи; если Богородица «Песчанская», покровительница Слобожанщины, то есть белгородско-харьковской земли, защитительница всей Руси от нападения иноверных, ведёт писателя в Крестном ходе от харьковского

дома к белгородскому, и обратно, и в этом «хождении» он видит оберег для своей семьи, своей земли, всего Русского мира?

А слова Патриарха Кирилла, сказанные Его Святейшеством на Прохоровском поле в мае 2010 года, о том, что «только внутреннее духовное стояние, целостность человеческой природы являются панацеей от всех бед», Станислав Минаков ставит во главу угла не только своего творчества, но и как неотъемлемое условие возрождения русской жизни на земле отцов. И как не согласиться с автором книги в том, что истинным возрождением Белогорья (а город и окрестности, действительно, сегодня процветают, не в пример многим областям центральной России), стало обретение мощей двух светильников белгородской земли и всенародное почитание: святителя Иоасафа (Горленко) и священномученика Никодима (Кононова).

Один из трех разделов книги С. Минакова рассказывает о творчестве заслуженного художника РСФСР, друга, земляка писателя Станислава Косенкова, яркого, значимого представителя поколения послевоенной безотцовщины в русской культуре, наряду с художниками Виктором Попковым, Юрием Ракшей, композитором Валерием Гаврилиным, поэтами Юрием Кузнецовым, Николаем Рубцовым, Алексеем Прасоловым.

«В «новом» искусстве, где сплошь и рядом множатся конъюнктура и заигрывание, поверхностность и фрагментарность, — косенковские определённости, основательность разительны», — утверждает Минаков. Книжная иллюстрация Косенкова — целая галерея образов к рассказу курянина Евгения Носова «Красное вино победы», сборнику стихов воронежца Алексея Прасолова, да и к поэмам самого автора этой книги — это необъяснимые «внутренние» совпадения художника и писателя, «введение читателя в эмоционально-психологическую атмосферу книги, в эпоху», о которых и рассказывается в нескольких эссе и дневниках, написанных в течение четверти века и собранных в книге. Из-под пера Минакова выступает к читателю — моему современнику — не только график, но и философ, поэт, печальник земли русской Косенков. «Вообще мы с Косенковым частенько встречались глазами и как-то грелись от обоюдного тепла», — делится с читателем Минаков. К слову, это четвертая книга Минакова, оформленная графикой С. Косенкова. Размышления С. Минакова над книгой «У ограды Бела града» нередко слагались в пути «Белгород–Харьков–Белгород». По этому же пути, ребёнком, в лютый мороз, шёл двенадцатилетний отец писателя зимой 1942-го из Харькова — за хлебом к родным — в Белгород. Память о Великой Отечественной войне, а также негодование по поводу нынешней фашизации Украины — подсвечивает лирические строки автора. Особо отчетливо — в нынешний год 70-летия Курской битвы, в ходе которой были

Форзац книги стихотворений С. Минакова *Имярек*

освобождены Белгород, Орел и Харьков. Будучи автором большой энциклопедии «Храмы России» и цветных альбомов «Храмы великой России» и «Святые великой России» (Москва, ЭКСМО, 2009, 2010, 2011, 2012) и много фотографируя, Минаков мог бы проиллюстрировать свою новую книгу большим числом снимков. Но вместе с белгородским писателем Валерием Черкесовым, по-братски взявшимся редактировать рукопись книги, он решил, что тексты скажут сами за себя.

Приведем цитату из очерка 2010 г., давшего название первому разделу книги, «Золотое на белом» (речь идет о храме Петра и Павла в Прохоровке): «2 мая мы ожидали прибытия в этот храм Патриарха Кирилла, и мне удалось, слава Богу, более или менее внимательно прочитать часть этих вечных столбцов с восходящими в небеса именами. Слева от алтаря, рядом с фреской святого великомученика воина Феодора Стратилата, возле хоругви с вышитым — по периметру, золотой нитью — гласом Чудотворной иконе «Знамение»: «Яко необоримую стену и источник чудес стяжавше Тя раби Твои, Богородице пречистая, сопротивных ополчения низлагаем. Темже молим Тя: мир граду Твоему даруй и душам нашим велию милость», за сияющей золотом иконой Георгия Победоносца, коего празднуем 6 мая по нов. ст., в самый канун 65-летия Великой Победы, — на белом мраморе я отыскал золотые имена четверых Минаковых. <...>

Золотым на белом сиял шестикрылый серафим на патриаршем клобуке, золотом отражались солнечные лучи от юбилейных медалей, которые белгородский губернатор повесил на грудь ветеранам. И мы все, тысячи собравшихся, внимали памятной речи Патриарха. «Сегодня,

вспоминая героев войны, склоняя головы перед прошлым, мы обращаемся в будущее и просим Бога, чтобы Он никогда не оставлял наш народ, укреплял нашу веру, помогал нам быть сильными и способными одерживать победы. А это значит, что будут существовать и наш народ, и наше Отечество», — сказал Святейший Владыка и завершил в этот воскресный день (пятой Пасхальной седмицы) свое обращение пасхальным приветствием: «Христос Воскресе!» Теперь все эти события первых майских дней 65-летия Великой Победы, оправленные в бело-золотое свечение, примкнули к моим личным родовым воспоминаниям, соединясь в моём сердце в ясную живую мелодию. Видимо, так наша, пусть и трагичная, память — индивидуальная, семейная, общая — претворяется в светлую, устойчивую, ясную, вечную. И так память отчества становится памятью Отечества. Золотая. На белом».

Большинство из предлагаемых сочинений публиковалось в журналах, альманахах, антологиях и хрестоматиях, академических сборниках, прочитано в виде докладов на международных научных конференциях, представлено на Интернет-ресурсах «Русская народная линия», «Русское единство», «Столетие», «Православие.ру», «Одна родина», «Русское воскресение» и многих других.

Книга очерков Станислава Минакова — пример поступательного движения к возрождению русской провинции (ибо «вначале было Слово»), пример духовного и пристального собирания материалов об истории своей семьи, своего города-села. Иными словами, своей Родины, в облик которой нам всем уже пора всерьез взглянуть.

Ирина УШАКОВА, Москва, член Союза писателей России, координатор литературного форума Международного фестиваля славянских искусств «Золотой витязь»

Василь САГАН

АССОЦИАТИВНАЯ РЕЦЕПЦИЯ №...

Книга эта, сшиток, под именем «Шов. Печати печали», вышла в 2013 году, то бишь в ПРОШЛОМ году. Число 13 в системе чисел Пифагора обладает созидательной силой...
 ... Чёрный кожаный чехол, красная обложка...
 У человека тоже есть кожа, а под кожей — красное... У Вас, дорогой читатель, возникла эта ментальная национальная ассоциация «Чорне — це журба, а червоне — любов»? А мне всегда «червоне» — красное — чувствовалось, как страдание, боль и страх... Или, пожалуй, в обратной последовательности.
 «... время НЕЛЮБви ... на белом свете» — поёт певица-примадонна...
 Слово такое: «НЕЛЮБОВЬ».
 А кто это — поэт? Не точнее ли — ПОЕТ? Не тот ли, гляньте, кто идёт по канату — лезвию бритвы, идёт над пропастью экзистенции?

*босиком по лезвиям лучей, тянущихся от звезды
 к звезде,
 иду — стекает кровь по экрану неба.
 [...] сквозит... в космосе дождь...*

Боги, Боже, помогите ему удержать центр!!!
 Да и где же он, центр?

*Центр вселенной там,
 где чувствуешь боль —
 плечо, лопатка, пята,
 сердца ли чувственный бой...*

*Когда по твоим следам
 невидимый «ты» прошёл,
 где-то оставишь там,
 где вселенной центр —
 кто-то нажал Enter,
 стирая твои следы.*

«Я — от сегодня и от прежде., но есть во мне нечто, что от завтра, от послезавтра и от когда-нибудь», — пишет Фридрих Ницше в «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» (Харьков, «Фолио». — 2007. — с.222)
... Философия поэзии. Поэзия философии.

*В календаре — даты жизни моей не ищи!
Будто меня и не было, и не было жизни этой...
Вижу по обе стороны двух зарей кумачи —
это с распытых ладоней жизнь
вытекает светом...*

Мне кажется, что чехол книги был сначала, сПЕРВа, туда прятались листик за листиком, стих, стих, стих... А потом кто-то, чтобы их сберечь, сохранить, сшил их, СКРЕПил и снова спрятал от чужого глаза, от пытливого глаза, чтобы никто не узнал, чтобы мы не узнали, что там написано, потому что написано там:

*Нет — прошлого.
Нет — будущего.
Нет — ни верха.
Нет — ни низа.
Ни-че-го.*

... А ещё, что

*жизнь словно пластинка
до середины которой
доходит игла
а та всё не знает
что круги её сужаются*

В этом тексте есть два текста. Второй сокрыт в словах из заглавной буквы. Если Вы, уважаемый читатель, выстроите эти слова в последовательный ряд, то прочтёте...

Да, именно это прочёл и я!

Эту книгу нужно читать под пластинку, то есть под музыку, песню. Вам не кажется, что в этой книге звучит голос, два голоса? Первый — Поэта, Мой, Ваш, Наш ЕДИНый голос, КАЖДога, Другой (да, да, другой, а не второй) Эдит Пиаф: «Нет, не жалею ни о чём...»

*Non! Rien de rien ...
Non! Je ne regrette rien
Ni le bien qu'on m'a fait
Ni le mal tout ?a m'est bien ?gal!*

Такое мне увиделось, поКАЗАЛОСЬ, а, может, воОБРАЗИлось, когда я шёл по шву уже не чужой боли, над бездной отчаяния, с надеждой,

*... что есть где-то Берег,
на который ступив,
обретаешь, что намечтал.*

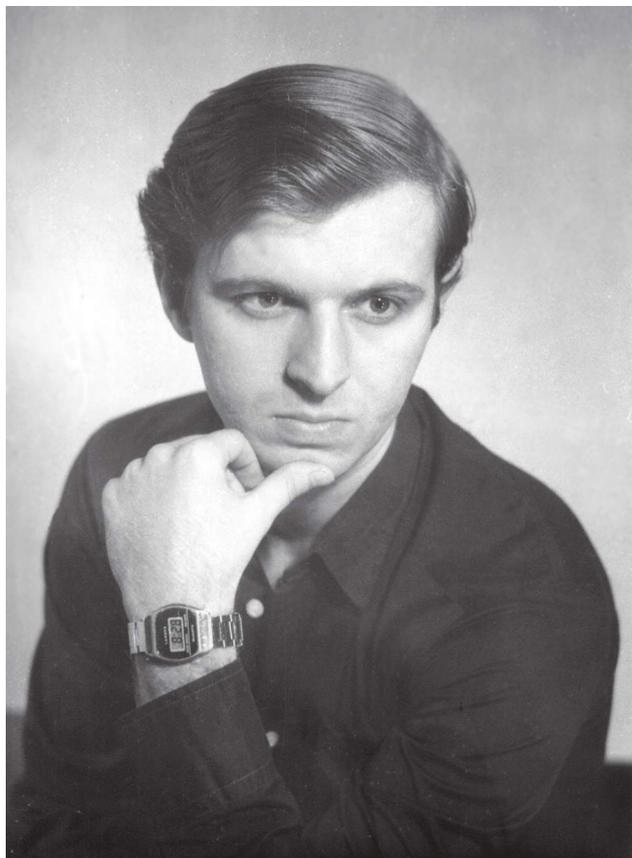
МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Сергей ЧЕРНЯЕВ

Харьков

(Из сборника «Изгой», 2000 г.)

ПУТЬ ЗЕРНА

Как переспелый колос
Мир наш ломок
Открыт и грозам
И ветрам страстей
Из наших душ —
Классических потемок
Не выберется к свету
Прометей

Нам бытия
Чужда первопричина
Попасть на жернова
Таков обет
И путь зерна
А Прометеева лучина
Пусть догорит —
Мы сами миру свет

Мы — дети влаги
У земли под спудом
Таимся искрами

Неведомой руды
И открываясь
Ливней пересудам
Как солнца солнц
Взойдем из борозды

МАСКАРАД

Я выведал много секретов у жизни
Познал и зенит и надир
Но слов не осталось — одни эвфемизмы
Гудят словно бубен в груди

Петарды и блики улыбок фальшивых
Ничьей не рассеют тоски
И ангелы треплют лишь тех за загривок
Кто смерти не подал руки

Избрав бесконечное множество масок
Взамен ускользящих лиц
Мы строим подолгу друг другу гримасы
Хотя бытие наше — блиц

И нам безразличны мечты и идеи
Способные выжечь сердца
Мы — просто паяцы и лицедеи
У звездного трона Творца

А вечность проходит — и не заметишь
Столетий как солнечных брызг
И может быть завтра нас всех словно ветошь
Выберят вон из игры

ПУСТЫЕ АЛТАРИ

Музыка сфер возможно микротональна
Но когда изучают глухие профессора
Ее гармонический строй — в манере скандальной
Готов я восславить их спесь троекратным “ура”

Мы больше не слышим друг друга с Эдемского
сада
Наш мир — муравейник сложенный из полумер
Все ноты фальшивы удушлива даже прохлада
Которую дарит не Бог — кондиционер

ЗРАЧОК НУЛЯ

В игре идей мы ставим на zero
Кто — ссылки на великих, кто — цитаты
Апостол Петр вечное перо
Расписывает на клочке заката

Мы словно в сон войдем в реестр
Отступит всех сует неразбериха
И нас встречая ангельский оркестр
Сыграет тушь задумчиво и тихо

Врата откроют лишь для той души
В ком есть огонь восторга и азарта
В игре идей все ставки хороши
Поскольку мир — сплошной тотализатор

АПОЛОГИЯ ПРОСТОТЫ

Убийственная простота как жало
Язвит умы и бередит сердца
Мир — это ливень из сановных жалоб
Над канцелярием небесного Отца

Пряма стезя от тварности до скотства
По вехам не найти пути назад
Творец рескриптом закрепить сиротство
Готов для самых неумных чад

Мы лабиринт своих хитросплетений
Надменно возвели из похвальбы
И в самозаточеньи словно тени
Скользим в простенках Драмы и Судьбы

Богдан АНТ

Харьков

ЩЕРБАТИЙ МІСЯЦЬ

Я без тебе не повен,
Я без тебе нуль.
Небом пливе мій човен
До мрії суцільних куль.

Часом його довершить
До ідеальних форм:
Коли не любов найперша,
Так метеоритний шторм.

І коло зорь палооких
У хороводи богів
Через мільйони років
Приймуть його без слів...

В скриньці у вічності сила
Лун, ночей і годин,
Знайде будь-хто собі милу —
Тільки Місяць — один.

ЄВА

Я священний вогонь кохання
Не віддам на поталу вітру,
Сльози перші твої й останні
Я щоками своїми витру.

Ти одна у моєму серці,
І немає більшої кари,
Ніж оце невибагливе скерцо,
Що нічні зіграли гітари.

Ти з глибин першородних кличеш,
Та не чуєш себе, не чуєш.
Я озвався до тебе тричі —
Ти сказала: «Мовчи». Мовчу я.

Замерза твій янгол-хранитель,
Склавши крила в заметах волосся...
Дай руками його зігріти,
Дай вдихнути у нього осінь,

Багатющу на яблука-рожі,
Що спіліші од п'яного меду.
Ти не бійся, скуштуй, хороша,
Так велів нам Бог-першопредок.

Так забудемось тут навічно,
Повернувшись до нього у лоно.
Ти мене вчетверте поклич-но
Крізь чарівний ефір небофону.

ДІВА МАРІЯ МАГДАЛІНА

В тій щіпці пороху для тебе
світ
зійшовся,
де в кожній порошокні —
жар
зорі
з намиста,
що о будь-якій порі
горітиме
на шиї,
як волосся
на плащаниці.
В полум'ї Турін,
в пожежі людство,
і, чого Він не торкнеться,—
сухе гілля,—
й ті ж зоряні вогні —
мов сірники,
а ти
на полотні,
на не руками створеній чернетці,
Творця
торкнулася
карміном серця.
І скам'янів

запалювальний порох біля брами,
закладений в підмурок райських врат,—
кровоточивий
вічністю
стигмат
на тілі світу,
що стоїть
під храмом...

Ти винесла з утробних вод
життя,
Маріє!
Ти ж
і омила
наостанок
смерть.
І всіх убогих,
що носила твердь,
червоним морем
вивела
до мрії,
на береги
усіх
живих
осердь.
З тих пір з'являєшся
згвалтованим собою,
що смертю
виправдовують життя,
і найнесамовитіше виття
причалуєш
до гавані
спокою,
накресленої
божою
рукою.
Живий чуттям,
палає світ
у паливі ганьби
і слави,
в намисті грають зорі поколінь,
а на оздобу
пильних
куполів
пішло Фаворське Світло
золотаве.

Любов, якої не знайти
Ні в душах, ні в Святім Писанні,
Нас обійме у покаянні
Й безплідді жодної мети.

Направлять стопи в Майбуття
Блаженні тим убогим духом,
Без котрого немає руху —
Одне кружляння й каюття.

Ввійде безсмертя в плоть і кров,
І вічність переповнить груди,
І кожен вдих причастям буде,
Бо з кожним видихом — любов.

Й, близькими ставши, вороги
Зіллються в невимовнім: «Браття!»
І ми позбудемось прокляття,
І нам забудуться борги.

І серце сонцем спалахне,
Набувши віри осяйної.
В ім'я Твоє палало двоє —
Тепер нас безліч. Ми — одне!

Сергей ОГИЕНКО

Люботин

СОЛИДАРНОСТЬ

Полубоков одиноко сидел в уголке надоевшей комнаты и во все свои два глаза упорно смотрел за окно, как там занималась и крепла весна. Весна за окном крепла и ширилась, но Полубокова не увлекала, потому что в желудке его с утра рюмсал и стеноло, и утолить эту возню было нечем.

Вдруг за колоратурой капающего крана Полубоков явно различил притаившийся новый, не принадлежавший ему звук. Он резко повернулся на табурете и сразу же пожалел о том, что ему довелось увидеть: прямо в его комнате стояла женщина рекламной красоты, вся в мехах, визаже и косметике, и абсолютно не вязалась с насторожённо окружившей её реальностью. Невероятная женщина как-то по-близкому смотрела на Полубокова; от неё струило Голливудом, губы были распахнуты для поцелуя.

— Вы... кто такая? — проговорил Полубоков лишь для того, чтобы выглядеть не совсем идиотом. Женщина запустила в свои волосы пальцы, украшенные матовыми ноготками, и глубинным, артезианским голосом произнесла:

— Я ваша женщина, Полубоков...

— Моя?! — Полубоков беспорядочно замотал головой. — Нету у меня никакой женщины! Вы ошиблись!

— Точно? — она сделала такой шаг к нему, что он пластырем влип в стену.

— Стойте! Ни шагу больше! Или...

— Или? — в её расширяющихся зрачках каилились искры.

— Или я буду кричать!

Женщина осталась на месте, однако арсеналы свои не свернула. Полубоков смог подумать, что, конечно же, кажется, и перевёл упавший дух.

— Спокойно, — женщина улыбулась, показывая, что она тоже человек. — Просто сегодня весна, и какой-то амур со своим луком сильно выстрелил и немножко в меня попал, а к стреле была привязана ваша фамилия. Вот я и тут. Я любить вас пришла, Полубоков, а вы даже встать не можете.

— Любить? — повторил липкое слово Полубоков и приложил руку к груди, но волнения там не обнаружил. — Нет, не получится.

— Глупенький! — начала ворковать женщина, вязко пританцовывая на месте. — То-то я смотрю, у ваших глаз краешки пообвисли — это к печали. Вы, главное, не бойтесь, а я вам девочку рожу с мальчиком.

— Ха! — во всю мощь хохотнул Полубоков. — Женщины! У вас там любовь на стреле извивается, а у меня тут с утра кушать нечего! А? Вот что всё-таки делать, если кушать сильно хочется? Что?!

— Спросите доктора, он знает.

— Доктора?! — прямо отделился от табурета Полубоков. — Да у нашего доктора только одно на уме, второе туда уже никак не влазит!

— Милый! — улыбка расплескалась на весь овал её лица. — Да я вам сейчас всё приготовлю!

— Не надо! — по-восточноединобóрстному резко выбросил ладонь вперед Полубоков. — В мехах у газовой плиты — пожар! И делу точка!

— Дурашка! — отвлекаясь бросила женщина и понемногу начала перетекать в сторону Полубокова.

— Стойте где стоите! — заорал на нее Полубоков. — У меня полный желудок коликов!

— А мог бы и кроликов! — делая милое лицо, съязвила она.

— Оставьте меня в покое! Чего вы от меня хотите?!

— Я хочу, чтобы вы ощутили запах женщины и откликнулись.

— Запах женщины? Обед, что ли? Не выйдет: продуктов, как и денег, нет!

— А что есть?

— Не знаю... — углубил руки в карманы Полубоков. — Весна вон...

— Да-а... — женщина устало прислонилась к стене и съехала по ней на пол. — Любовь зла — полюбишь и посла.

— А это мысль! — подхватил Полубоков. — Может, попробуете? Стрелу ведь можно вынуть, фамилию забыть. Амура попросите, он добрый — подстрелит ещё, а?

— Хорошо, — сухим шепотом сказала женщина. — Вы отвернитесь — я исчезну! Нет мужского внимания — нет и женщины.

— Дело! — радостно крикнул Полубоков и вновь уставился в акселератку-весну, подминающую всё под себя.

— А на прощание, — совсем спокойным голосом произнесла у него за спиной женщина, — позвольте пожелать вам приятного аппетита! «Она ещё издевается!» — горько подумал Полубоков и быстро оглянулся назад: в комнате было пусто. Как, впрочем, и в желудке, и в жизни вообще, — такая солидарность.

УНЕСЁННЫЙ

Юрка Шакал, по прозвищу Сапог, был человеком очень странной конструкции: субтильный, белесый — как говорили в селе, «быстрорастворимый». «Унесённый ветром», — называл его председатель Фома Данилыч и делал настолько прощающий жест рукой, что всем вокруг становилось грустно какой-то не совсем здешней, светлой грустью. Глядя на Юрку, никак нельзя было поверить, что этот человек прошёл Афганистан, имеет ранения и награды... хотя, конечно, война — штука сложная и на каждого влияет по-особому.

Юрка Шакал работал пастухом, и ничего ему больше, «унесённому», не было нужно. Коровы обращались с ним вежливо и понимающе, входили в его расштанное положение и не подводили — это Фому Данилыча удовлетворяло и все дальнейшие вопросы по Сапогу снимало. А Шакал был тихо и ненавязчиво счастлив только ему доверенным счастьем и жил среди откровения природы всё наполняющей светлой жизнью.

Рыбак рыбака видит издалека, и у Юрки был аналогичный ему котёнок Ламка, имевший такое распахнутое выражение глаз, будто, едва родившись, понял всю жизнь до конца и успокоился на её счёт навсегда, и над его пепельной шерстью витали Тибет, буддизм и нирвана.

Каждое погожее утро Юрка Шакал сажал на плечо пушинку урчащего Ламки, и, оберегаемый сопровождающими его коровами, выходил в луга, где сразу же выбирал самое сухое место и разбрасывался крестом в пахнущей жизнью траве.

Лежа так перед небом в траве, он чувствовал себя наиболее глобально, размером с мир... то ли сам мир снисходил и удомашнивался до размеров его восприятия и становился совсем-совсем близким, как созерцательный Ламка: можно было брать в зубы доверчивую травинку и щекотать ею близкое небо со взбитыми облаками, наблюдая, как устало клонится и медленно садится куда-то в правый карман солнце. Мягкогубые коровы

обступали медитирующего Юрку любопытным кольцом и мерно жевали что-то своё, увязая в волнах материнского чувства. Ёмкие глаза Ламки вбирали в себя мир целиком, и в них ещё оставалась бездна вакантного места, а миров для него пока не хватало, и Ламка вздыхал в своей пушистой глубине.

Решив к концу дня, что на сегодня уже достаточно, коровы поднимали Юрку с Ламкой на его плече и неторопливо влекли их домой, в село, изредка переглядываясь-перебрасываясь друг с дружкой излишками накопившейся нежности. Они никогда не толпились, не мычали и не сорили навозом, и весь этот тихо-торжественный вечерний ход был похож на шествие Просветлённых в сопровождении священных животных где-нибудь в Индии. Не хватало только трепета колокольчиков, которых Фома Данилыч коровам не позволял.

Юрка Шакал, по прозвищу Сапог, был человеком очень странной конституции.

Да и кто их поймёт, этих «афганцев».

Александр ШАПОВАЛОВ

Харьков

ВЕРУЮ!

В основу этого рассказа Александра Шаповалова о неслучайной случайности положен один из реальных эпизодов афганской войны. Его герои — обыкновенные советские пацаны времен воинствующего атеизма. Каждый из них шел к Богу своим путем. Далеко не близким, поскольку повстречали они Его за тысячи верст от православных куполов...

— А ты знаешь, сержант, что у тебя во взводе исусик завелся?

— Кто?! — Пробив кумулятивной струей мой рот, злое слово вlepилось в портрет Горбачева на стене политотдела.

Обычно, когда тайное становилось явным, такие чмыри дослуживали в стройбате в южном Казахстане. Зимой туда отправили закосившего под адвентиста москвича из молодых. В Союз он улетел одним бортом с нашим «двухсотым», переслужившим два месяца. То, что осталось от Юрки Булгакова после прямого попадания из душманского гранатомета, уместилось в каску.

— Лещук из нового пополнения.

Его я заметил сразу, потому что он не матерился. На потомственного интеллигента хлопец из затерянной среди болот и лесов волынской деревушки явно не тянул. Впрочем, штатное оружие он знал, поэтому я оставил его в покое. Как оказалось, зря.

— Верующий он — на груди иконку носит, — копаясь в тощем личном деле, ворчал замполит. — Конечно, сейчас новое мышление и каждый мажет яйца на свой вкус, но ты разберись, почему у отца-коммуниста сын такой. Тем более что тут ему не богадельня, а ДШ...

— Так теперь усыновить его прикажете или как, товарищ майор?

— Отставить разговорчики! Кругом, шагом марш! Только душевно и аккуратно, без синяков. Иначе в дисбате сгниешь...

Если сержанту из десантно-штурмовой группы прикажут стать ангелом, то после того как он отмоет от крови руки, ему останется только прицепить крылья. Поэтому после отбоя я вызвал Лещука в каптерку, служившую до подъема солдатским трибуналом. Старики вершили здесь многие судьбы, в том числе и мою. А потом и я по сроку службы стал почти Понтием Пилатом, о котором перед армией недочитал у Булгакова. Его «Мастер и Маргарита» остались на книжной полке в прошлой жизни. А в этой был лишь цинкач с Юркой, зарытый на костромском погосте. Он мог стать кем угодно, а стал прахом. Миной замедленного действия. Из нее предусмотрительно вынули взрыватель, чтобы она не разнесла в клочья советскую страну. Хотя разнесем ее не мы, злые до беспредела, а такие вот тихие Лещуки...

Эти мысли лезли мне в голову после кружки кишмишовки — ядреной виноградной жужки. Закусив галетой, я прищурился, пытаюсь выдать вьевшуюся в глаза усталость. И, задымив «Охотничьими», велел:

— Давай, блаженный, Расскажи, как ты дошел до жизни такой...

Спустя пять минут я узнал, что с маленькой бронзовой иконкой Георгия Победоносца, на обороте которой славянской вязью было отлито: «Железо тебя не тронет», прадед Лещука прошел Первую мировую, дед — Отечественную, а отец в пятьдесят шестом — Венгрию. Подобный расклад меня слегка озадачил, но не настолько, чтобы не взять этого телка за рожки:

— А батя твой партейный в Бога верует?

— Вирать, раз я еще живой. Вони як взнали, куди я попав, то щодня за мене моляться.

Тогда я не ведал, что то же самое делает и моя мама, праведная коммунистка...

Мне чертовски хотелось спать; пересказ Священного Писания из уст оборзевшего салаги убаюкивал, навеивая тоску, и я решил разом прекратить этот балаган.

— Слушай сюда, христосик. Отбирать это я у тебя не буду. Можешь засунуть свой металлолом куда угодно. Но если он еще раз попадется на глаза замполиту или мне — урою! На ближайших боевых пойдешь со мной. И если сдрейфишь, то я шлепну тебя своей же рукой!..

Моя правая могла забить гвоздь, законспектировать лекцию, выжать сто пятьдесят раз пудовую гирию, но лучше всего она умела нажимать на спусковой крючок. В двадцать, случись что, я и вправду мог без раздумья пристрелить малодушного. А для Лещука уготовил поистине адское наказание: крещение пленными. Кое-кто из моего призыва прошел через него, но мне

повезло — своего первого я положил в бою.

В дверях он замешкался и, обернувшись, спокойно улынулся:

— Ви, товаришу сержант, теж віруєте, тільки про це ще не знаєте. Храни вас Господь!..

В ту ночь я уснул под утро. Ворочаясь на койке, вспоминал свою первую высадку. Но как он догадался, если тогда мое робкое «Спаси и Сохрани» слышал лишь вездесущий ветер-афганец?..

А через два дня случилось то, к чему, собственно, все это предисловие. На вторые сутки совместной с «зелеными» операции в провинции Фарьяб нам приказали зачистить один из кишлаков Андхойского улусвольства, где укрылась банда, потрепавшая накануне под Даулатабадом транспортную колонну. Однако на подходе к месту союзнички-сарбозы запаниковали. Стало ясно: кишлак кишит «духами».

Для начала головной дозор прочесал окраину — пусто. После этого наш взвод под прикрытием приданной брони осторожно втянулся в узкую улочку. Чем дальше, тем она становилась все уже, а ограждавшие ее дувалы — выше. Вскоре БТР обреченно сунул свой нос меж двух высоченных стен и остановился. Оттуда мы двинулись по тропе, на которой едва могли разминуться двое, к базарной площади. Между лопатками на моей спине вмиг взмокло. В горле пересохло. Все почернели. Только он, вышагивая впереди, казалось, светился и, улыбаясь, что-то бормотал.

— Что, Лещук?

— Сьогодні ж Великдень. Христос воскрес!..

На майдане взвод попал под перекрестный огонь. Отовсюду отрывисто залаяли душманские автоматы. «Влипли, православные!» Напоровшись на засаду, мы были обречены. Вертясь волчком на пыльной глине между фонтанчиков от пуль, я огрызался короткими очередями. Жить оставалось до конца рожка. Краем глаза я засек пулемет, харкнувший в меня свинцовым плевком. «Хана!» Но тут кто-то метнулся вперед... Где он взялся на линии огня — одному Богу известно. Приняв в себя пулеметную очередь, Лещук дернулся и упал замертво. Распластавшись рядом, я ползком потащил его к ближайшему укрытию. Те несколько метров и поныне самая долгая дорога в моей жизни...

Не подоспей вовремя родимые вертушки — всем нам пришел бы аминь. Пронесясь над кишлаком, пара МИ-24 раздолбала позиции «духов».

«Живой... Слава Богу, живой! Не меня...» — выдохнув из легких едкую пыль, я встрепенулся и поспешил к санинструктору, хлопотавшему возле него.

Он не умер. Прощив бронежилет, две пули застряли в теле, а третья, пробив иконку в лике Святого Георгия под сердцем, всего лишь сломала ребро. Такие чудеса порой случаются на войне...

«Смертию смерть поправ,» — отдалось в моем мозгу, когда его заносили в вертолет. Потом, раскрутив лопасти, железная стрекоза упорхнула за речку. А мы, уцелевшие, еще неделю рыскали по Приамударьинской пустыне, пока не покончили с остатками банды.

Я мстил за него, увеличив количество насечек на прикладе своего автомата почти вдвое. Да, видно, переборщил, раздраконив смерть. Через месяц меня тяжело контузило.

В госпитале, едва придя в себя, я узнал, что разминулся с ним. Из Душанбе его отправили на долечивание в Подмоскowie, где и комиссовали вчистую.

После был мир, встретивший нас изменой. Лишь через пять лет, плюнув на все, я на Пасху выбрался к человеку, о котором не забывал и вряд ли забуду до гробовой доски.

Первый день мы вспоминали и пили, а на второй пошли к заутрене в церковь — помянуть погибших ребят. Поставив каждому по свече, я взгляделся в искореженный свинцом лик Георгия Победоносца. Отблески пламени на нем и скатившаяся по моей щеке слеза уводили в прошлое, откуда уже никогда не будет возврата...

«И нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя», — перекрестившись, я посмотрел на Лещука. Он весь светился, как и тогда, и я понял, что так и не спрошу его о том, ради чего приехал. Да и вряд ли он мне об этом скажет. Ведь есть вопросы, на которые нельзя дать ответ; даже такими простыми словами, как хлеб и вода...

После службы мы сидели на берегу Свитязя. Курили, молчали. В ясном небе трассерами носились ласточки, которым не было абсолютно никакого дела до двух поседевших мальчишек. Пахло весной. Мое сердце было готово остановиться, но почему-то очень хотелось жить.

Редакция журнала выражает отдельную благодарность Андрею ПОЛЯКОВУ и Маргарите МОСКВИЧЁВОЙ за помощь в подготовке визуального ряда этого номера.

СОДЕРЖАНИЕ

СУМЫ город ПОЭТОВ

Андрей	ПОЛЯКОВ	8	Татьяна	ШЕИНА	130
Юрий	АРТЮХОВ	11	Юрий	ШКУРКО	132
Альбина	БАТУРИНА	13	Анастасия	ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА	133
Сергей	БОГАТЧУК	18			
Нина	ВАЛЕН	19		ПЕРЕВОДЫ	
Евгений	ВЕЛЕС	20	Елена	АМБЕРОВА	136
Антон	ДУБОДЕЛОВ	22	Елена	БУЕВИЧ	142
Виктория	ЕВТУШЕНКО	23	Дмитрий	ЖУКОВ	146
Рия	ЖУЛЁВА	26	Александр	КОНОПЛЯ	149
Антон	КАМЫШНИКОВ	28	Виктория	ЕВТУШЕНКО	23
Ольга	КОЗЕНКО	30			
Сергей	ЛАТЫШЕВ	35		ПРОЗА	
Нина	ЛЫМАРЬ	40	Александр	КРАМЕР	154
Мантихора	ИРИНА МИХНО	44	Андрей	ПОЛЯКОВ	159
Наталья	МЕДНИКОВА	47	Анжела	РАФАИЛОВА (АРСЕНОВА)	164
Виталий	МЕЛАНИЧ	49	Чеслав Л.	ОДИССЕЙ	166
Маргарита	МОСКВИЧЁВА	50			
Виктор	ОСАДЧИЙ	53		СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Юрий	ОШ	55	Станислав	МИНАКОВ	172
Юрий	ПЛЮЩЕНКО	58	Анна	МИНАКОВА	182
Василий	ПОДШИВАЙЛОВ	61	Ирина	УШАКОВА	187
Надя	ПОЗНЯК	65	Василь	САГАН	190
Татьяна	ПРУС	69			
Виталий	СИМОНОВСКИЙ	71		МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ	
Алёна	СМИРНОВА	73	Сергей	ЧЕРНЯЕВ	194
Татьяна	СТАРЦЕВА	74	Богдан	АНТ	195
Лариса	ТРАВНИКОВА	77	Сергей	ОГИЕНКО	197
Александр	ТРИ	79	Александр	ШАПОВАЛОВ	199
Маша	ЧАЙКИНА	81			
Елена	ЧЕРНЕНКО	85			
Евгения	ЧЕРНЕЦКАЯ	89			
Мария	ШИНКАРЕНКО	90			

ПОЭЗИЯ рождённых в г. СУМЫ

Марина	ГУРТОВАЯ	94
Геннадий	КРЕЙМЕР	96
Герман	ТИТОВ	97

ПОЭЗИЯ

Елена	БУЕВИЧ	102
Зинаида	ВАРЛЫГИНА	105
Радомир	ДОРОФЕЕВ	107
Христина	ДРАГОМИРЕЦЬКА	108
Леся КАВА	Дарина ГЛАДУН	110
Марина	КОРДОНЕЦ	113
Андрей	КОСТИНСКИЙ	115
Михаил	КРАСИКОВ	116
Наталья	КУРИЛИНА	117
Ольга	ЛАДОНЯ	118
Мила	МАШНОВА	119
Оксана	НОВИКОВА	121
Анжела	РАФАИЛОВА (АРСЕНОВА)	122
Ольга	СМОЛЬНИЦКАЯ	123
Николай	СТОЛИЦЫН	127

Литературно-художественное издание

ЛАВА

Проект клуба поэзии АВАЛ

Концепция номера,
вёрстка, дизайн – Герман Титов

Сдано в набор 14. 07. 2014.
Подписано в печать 15. 07. 2014.
Формат 170x297/16. Бумага офсетная.
Печать офсет. Тираж 500 экз.

Типография ЧИПП «Слово»
61024 г. Харьков ул. Лермонтовская, 27
тел./факс (057) 7192195
Свидетельство о внесении
в государственный реестр:
ХК № 214 от 21.11. 2007г.